

ISSN 2541-9056

ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
РОССИИ

научный журнал

scholarly journal

HUMANITIES
RESEARCHES
OF THE
CENTRAL RUSSIA

№ 1 (38), 2026

Гуманитарные исследования Центральной России

Humanities researches of the Central Russia

№ 1 (38), 2026

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Регистрационный номер: ПИ № ФС77-74882 от 21 января 2019 г.)

Информация о материалах научного журнала предоставлена в систему РИНЦ
по договору № 151-03/2017 от 29.03.2017 г.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК (Распоряжение Минобрнауки России
от 22 октября 2021 г. № 411-р), в которых могут быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по 4 специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.6.1. Отечественная история (исторические науки).

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки).

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Липецкий государственный
педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
398020, Российская Федерация,
Липецкая область,
г. Липецк, ул. Ленина, д. 42

РЕДАКЦИЯ:

398020, Российская Федерация,
Липецкая область,
г. Липецк, ул. Ленина, д. 42
Телефон: +7 (4742) 32-83-12

Издается с 2016 года.

Периодичность издания – 4 раза в год

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
“Lipetsk State Pedagogical
P. Semenov-Tyan-Shansky
University”
42, Lenina St.,
398020, Lipetsk, Lipetsk region, Russia

EDITORIAL OFFICE:

42, Lenina St.,
398020,
Lipetsk, Lipetsk region, Russia
Telephone: +7 (4742) 32-83-12

Published since 2016.

Publication frequency: quarterly

e-mail: gicr-lspu@yandex.ru

сайт: <http://hum-research.com>

При цитировании ссылка на журнал «Гуманитарные исследования Центральной России» обязательна.
Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов, опубликованных в журнале,
допускается только с разрешения редакции.

Научный журнал «Гуманитарные исследования Центральной России» публикует научные материалы результатов фундаментальных и прикладных исследований по широкому спектру проблем гуманитарного знания.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников по следующим отраслям наук:

5.6 Исторические науки

5.8 Педагогика

5.4 Социология

Журнал осуществляет научное рецензирование (двустороннее слепое) всех поступающих в редакцию материалов с целью экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Рецензии хранятся в издательстве и редакции в течение 5 лет.

Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования изданий и авторства научных публикаций и рекомендаций Комитета по этике научных публикаций.

Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых могут быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по 4 специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.6.1. Отечественная история (исторические науки).

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки).

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

The scientific journal «Humanities researches of the Central Russia» publishes scientific papers results of basic and applied researches in a wide range of humanitarian problems.

The content and the titles of sections correspond to the scientific branches and to the scientists' specialties groups according to the Nomenclature of specialties for scientists:

5.6 Historical sciences

5.8 Pedagogics

5.4 Sociology

For the complex expert evaluation all manuscripts undergo "double-blind" review. All the reviewers are acknowledged experts in areas they are responsible for. The Reviews are stored in the publishing house and publishing office during 5 years.

The Editorial staff sends to the submitted materials' authors the reviews' copies or a substantiated refusal. The Editorial staff of the journal sends the reviews' copies to the Ministry of Education and Science of the Russian Federation by request.

«Humanities researches of the Central Russia» journal is registered in the Russian Index of Scientific Citations and submits information about the published articles to the Russian Index of Scientific Citations.

The opinions expressed by the journals' authors do not necessarily reflect those of the Editorial Staff.

The journal is included into the List of scientific editions of State Commission for Academic Degrees and Titles. These editions can publish essential results of the thesis papers of those seeking higher doctorate degree, candidate degree for four scientific fields and corresponding branches of sciences:

5.6.1. Russian History (Historical Sciences).

5.6.2. World History (Historical Sciences).

5.8.1. General Pedagogy, History of Pedagogy and Education (Pedagogical Sciences).

5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education (Pedagogical Sciences).

The journal is indexed and archived by the Russian Index of Scientific Citations

Редакционный совет

Богуславский Михаил Викторович, главный редактор, главный научный сотрудник лаборатории сравнительного образования и истории педагогики ФГБНУ «Институт содержания и методов обучения имени В.С. Леднева» Министерства просвещения РФ, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО (г. Москва, Россия).

SPIN-код: 8491-4853, AuthorID: 517311, WOS ResearcherID V-4671-2017, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-3035-0090>.

Бурмыкина Ирина Викторовна, заместитель главного редактора, профессор кафедры экономики и управления ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», доктор социологических наук, профессор (г. Липецк, Россия).

SPIN-код: 5463-9480, AuthorID: 282637, Scopus ID 57191914262, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4145-5859>.

Гречушкина Наталия Валерьевна, ответственный секретарь, доцент кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», кандидат филологических наук, доцент (г. Липецк, Россия).

SPIN-код: 3432-5743, AuthorID: 825216, WOS ResearcherID F-8426-2018, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2488-1511>.

Бабинцев Валентин Павлович, профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук, профессор (г. Белгород, Россия).

SPIN-код: 8599-4267, AuthorID: 265785, Scopus ID 23975595200, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0112-6145>.

Габор Дьёни, научный сотрудник университета имени Лоранда Этвеша, Центр русистики, кандидат исторических наук (г. Будапешт, Венгрия).

Scopus ID 55359446500.

Грот Лидия Павловна, директор консалтингово-образовательного предприятия «НОРРКОН АБ», кандидат исторических наук (г. Лулео, Швеция).

SPIN-код: 1768-1727, AuthorID: 816222, WOS ResearcherID D-1052-2016, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0184-1023>.

Захаров Виктор Николаевич, заместитель директора Института российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор (г. Москва, Россия).

SPIN-код: 3851-1530, AuthorID: 71852, Scopus ID 57206381143.

Федина Нина Владимировна, ректор ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», кандидат педагогических наук, доцент (г. Липецк, Россия).

SPIN-код: 9762-2104, AuthorID: 459891, Scopus ID 57191910341.

Mikhail V. Boguslavskiy, editor-in-chief, chief researcher at the Laboratory of Comparative Education and the History of Pedagogy of the Institute of Content and Methods of Teaching named after V.S. Lednev of the Ministry of Education of the Russian Federation, Dr. Sci (Pedagogy), professor, corresponding member of Russian Academy of Education (Moscow, Russia).

SPIN-code: 8491-4853, AuthorID: 517311, WOS ResearcherID V-4671-2017, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-3035-0090>.

Irina V. Burmykina, deputy editor in chief, Dr. Sci (Sociology), professor, Chair of economics and management, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, professor (Lipetsk, Russia).

SPIN-code: 5463-9480, AuthorID: 282637, Scopus ID 57191914262, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4145-5859>.

Natalia V. Grechushkina, executive editor, Ph.D. (Philology), docent at the Chair of the Russian Language and Literature, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, docent (Lipetsk, Russia).

SPIN-code: 3432-5743, AuthorID: 825216, WOS ResearcherID F-8426-2018, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2488-1511>.

Valentin P. Babintsev, Dr. Sci (Philosophy), professor, chair of social technologies, Belgorod State University, professor (Belgorod, Russia).

SPIN-code: 8599-4267, AuthorID: 265785, Scopus ID 23975595200, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0112-6145>.

Gabor Dëni, Ph. D. (History), researcher, Loránd Eötvös University, Russian Studies center (Budapest, Hungary).

Scopus ID 55359446500.

Lydia P. Groth, Ph. D. (History), director of consulting and educational enterprise "NORRKON AB" (Lulea, Sweden).

SPIN-code: 1768-1727, AuthorID: 816222, WOS ResearcherID D-1052-2016, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0184-1023>.

Viktor N. Zakharov, Dr. Sci (History), professor, deputy director of the Russian History Institute (RAS), professor (Moscow, Russia).

SPIN-code: 3851-1530, AuthorID: 71852, Scopus ID 57206381143.

Nina V. Fedina, Ph.D. (Pedagogy), rector of Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, docent (Lipetsk, Russia).

SPIN-code: 9762-2104, AuthorID: 459891, Scopus ID 57191910341.

Беляков Владимир Владимирович, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Военного университета МО РФ, доктор исторических наук (г. Москва, Россия). SPIN-код: 1394-8873, AuthorID: 642035.

Буховец Олег Григорьевич, профессор кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, доктор исторических наук, профессор (г. Минск, Белоруссия). SPIN-код: 6591-4001, AuthorID: 250046.

Вашкау Нина Эмильевна, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», доктор исторических наук, профессор (г. Липецк, Россия). SPIN-код: 1730-9315, AuthorID: 286560, WOS ResearcherID F-8347-2018, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9181-4381>.

Данакин Николай Семенович, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова, доктор социологических наук, профессор (г. Белгород, Россия). SPIN-код: 1330-5182, AuthorID: 642971, Scopus ID 56451078600, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3116-2347>.

Долгих Аркадий Наумович, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», доктор исторических наук, доцент (г. Липецк, Россия). SPIN-код: 4507-8888, AuthorID: 497057, WOS ResearcherID G-7571-2018, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4883-1095>.

Дюжакова Марина Вячеславовна, заведующий кафедрой педагогики и методики дошкольного и начального образования Воронежского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, доцент (г. Воронеж, Россия). SPIN-код: 5112-9746, AuthorID: 316582.

Егорова Галина Ивановна, профессор кафедры педагогического и специального образования БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет», доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАН (г. Сургут, Россия). SPIN-код: 6116-6720, AuthorID: 250423, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1013-9161>.

Елисеев Владимир Константинович, заведующий кафедрой педагогики, психологии и специального образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», профессор, доктор педагогических наук, профессор (г. Липецк, Россия). SPIN-код: 3744-4356, AuthorID: 317980, WOS ResearcherID G-4797-2018, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7607-911X>.

Канищев Валерий Владимирович, профессор кафедры всеобщей истории и российской истории ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.П. Державина», доктор исторических наук, профессор (г. Тамбов, Россия). SPIN-код: [7493-7110](https://orcid.org/0000-0002-8372-4455), AuthorID: [76731](https://orcid.org/0000-0002-8372-4455), Author ID Scopus: 57190408126, ResearcherID: [ABH-4863-2020](https://orcid.org/0000-0002-8372-4455), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8372-4455>.

Катаев Дмитрий Валентинович, профессор кафедры социального образования и социологии ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», доктор социологических наук, доцент (г. Липецк, Россия). SPIN-код: 3065-3384, AuthorID: 664724, WOS ResearcherID S-6643-2017, Scopus ID 56177681100, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4391-8949>.

Лазарева Мария Васильевна, заведующий кафедрой дошкольного и начального образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», доктор педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования (г. Липецк, Россия). SPIN-код: 4808-2016, AuthorID: 501355, WOS ResearcherID G-8648-2018, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0101-6306>.

Мангер Татьяна Эдуардовна, директор Державинского лицея ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.П. Державина», доктор педагогических наук, профессор (г. Тамбов, Россия). SPIN-код: 6702-1468, AuthorID: 377247. ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1163-4706>.

Мауль Виктор Яковлевич, профессор кафедры гуманитарно-экономических и естественнонаучных дисциплин Тюменского индустриального университета, Нижневартковского филиала, доктор исторических наук, профессор (г. Нижневартовск, Россия). SPIN-код: 3232-3483, AuthorID: 190241.

Мельникова Раиса Ильинична, профессор кафедры политологии, управления и регионоведения Воронежского института экономики и социального управления, доктор социологических наук, профессор (г. Воронеж, Россия). SPIN-код: 8317-0004, AuthorID: 382163.

Патрушев Владимир Иванович, профессор Одинцовского гуманитарного университета, доктор социологических наук, профессор (г. Одинцово, Россия). AuthorID: 111864.

Перевезенцев Сергей Вячеславович, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор (г. Москва, Россия). SPIN-код: 7550-6644, AuthorID: 166499, WOS ResearcherID A-8553-2019, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0127-1983>.

Романенко Сергей Александрович, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики историко-архивного института, отделения международных отношений и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор (г. Москва, Россия). SPIN-код: 4151-8910, AuthorID: 502310.

Рослякова Надежда Ивановна, профессор кафедры управления в спорте и образовании ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма», доктор педагогических наук, профессор (г. Краснодар, Россия). SPIN-код: 3588-1502, AuthorID: 422645.

Рюдигер Хартмут Петер, PhD Университет Мартина Лютера (Халле, ФРГ).

Томилин Виктор Николаевич, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», доктор исторических наук, доцент (г. Липецк, Россия). SPIN-код: 9154-9415, AuthorID: 498659

Хавкин Борис Львович, профессор Российского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор Академии военных наук РФ, профессор (г. Москва, Россия). SPIN-код: 6830-2158, AuthorID: 708640.

Хитов Митко Михайлов, доктор экономики Университета национального и мирового хозяйства (г. София, Болгария). Scopus ID C-1951-2019, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7589-6687>.

Черешнева Лариса Александровна, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», доктор исторических наук, доцент (г. Липецк, Россия). SPIN-код: 6101-7447, AuthorID: 472208, WOS ResearcherID G-1664-2018, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6533-1992>.

Шмарин Юрий Васильевич, профессор кафедры социального образования и социологии ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», доктор социологических наук, профессор (г. Липецк, Россия). SPIN-код: 9976-5823, AuthorID: 482987, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0960-4770>.

Editorial board

Vladimir V. Belyakov, Dr. Sci (History), leading researcher of the Institute of oriental studies RAS, professor, Military University, (Ministry of Defence of the RF) (Moscow, Russia). SPIN-code: 1394-8873, AuthorID: 642035.

Oleg G. Buhovec, Dr. Sci (History), professor at the chair of political sciences at the Belorussian State Economic University, senior research scientist at the Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences, professor (Minsk, Russia). SPIN-code: 6591-4001, AuthorID: 250046.

Nina E. Vashkau, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, professor (Lipetsk, Russia). SPIN-code: 1730-9315, AuthorID: 286560, WOS ResearcherID F-8347-2018, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9181-4381>.

Nikolai S. Danakin, Dr. Sci (Sociology), professor, chair of sociology and administration, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, professor (Belgorod, Russia). SPIN-code: 1330-5182, AuthorID: 642971, Scopus ID 56451078600, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3116-2347>.

Arkadiy N. Dolgikh, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, docent (Lipetsk, Russia). SPIN-code: 4507-8888, AuthorID: 497057, WOS ResearcherID G-7571-2018, ORCID <http://orcid.org/0000-0002-4883-1095>.

Marina V. Dyuzhakova, Dr. Sci (Pedagogy), docent, head of pedagogy and methodology of preschool and primary education chair, Voronezh State Pedagogical University, docent (Voronezh, Russia). SPIN-code: 5112-9746, AuthorID: 316582.

Galina I. Yegorova, Dr. Sci (Pedagogy), professor, Chair of Pedagogical and Special Education, Surgut State Pedagogical University, professor, corresponding member of Russian Academy of natural Sciences (Surgut, Russia). SPIN-code: 6116-6720, AuthorID: 250423, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1013-9161>.

Vladimir K. Eliseev, Dr. Sci (Psychology), professor, head of pedagogy, psychology and special education chair, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, professor (Lipetsk, Russia). SPIN-code: 3744-4356, AuthorID: 317980, WOS ResearcherID G-4797-2018, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7607-911X>.

Valery V. Kanishchev, Ph.D. (History), professor, Chair of General and Russian History, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, professor (Tambov, Russia). SPIN-code: [7493-7110](https://orcid.org/0000-0002-8372-4455), AuthorID: [76731](https://orcid.org/0000-0002-8372-4455), Author ID Scopus: 57190408126, ResearcherID: [ABH-4863-2020](https://orcid.org/0000-0002-8372-4455), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8372-4455>.

Dmitry V. Kataev, Dr. Sci (Sociology), professor, Chair of social education and sociology, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, docent (Lipetsk, Russia). SPIN-code: 3065-3384, AuthorID: 664724, WOS ResearcherID S-6643-2017, Scopus ID 56177681100, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4391-8949>.

Maria V. Lazareva, Dr. Sci (Pedagogy), head of chair of Preschool and Primary Education, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, docent, corresponding member of International Academy of Pedagogical Sciences (Lipetsk, Russia). SPIN-code: 4808-2016, AuthorID: 501355, WOS ResearcherID G-8648-2018, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0101-6306>.

Tatiana E. Munger, Dr. Sci (Pedagogy), professor, director of Derzhavinsky Lyceum, Tambov State Derzhavin University (Tambov, Russia). SPIN-code: 6702-1468, AuthorID: 377247, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1163-4706>.

Victor Ya. Maul, Dr. Sci (History), professor, Chair of Humanities, Economic and Natural Sciences Industrial University of Tyumen, professor (Nizhnevartovsk, Russia). SPIN-code: 3232-3483, AuthorID: 190241.

Raisa I. Melnikova, Dr. Sci (Sociology), professor, Chair of Political Science, Management and Regional Studies, Voronezh Economics and Social Management Institute (Voronezh, Russia). SPIN-code: 8317-0004, AuthorID: 382163.

Vladimir I. Patrushev, Dr. Sci (Sociology), professor, Odintsovo humanities University, professor (Odintsovo, Russia). AuthorID: 111864.

Sergey V. Perevesentsev, Dr. Sci (History), professor, chair of the history of socio-political doctrines, Lomonosov Moscow State University, professor (Moscow, Russia). SPIN-code: 7550-6644, AuthorID: 166499, WOS ResearcherID A-8553-2019, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0127-1983>.

Sergey A. Romanenko, Dr. Sci (History), professor Russian State University for the Humanities, professor (Moscow, Russia). SPIN-code: 4151-8910, AuthorID: 502310.

Nadezhda I. Roslyakova, Dr. Sci (Pedagogy), professor at the chair of sport management and education, Kuban State University of Psychological Culture, Sports and Tourism (Krusnodar, Russia). SPIN-code: 3588-1502, AuthorID: 422645.

Hartmut Peter Rudiger, PhD Martin Luther University (Halle, Germany).

Victor N. Tomilin, Dr. Sci (History), professor, Chair of the World History and the History of Russia, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, docent (Lipetsk, Russia). SPIN-code: 9154-9415, AuthorID: 498659.

Boris L. Khavkin, Dr. Sci (History), professor, Russian State University for the Humanities, professor of the Russian Academy of Military Sciences, professor (Moscow, Russia). SPIN-code: 6830-2158, AuthorID: 708640.

Mitko M. Hitov, Dr. Sci (Economy), University of national and world economy (Sofia, Bulgaria). Scopus ID C-1951-2019, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7589-6687>.

Larisa A. Chereshneva, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, docent (Lipetsk, Russia). SPIN-code: 6101-7447, AuthorID: 472208, WOS ResearcherID G-1664-2018, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6533-1992>.

Yuri V. Shmarion, Dr. Sci (Sociology), professor, Chair of social education and sociology, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, professor (Lipetsk, Russia). SPIN-code: 9976-5823, AuthorID: 482987, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0960-4770>.

Содержание

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Милевский О.А.

Вопрос об остяцких рыбных песках
в исследованиях краеведов
Тобольского Севера второй половины
XIX – начала XX в.....7

Чоповский И.В., Миронов В.В.

Город Штейр в последней трети
XIX – начале XX века как центр технологий
производства казнозарядных винтовок
в контексте индустриализации
австрийской части Габсбургской монархии..19

Кирьянова Е.А., Романика А.С., Терехин А.Н.

Русско-японская война
и общественно-политическая жизнь
провинции центральной части России.....27

Сомов В.А., Егоров Г.В.

Власть и верующие в Советской России
в 1920-1930 гг.
в контексте локального подхода.....40

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ

Якушев В.А.

Советская школа в период новой
экономической политики
и форсированного развития экономики
в СССР.....51

Померанцев А.А., Щукин Г.М.

Развитие двигательных и когнитивных
способностей дошкольников на основе
инновационной методики «Смышлениш»...64

Приходченко Е.И., Маркова Е.А.

Модель системы управления развитием
кадрового потенциала в высшей школе.....77

Кулашкина А.Н., Егорова Г.И.

Готовность будущего учителя
к формированию российской поликультурной
идентичности школьников.....84

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ

Бессмертнова А.А., Трофимов Д.В.

Добровольчество в сфере культуры как ресурс
социокультурной социализации молодёжи
(на примере Волгоградской области).....95

HISTORY ISSUES

Milevsky O.A.

The issue of ostyak fish sands in the research
of local historians of the Tobolsk North
in the second half of the
19 th – early 20 th centuries.....7

Chopovsky I.V., Mironov V.V.

The city of Steir in the last third
of the 19 th – early 20 th centuries as a center
of technology for the production
of breech-loading rifles in the context
of the industrialization of the austrian part
of the Habsburg monarchy.....19

Kiryanova E.A., Romanika A.S., Terekhin A.N.

The Russian-japanese war and the socio-political
life of the provinces of central Russia.....27

Somov V.A., Egorov G.V.

Power and believers in Soviet Russia
in the 1920-1930s in the context
of a local approach.....40

ACTUAL PROBLEMS OF PEDAGOGY

Yakushev V.A.

The soviet school during the new
era economic policy and accelerated economic
development in the USSR.....51

Pomerantsev A.A., Shchukin G.M.

Development of motor and cognitive abilities
of preschool children based on the innovative
method «Smyshlenysh».....64

Prikhodchenko E.I., Markova E.A.

Model of human resources development
management system in higher education.....77

Kulashkina A.N., Yegorova G.I.

Future teacher's readiness to develop russian
multicultural identity in schoolchildren.....84

CONTEMPORARY ISSUES OF SOCIOLOGY

Bessmertnova A.A., Trofimov D.V.

Volunteerism in the field of culture as a
resource of socio-cultural socialization of youth
(on the example of the Volgograd region).....95

«Гуманитарные исследования Центральной России»
«Humanities researches of the Central Russia», ISSN 2541-9056
<https://hum-research.com/ru/>

Научная статья

УДК 94.(47).083

DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-7-18

Шифр научной специальности 5.6.1.

**ВОПРОС ОБ ОСТЯЦКИХ РЫБНЫХ ПЕСКАХ В ИССЛЕДОВАНИЯХ КРАЕВЕДОВ
ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.**

Олег Анатольевич Милевский ¹

Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа
– Югры «Сургутский государственный педагогический университет»
628000, Российская Федерация, ХМАО-Югра, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2

✉ olegmilevsky@mail.ru

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: О.А. Милевский – общая концепция статьи, поиск и анализ литературы, обработка результатов исследования, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Аннотация

В статье рассматривается проблема, поднятая экспертным и краеведческим сообществом Тобольской губернии, связанная с эксплуатацией остяцких рыболовных угодий в конце XIX – начала XX в. Основными методами, используемыми в работе, выступают сравнительно-исторический, при помощи которого анализировались материалы, написанные в разное время, и историко-типологический. Его применение способствовало выделению единых типологических черт при анализе рассматриваемых явлений и их последующей систематизации по сходным признакам. На основе анализа интеллектуального наследия политических ссыльных, публикаций в местной периодической печати, научных работ музейного сообщества и региональных управленцев (А.А. Дунин-Горкавич) отмечается, что система косвенного инородческого управления, сформировавшаяся в XIX в., устарела и не отвечала требованиям времени. Консервация сложившихся ранее правил и традиций рыбной ловли объективно способствовала обогащению только крупных купцов-рыбодобытчиков в ущерб интересам социально-экономического развития края в целом. Из-за нерешенности этой проблемы ухудшалось и положение автохтонного населения. Сохранение подобного положения серьезно тормозило и реализацию переселенческой политики, проводимой в Российской империи в рамках «столыпинского курса», на что тоже указывали местные краеведы.

Ключевые слова: Тобольский Север, остяцкие рыбные промыслы, остяки (ханты), инородческое самоуправление, политические ссыльные, «Сибирский листок»

¹ ©Милевский О.А., 2026, Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0

THE ISSUE OF OSTYAK FISH SANDS IN THE RESEARCH OF LOCAL HISTORIANS OF THE TOBOLSK NORTH IN THE SECOND HALF OF THE 19 TH – EARLY 20 TH CENTURIES

Oleg A. Milevsky

Surgut State Pedagogical University

10/2 50 let VLKSM St., Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra, Surgut, 628000, Russian Federation

✉ olegmilevsky@mail.ru

Abstract

The article examines the problem raised by the expert and local history community of the Tobolsk province related to the exploitation of Ostyak fishing grounds in the late 19th and early 20th centuries. The main methods used in the work are comparative historical, which was used to analyze materials written at different times, and historical and typological. Its application contributed to the identification of common typological features in the analysis of the phenomena under consideration and their subsequent systematization according to similar characteristics. Based on the analysis of the intellectual heritage of political exiles, publications in the local periodical press, scientific works of the museum community and regional managers (A.A. Dunin-Gorkavich), it is noted that the system of indirect foreign management, which was formed in the 19th century, was outdated and did not meet the requirements of the time. The preservation of previously established fishing rules and traditions objectively contributed to the enrichment of only large fishing merchants to the detriment of the interests of the socio-economic development of the region as a whole. And the situation of the indigenous population worsened due to the unresolved problem. The preservation of this situation seriously hindered the implementation of the resettlement policy pursued in the Russian Empire within the framework of the Stolypin course, which was also pointed out by local historians.

Keywords: Tobolsk North, Ostyak fisheries, Ostyaks (Khanty), non-native self-government, political exiles, «Siberian Leaflet»

Российская империя веками формировалась как многонациональное государство. После присоединения к ней Сибири в конце XVI в. и начала ее освоения в состав российского государства поэтапно включалось все больше территорий, на которых проживали коренные сибирские этносы. В их ряду оказались и автохтонное население Югры, представленное вогулами (манси) и остяками (ханты). При этом еще в императорской России усилиями сибирских областников (Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и др.) начало формироваться представление о негативном влиянии на коренное население [24, 25]. После крушения имперской государственности в советской историографии также прочно утвердился ленинский нарратив о самодержавной России как «тюрьме народов» [23, с. 205–255] и вытекающие из него сентенции о «национальном гнете» [11, с. 317]. С такой политикой совсем в духе дореволюционного «областничества» советские историки связывали проблему чрезмерной эксплуатации (имеется в виду ясачный режим – О.М.) [11, с. 317] и социального угнетения малых сибирских народов.

На деле в этот период российской истории ситуация в плоскости данных взаимоотношений обстояла несколько иначе. В последние годы об этом ученые стали писать вполне определенно [21], в настоящее время опровергнуты утверждения о вымирании инородцев [21, с. 48]. Хотя никто из историков не оспаривает тезиса о том, что столкновение коренного населения Сибири и Крайнего Севера, занимающегося традиционными промыслами, с наступающей на него индустриальной цивилизацией, действительно, породило для них ряд серьезных проблем – новые болезни, пьянство, социальная дезадаптация.

Власть немало делала для охраны интересов автохтонных групп населения и сохранения их традиционного уклада жизни, для чего был принят «Устав об управлении инородцами», создавались инородческие управы. Специальными положениями гарантировалась неприкосновенность рыболовецких и таежных родовых угодий сибирских инородцев. Это в полной мере касалось и коренных жителей Обского Севера, к сожалению, только не всегда это приносило ожидаемые результаты. К концу же XIX в. сложившаяся

в 1822–1917 гг. и юридически закреплённая система «инородческого самоуправления» и судоустройства (форма так называемого косвенного управления) [22, с. 15] в ряде мест стала объективным тормозом регионального экономического развития и при этом она уже никак не улучшала положения автохтонного населения, а скорее, своим догматизмом ему же и вредила. Более того, со второй половины XIX в. эта проблема являлась даже определенным тормозом для развития северной части Тобольской губернии, став объектом внимания и изучения как региональных публицистов, так и местных ученых и краеведов.

Следует отметить, что этот вопрос специально не изучался, историки затрагивали его в контексте освещения более широких проблем. Более детально на нем остановились в своей статье только Е.В. Санкин и В.П. Зиновьев [20].

Целью статьи является рассмотрение вопроса об остоящих рыбных угодьях в публицистическом и научном наследии тобольских и югорских краеведов и анализ их идей и предложений по разрешению сложившейся ситуации.

В качестве источниковой базы в статье выступают нормативные акты Российской империи, определяющие собственника рыбных промыслов [22], научные труды политических ссыльных 1880–1890-х гг. [2, 12, 16, 17], отчеты и публикации представителей научной общественности, так или иначе затрагивающих проблему рыболовства и организации рыбных промыслов на реках Обского бассейна [8, 9, 10, 14, 18], а также статьи и доклады официальных лиц, касающиеся этого вопроса, и печатные отклики на них [4, 5, 7, 9, 10, 13].

Основными методами, используемыми в работе, выступают сравнительно-исторический, при помощи которого анализировались имеющиеся в наличии материалы, написанные в разное время, и историко-типологический. Его применение способствовало выделению единых типологических черт при анализе рассматриваемых явлений и их последующей систематизации по сходным признакам.

Огромные пространства Российской империи, расширявшейся на Восток до последней трети XIX в., если брать в расчет присоединение к России Уссурийского края в 1860 г. и

решение вопроса о Сахалине в 1875 г., требовали не только хозяйственного освоения, но и законодательной регламентации прав коренных народов на использование традиционных охотничьих и рыболовецких угодий. До середины XIX в. в Империи существовало так называемое косвенное право рыболовства. По нему собственниками рыбных ловель в Сибири являлись государственная казна и Кабинет Его Императорского Величества, а пользователями выступали коренное население и жители окрестных территорий.

При этом государственная политика в отношении автохтонных этносов строилась на принципе невмешательства в их традиционный уклад жизни и хозяйственную деятельность. Это в полной мере относилось и к землям, населенным остяками (хантами), преимущественно проживавшими в северной части Тобольской губернии. Из существовавшего тогда российского законодательства следовало, что «все рыболовные угодья этого края, за малыми изъятиями, находятся в исключительном пользовании инородцев (кроме угодий Самаровской и Елизаровской волостей)» [9, с. 104]. Из закона о правах по имуществу кочевых народов (Т. II, ст. 34, 35, 37; Т. IX, ст. 849, 850, 854) явствовало, что «каждому поколению, роду назначены во владение земли и воды, и что поселение русских на этих землях обусловливается согласием инородцев, каковое должно быть закреплено приговором» [9, с. 105].

Таким образом, по мнению А.А. Дунина-Горкавича, права остяков на рыболовецкие угодья можно сформулировать следующим образом: «Все воды Березовского и Сургутского округов составляют Государственную собственность; право же инородцев на эти угодья заключается лишь в пользовании таковыми» [9, с. 105]. При этом исследователи Е.В. Санкин и В.П. Зиновьев отмечают и то обстоятельство, что «сибирские рыбные ловли долго не представляли, с точки зрения властей, особой ценности, как, например, охотничьи угодья» [20, с. 73].

Однако с течением времени ситуация в плане оценки роли и значения сибирской рыбодобычи для России начинает меняться. В первую очередь это касалось Севера Западной

Сибири и особенно территорий Тобольского Севера, логистически более удобных, нежели труднодоступные районы Восточной Сибири и Дальнего Востока, для доставки выловленной рыбы в Европейскую Россию. Тем более, что в реках Обь-Иртышского бассейна, протекающих в этих местах, тогда в изобилии водились ценные породы осетровых (осетр, стерлядь), сиговых (муksун, нельма, щекур, сырок) рыб, а также знаменитая сосвинская сельдь. Неудивительно, что рыбный промысел в этих местах стремительно набирал обороты.

Так, один из пионеров изучения Югорского края Н.А. Абрамов в своей книге «Описание Березовского края» указывал, что рыболовство в этом регионе «составляет вторую обширную отрасль промышленности» после пушного промысла. Приводил он и данные по стоимости добытой в крае рыбы, составлявшие уже в 1850 г. немалую по тем временам сумму, 107830 рублей серебром [1, с. 77]. В своей книге он отмечал, что «каждое инородное общество исстари владеет известными пространствами прибрежий и лесов, которые по равным частям распределены между семействами, его составляющими» [1, с. 77].

То есть, на Тобольском Севере уже к середине XIX в. рыбодобыча стала являться важным фактором экономической жизни. Интерес к нему начинают проявлять представители активно развивающегося в России в пореформенную эпоху торгового капитала. Изначально русское население могло брать отдельные рыболовные участки в аренду у инородческих обществ на четко фиксированное время. Существовало три варианта эксплуатации рыболовецких угодий:

1. За определенную арендную плату без участия самих владельцев угодий.
2. За арендную плату с участием владельцев.
3. Без аренды самими владельцами [9, с. 105].

Именно эксплуатация первого рода практиковалась повсеместно в Сургутском крае и в Березовском, ниже самого Березова, причем «взаимные отношения между вотчинниками (в их роли выступал остяки – О.М.) и арендаторами не связаны никакими посторонними обязательствами и ограничениями лишь контрактом на сдачу угодий» [9, с. 105]. Н.А. Абрамов отмечал, что

уже в 1848 г. «инородцами было отдано в коротом (аренду) приезжавшим рыбопромышленникам до 150 рыболовных песков за 6050 руб. 50 копеек серебром», и подчеркивал тот факт, что «цены за пески в сравнении с обилием улова слишком несоответственны» [1, с. 77].

Справедливости ради стоит отметить, что государство пыталось реагировать на такое положение дел. С 1857 г. существовал закон о том, что инородческие рыболовные угодья должны сдаваться в аренду непременно с торгов, на срок не более 4 лет [17, с. 354]. Но не все предписания властей соблюдались, многое оставалось лишь на бумаге, и данное не являлось исключением. Как отмечал С.П. Швецов: «Закон этот существует сам по себе, а традиционная практика сама по себе, поэтому торгов не бывает. Водка, с одной стороны, все сильный заседатель – с другой делают закон мертвой буквой» [17, с. 354]. Фактически в таком положении ситуация и функционировала.

При этом государство, заинтересованное в освоении и развитии Западной Сибири, росте ее народонаселения, как могло, старалось поощрять переселенческую политику, а все это в очередной раз ставило вопрос об использовании как свободных рыболовецких угодий, так и их аренды у коренного населения. Опять же правительству требовались финансы на развитие этих обширных территорий, поэтому неудивительно, что «власти стали постепенно зачислять в оброчные статьи рыбные ловли» [20, с. 74]. Так, оброчными статьями по «Уставу казенных оброчных статей» (1876 г.) являлись «казенные недвижимые имущества, отдаваемые в оброчное, с публичных торгов, содержание или временно оставляемые по безуспешности торгов в хозяйственном управлении, как то: свободные земли, рыбные ловли, мельница и т.п.» [20, с. 74]. Таким образом, вопрос о более рациональном использовании остяцких рыболовецких песков появился на повестке дня. Тем более, что объективно к концу 1880-х гг. ситуация, связанная с их арендой, становилась все более запутанной и трагичной для остяков.

Отечественный капитализм стремительно наступал даже в удаленных уголках России, где ему было куда приложить силы, а рыбные запасы Тобольского Севера манили хорошим барышом. Естественно, что со временем кон-

куруровать с крупными игрокам в сфере рыбодобычи ни местным сельским артелям, ни инородческим общинам становилось невозможно. Это социально-экономическое явление, так активно и жестоко вторгнувшееся в жизнь Тобольского Севера, одними из первых отмечали оказавшиеся в этих местах в ссылке в 1880-х гг. революционеры-народники.

Его суть верно описал политссылный С.П. Швецов: «Северный промышленник как русский, так и инородец, нуждается во всем – окружающая его природа слишком сурова и не дает ему хлеба, соли, свинца; ему не из чего изготовить себе невода... Кроме рыбы, ореха, пушного зверя и леса у него ничего нет, во всем нужно обращаться в город, отстоящий нередко за тысячу слишком верст от его жилища... Промысловую добычу ему также некуда сдать, кроме того же скупщика-посредника... Этот последний доставит ему все нужное – мережу и железо, табак и водку, хлеб и ситец...и потребует только двух вещей – сдать промысловую добычу ему, скупщику, по цене, им назначенной, и если у общества есть свободные рыболовные угодья, отдать ему же в аренду. Вот эти-то два условия и ставят местных промышленников в кабальные отношения» [17, с. 349]. При этом особо С.П. Швецов отмечал еще и фактор водки, которая «в отношениях с инородцами играет первенствующую роль» [17, с. 349].

В результате остяцкие роды под давлением вновь возникающих бытовых и экономических обстоятельств оказывались все в большей зависимости от представителей русского купечества. Чуть позднее, в конце 1880-х, об этой же проблеме, но еще более акцентированно написал житель Обдорска (Салехарда), политссылный В.В. Бартенев. Он детально изучал географию и хозяйственную жизнь Обдорского края и был хорошо осведомлен о реальном положении дел на остяцких рыбных песках.

В.В. Бартенев очень четко обозначил сам корень проблемы: «Остяки владеют своими землями на родовом начале: вся земля поделена между отдельными родами, члены которых пользуются родовой землей совместно. Вследствие разных причин (эпидемических болезней и др.) инородцы вымирают (хотя

вообще говоря, вымирание инородцев считается спорным). Случается, что из многочисленного раньше рода останется две, три души, владеющие громадными пространствами и притом получающие самый ничтожный доход благодаря кабале у тоболяков» [2, с. 130]. Это же отмечал и С.П. Швецов, указывая, что «инородческие поселки чрезвычайно малы: всего каких-нибудь три-четыре семьи остяков живут вместе» [16, с. 102].

Но не только нужда влияла на такое поведение остяков. Налицо наличествовало и другое явление, а именно, имущественное расслоение внутри родовых общин и примитивная жажда наживы. На эти негативные явления в жизни остяцких обществ указывали в начале 1890-х гг. корреспонденты местных изданий, наблюдавшие их жизнь, например, в Кондинском округе: «Из массы бедняков и достаточных выделяется незначительная группа кулаков... Жизнь общественная слабеет, себялюбие и шкурные интересы берут верх» [3, с. 237]. Эти же проявления, но в более выраженной форме, в этих же местах в 1908 г. наблюдал ссыльный социал-демократ М.Г. Корсунский, с разрешения губернской администрации организовавший экспедицию по этой реке. В своем путевом дневнике он фиксировал: «С течением времени жажда наживы пробуждается и у них, уже появились свои кулаки, своя денежная знать, имеющая не одну тысячу рублей, и не менее цепко, чем русские кулаки, держащая в своих руках и остяка, и русского кортомщика (арендатор – О.М.)» [12, с. 289–290].

Ситуация с наступлением на остяцкие угодья представителей крупного торгового капитала неожиданным образом породила несколько новых проблем, о которых в 1890-х – начале 1900-х гг. заговорили не только представители демократической интеллигенции, местные краеведы, но и официальные лица, связанные с изучением края.

Во-первых, это социальная составляющая, а именно, обнищание и спаивание остяцкого населения. Помимо этого сверхэксплуатация на рыбных промыслах нанимавшихся туда как русских рабочих, так и остяков.

Во-вторых, превращение хантыйских рыбных песков чуть ли не в «семейные вотчины»

тобольских рыбопромышленников, особенно на низовой Оби, наиболее богатой рыбой, что приводило к их хищнической эксплуатации, а отсюда сокращению рыбных запасов. Следовательно, возникал новый круг вопросов, связанных с необходимостью выработки рыбоохранных мероприятий (регламентации промыслов, запрета на наиболее вредные способы лова и т.п.).

В-третьих, из-за хищнической добычи рыбы в низовьях Оби экономически страдали интересы не только отдельных лиц, но и целых населенных пунктов, жители которых промышляли рыбой на Средней Оби, а это ставило перед властями уже проблемы федерального плана.

И, наконец, в-четвертых, из-за действия хантыйских общин, все более погружавшихся в зависимость от «акул рыболовного бизнеса», в районах Обь-Иртышья Тобольской губернии страдали хозяйственные интересы рядовых русских переселенцев, которые не могли получить в аренду у остяков хотя бы какие-то кусочки территории, связанные с рекой.

Об этих проблемах в 1880-х гг. также первыми начали писать уже упомянутые раньше политссылные. С.П. Швецов, изначально отбывавший ссылку в Сургуте, занялся детальным изучением артельного промысла в Тобольской губернии. Он очень точно подметил, что в Сургутском, Березовском и северной части Тобольского округа в сложной ситуации из-за дороговизны организации рыбного промысла (стоимость снасти, припасов и проч.) в кабале у рыбопромышленников находятся не только остяцкие общества, но и сельские рыболовецкие артели: «эти артели находятся в тяжелой кабале у местных и приезжих кулаков – крупных рыбопромышленников, что вызывается крайней дороговизной промыслового инвентаря и чрезмерной отдачей рынков» [17, с. 338].

С.П. Швецов в цифрах озвучивал финансовые потери остяков от несоблюдения закона 1857 г. Так, березовские крестьяне сдавали в аренду Мелексинский рыбный песок с торгов за 1600 рублей в год, за эти деньги можно было «скупить все остяцкие пески от Березова до крайних пределов Оби. Вот арендная цена лучших остяцких песков: Куноватский сдается за 300 рублей, Яровский, самый лучший на

всей Оби, – 200 р. Перегребанный с массой мелких песков – 300 р. и т.д. Точно так же происходит с сорами (водоемы, отделенные от реки). Например, сор около с. Кушеват, в котором ежегодно ловится в три тони до 20 осетров, 200–300 муксунов, 300 сырков и т.д. арендуется за 10 рублей в год» [17, с. 354]. Да и из этих денег лишь малая толика попадает к рядовому остяку, остальная уходит в казну на выплату ясака и купцу за товары, причем плохого качества [17, с. 354].

Таким образом, делал грустный вывод С.П. Швецов: «Остяцкие общества, владея лучшими в мире рыболовными местами, фактически лишены их: они перешли как бы в вечную аренду различным Сыромятниковым и прочей Разуваевской братии... Взамен угодий остяки получают ежегодно кучку гнилого ситца, сукна, известное количество водки, разбавленной водою, а иногда – настоящей махоркой и мухомором» [17, с. 354].

Примерно такую же картину наблюдал в Обдорске (Салехард) в конце 1880-х – начале 1890-х гг. В.В. Бартнев. В своих заметках, которые потом выросли в целую книгу, четко зафиксировал сложившуюся ситуацию: «По Оби вниз до Обдорска есть очень много рыболовных мест, которые остяки, за их сравнительной малочисленностью, сами эксплуатировать не могут и сдают в аренду преимущественно богатым тобольским купцам» [2, с. 129]. «При этом, – писал он, – остяки получают самую ничтожную плату в силу того, что они совершенно закабалены неоплатными долгами» [2, с. 129].

Исходя из столь грустных реалий, В.В. Бартнев выдвинул идею в духе народнической доктрины о необходимости более справедливого раздела рыбных угодий в районе низовой Оби. Он предлагал следующее: «Вот из этих-то латифундий (имеются в виду рыбные вотчины остяков – О.М.) и можно было бы произвести наделение как обдорских крестьян, так и более бедных инородцев. Пострадали бы, в сущности, только крупные рыбопромышленники, в руках которых фактически находятся остяцкие земли» [2, с. 130]. Конечно и он, и С.П. Швецов, придерживавшийся таких же взглядов, шли дальше. Они являлись сторонниками организации артелей, в которых и труд, и распределение его резуль-

татов производились бы на справедливых основаниях, где нашлось бы место и инородцу.

Вслед за политссылными о проблеме остоящих рыболовецких песков активно заговорили и представители местного журналистского и экспертного сообщества. В 1890 г. в своей публикации С. Кузнецов, делаясь с читателем своим опытом пребывания у хантов, не только поведал о жизнеустройстве их общин и формах хозяйственной деятельности, в том числе в сфере рыбного промысла, но и в весьма ярких красках живописал способы торгового оборота с ними русских купцов, в котором дешевый алкоголь играл первостепенную роль [15, с. 72–73].

В 1896 г. секретарь Тобольского губернского музея Л.Е. Луговский предпринял поездку по северным районам Тобольской губернии с целью врачебно-санитарного осмотра рыбопромышленных заведений. По ее итогам он 19 октября 1895 г. выступил с сообщением на эту тему в здании музея, на его выступлении присутствовало до 70 человек [14, с. 266]. В своем докладе он затронул и тему рыболовецких угодий, подтвердив данные, ранее приводимые политссылными. В частности, он отметил, что «все рыболовецкие угодья принадлежат инородцам, которые их сдают русским промышленникам, преимущественно тоболякам, в аренду на три–четыре года, но de facto эта аренда бессрочная, она продолжается 20–30 лет. Пески, арендуемые 20–30 лет тому назад, арендуются и теперь одними и теми же лицами» [14, с. 271].

В заключение своего выступления он предложил ряд мер, которые смогли бы улучшить рыбное дело и вместе с тем быт инородцев. Он предлагал обратить внимание губернской администрации на необеспеченность инородца и подчиненность его рыбопромышленнику, для чего необходимо было открыть кредит инородцам, помочь им в устройстве на своих угодьях рыболовецких заведений и открыть им рынки для сбыта рыбы [14, с. 271].

Но, как видим, Л.Е. Луговский сконцентрировался только на защите рыболовецких прав остояков, а также осветил вообще тяжелое положение рабочих на рыбных промыслах. Более системно к этой проблеме подошел

А.А. Дунин-Горкавич, назначенный на должность Самаровского лесничего в 1890 г. В 1897 г. он опубликовал работу «Север Тобольской губернии». В ней немалое место отводилось вопросу о рыбных промыслах, в том числе и остоящих. В этом исследовании А.А. Дунин-Горкавич пока ограничился обобщением собранных им статистических данных и дел. Он так же как и политссылные признавал пагубную ситуацию, сложившуюся в плоскости экономических взаимоотношений остояк – рыбопромышленник: «Наиболее обширные водные участки сосредоточились путем такого арендования всех смежных вод, находящихся в пользовании инородцев, в руках немногих крупных промышленников: Корнилова, Плотникова, Бронникова, Новицких, Матошина» [8, с. 149].

Исходя из сложившейся ситуации, А.А. Дунин-Горкавич высказывался в пользу следующих необходимых мер для ее улучшения: «Принятие рациональных регулирующих мер против ныне практикуемого хищнического рыболовства; установление такого способа сдачи в аренду рыболовецких угодий, при котором существовала бы конкуренция; учреждение подвижных школ по приготовлению рыбных продуктов; учреждение дешевого кредита и правильного пароходства» [8, с. 154].

Эти меры, по его мнению, могло реализовать только правительство, причем он считал это возможным лишь при условии установления «высочайшей опеки над населением этого края» [8, с. 155], для чего следует произвести изменения в ныне действующем законе об отдаче разных промыслов в оброчное содержание от сибирских инородцев и от самоедов Архангельской губернии... в том смысле, чтобы в губернии Тобольской предоставлено было министру земледелия и государственных имуществ право отдачи в наем находящихся в пользовании инородцев промыслов» [8, с. 155].

Предложения лесничего об опеке государства над инородцами в вопросах природопользования устроили отнюдь не всех даже из череды местной образованной интеллигенции. Наиболее критически настроенная по отношению к власти ее часть расценила их как ограничение естественных прав инородцев и негативно на

них отреагировала в региональной демократической печати, представителем которой выступал «Сибирский листок». Один из его редакторов, ссыльный народник В.Ф. Костюрин, дал весьма критическую рецензию на эту работу. «Досталось» и предложениям по реорганизации рыбных промыслов: «В конце концов г. Дунин-Горкавич рекомендует прямую опеку над инородцами и их имуществом – промыслами и угодьями. В доказательство же неспособности инородцев он ссылается даже на взгляды местной администрации в 50-х годах настоящего столетия... Очень жаль, что не на 50-е годы XVI века, тогда этот вопрос был бы им разрешен, вероятно, еще проще» [13, с. 387].

Однако самаровский лесничий не сдавался. В 1903 г. в Санкт-Петербурге А.А. Дунин-Горкавич выступил с несколькими докладами, затрагивающими судьбы Обской рыбопромышленности. Первое его выступление на тему «Современное положение обского рыболовства» состоялось в мае в ИРГО. Общий его вывод состоял в том, что «настоящее положение вещей совершенно нетерпимо и ведет к истощению рыбных запасов» [4, с. 142]. В этом докладе он вновь озвучил свою идею о том, что одним из способов выйти из создавшегося положения является «изъятие рыбных угодий из ведения инородцев в заведывание государства» [4, с. 142].

Далее в июне он прочел два доклада в «Императорском обществе судоходства» и передал свои материалы на рассмотрение особой комиссии. В одном из них «Современное положение обского рыболовства на Тобольском Севере» он вновь весьма подробно остановился на «установлении казенного заведования рыболовецкими угодьями, составляющими собственность инородцев» и «установлении такого долгосрочного способа сдачи этих угодий в аренду, при котором существовала бы конкуренция и были бы привлечены к делу крупные капиталы» [18, с. 159].

По этому вопросу «Комиссия», принимая во внимание все факты, приведенные А.А. Дуниным-Горкавичем, высказалась следующим образом: «Все обские рыбные ловли, лежащие вдоль по пути следования рыбы, поднимающейся из океана в реку, имеют важное государственное значение, почему они и должны оставлять предмет единого

по всей низовой Оби хозяйства. Таким хозяйном ввиду разрозненности инородцев и малой их культурности, естественно, должна явиться казна в виде Министерства земледелия и государственных имуществ. Это хозяйственное заведование отнюдь не должно, разумеется, предрешать вопроса о праве владения рыболовными водами, которые должны и впредь составлять неотъемлемую собственность инородцев. Дело должно быть организовано таким образом, что казна, сдавая инородческие воды в арендное содержание, собирая арендные платежи..., т.е. хозяйничая в этих водах в виде доверенного лица или опекуна истинных владельцев вод, была обязана передавать извлекаемые от рыбных вод доходы в пользу соответственных инородцев, отчисляя лишь определенный процент на расходы по заведованию водами (нечто подобное заведованию угодьями калмыцкого народа в Астраханском крае или именными заграничных монастырей в Бессарабии). Вместе с тем Министерство..., вырабатывая порядок эксплуатации рыболовных песков, было обязано считаться и с интересами инородцев и определять не только мелкие орудия лова, которыми мог бы промыслять инородец повсюду, даже в пределах вод, сдаваемых в аренду, но и выделять для инородческого промысла определенные места на реке..., не подлежащие вовсе сдаче в аренду» [18, с. 161]. Однако мнение «Комиссии» имело для власть предержащих только рекомендательное значение и фактически в регионе все осталось по-прежнему.

Однако сами доклады А.А. Дунина-Горкавича, опубликованные в печати, вызвали определенный отклик и даже породили газетную полемику. Так, в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась статья [19], (перепечатана в «Сибирском листке» (№ 91–92), в которой весьма нелицеприятно отзывались о его предложениях, усматривая в них идею отчуждения населения от того, что служит основным источником жизни, и его окончательного закабаления рыбопромышленниками. О самом же докладчике публицист отзывался еще более хлестко: «У Дунина-Горкавича не хватает храбрости до конца быть верным крепостнической традиции, лелеемой долгие годы в тиши самаровской лесной дачи» [18, с. 199]. О работе и решениях

«Комиссии», с которыми автор не соглашался, он с народнических позиций высказывался в том духе, что «Комиссия все время говорит о рыболовных угодьях инородцев и обходит молчанием такие же угодья крестьян Самаровской и Елизаровской волостей. Там, по сообщениям почтенного докладчика, эти угодья большей частью эксплуатируются ими самими на артельных началах. Этот способ эксплуатации рыболовных вод оказывается достаточным предохранителем крестьянских песков от казенной опеки. Но артельному началу не должны быть чужды и инородцы, находящиеся до наших дней под сильным влиянием родовых понятий, и слабой степени разделения труда, заставлявшего их собираться в группы при выполнении сложной работы» [18, с. 201].

В № 313 «Санкт-Петербургских ведомостей» вышла еще одна статья в развитие темы. В ней в заключении предлагалось «безотлагательно организовать широкое полное статическое обследование обского рыболовства, чтобы с несомненной точностью определить действительный размер его богатств, составлявших предмет алчных домогательств крупных рыбопромышленников, взятых под защиту проектом А. Дунина-Горкавича, вместе с тем необходимо выяснить и ту важную роль, какую играет это рыболовство в экономической жизни местного населения – русского, а особенно инородческого, интересы которого коренным образом затронуты намеченным проектом «казенной эксплуатации Оби» [18, с. 205–206].

Со взглядами столичного публициста вполне солидаризовалась редакция «Сибирского листка», поместившая в примечаниях к его публикации следующую ремарку: «С этим положением автора статей... невозможно не согласиться даже заинтересованным в этом вопросе рыбопромышленникам» [18, с. 206].

Сам А.А. Дунин-Горкавич в рамках возникшей полемики написал свой ответ на статью столичного корреспондента, опубликованный в 1905 г. в «Ежегоднике Тобольского губернского музея». Он высказывался в том духе, что «статья г. М-ко, не освещая дела предполагаемого мною улучшения и урегулирования обской рыбопромышленности с какой-либо новой стороны, основана или на недоразумениях

его по поводу моего доклада или на его личных предположениях, вытекающих из знакомства с существующими условиями рыбопромышленности и экономического быта населения на рр. Енисее и Ангаре, которые не могут служить показателями таковых же на р. Оби» [8, с. 1].

Объясняя суть своих проектов и в очередной раз сетуя на порочность сложившейся реальной практики, при которой малочисленные роды остяков низовой Оби остаются *de facto* не удел на своих родовых песках, так как «промышленник арендует водный район, в большинстве случаев обширный, из года в год в продолжении целых десятков лет, становясь как бы полным владельцем этих вод и возобновляя лишь через четыре года условия с инородцами» [8, с. 4]. Причем часто это делается даже не ради добычи, а из стратегических соображений, дабы в дальнейшем этим местом воспользоваться. Отмечал он, что предлагаемые им меры не должны идти вразрез с интересами самих инородцев, для чего им следует определить «не только мелкие орудия лова, которыми инородцы могли бы промыслять всюду, даже в пределах вод, сдаваемых в аренду, но и выделить для инородческого промысла определенные на реке места, не подлежащие вовсе сдаче в аренду..., но все это возможно лишь тогда, когда будет произведено надлежащее всестороннее исследование и приведение в известность существующих инородческих угодий» [8, с. 5].

В целом эскапады столичного газетчика А.А. Дунина-Горкавич полагал поверхностными и дилетантскими – это касалось, например, организации артелей среди инородцев, которые практикуются «только в среднем течении Оби, обыкновенно организуются из русских людей; инородцы среди пайщиков – редкое явление» [8, с. 4].

Преодолевая трения как с «левыми» защитниками остяков, так и с «правым» лобби крупных рыбопромышленников, старавшихся сохранить имеющийся статус-кво, в дальнейших своих публикациях и выступлениях А.А. Дунин-Горкавич продолжал придерживаться избранной им линии. В своей работе «Нужды Тобольского Севера и меры к их удов-

летворению» (1908 г.) он для упорядочения и развития рыболовства в Каре рекомендовал те же меры, что и ранее: «1) Учредить правительственный надзор за рыбопромышленностью вообще. 2) Учредить казенное заведование ценными рыболовными угодьями, состоящими в пользовании инородцев» и т.д. [7, с. 238].

Столыпинская реформа и связанная с ней переселенческая политика из Европейской России в Сибирь вновь подтолкнули научное и экспертное сообщество Тобольской губернии к размышлениям о судьбе хантыйских рыбных песков, да и вообще родовых владений. В 1910 г. А.А. Дунин-Горкавич подготовил серию из семи докладов по вопросам рыболовства в Тобольской губернии. В одном из них, а именно – 2-м, он прямо касался проблемы аренды рыболовецких угодий и в этом контексте увязывал свои старые предложения с новыми политическими и социально-экономическими реалиями, так или иначе затронувшими губернию. В частности, он писал: «Инородцы присвоили себе не только угодья по Оби и Обской дельте... Такое положение дела отражается очень плохо на рыбном промысле. С одной стороны, крупные рыбопромышленники и инородцы далеко не добывают столько рыбы, сколько можно добыть ее в низовьях Оби; с другой стороны, не имея доступа к главному промыслу севера, рыболовству, русское население не имеет возможности переселяться в этот край и разрабатывать его естественные богатства» [10, с. 2].

Следует отметить, что в своих взглядах на проблему лесничий не был одинок. Часть научного сообщества Тобольской губернии, близко знакомая с жизнью остяцких общин и их взаимоотношениями с русскими переселенцами, в целом разделяла его взгляды. Другое дело, что их наблюдения касались более широкого аспекта проблемы и выходили за рамки только рыболовецких песков низовой Оби. На ненормальность ситуации с русскими арендаторами (кортомщиками) указывал в своих экспедиционных записях 1908 г. М.Г. Корсунский. В них содержится фрагмент о станке Реденькое на Конде, который остяки сдавали семье русских. В нем путешественник зафиксировал, что «строить здесь жилье и обзаводиться хорошим хозяйством нет семье никакого смысла. Через три года, когда кончится кортомный срок, она

будет зависеть всецело от желания остяков продолжить сделку и от количества выпитой ими водки» [12, с. 253].

Примерно также озвучивал свои впечатления от поездки по реке Конде консерватор Тобольского губернского музея В.Н. Пигнатти, выступавший 14 сентября 1910 г. с докладом: «Несмотря на прекрасную растительность, богатые рыбные реки и озера, остяки вымирают, а русским туда попасть нельзя, так как это считается вотчиной остяков и остяку приходится дань платить, как выражаются те немногие русские, которые там водворились» [5, с. 412].

Равно о таких же проблемах в своих корреспонденциях с реки Вах (1911 г.) писал учитель Ларьякского начального училища, краевед Г.М. Дмитриев-Садовников: «Наболевший вопрос – заселение края. Для поселения необходимо согласие общества (остяцкого – О.М.)... Обращаются к обществу за приговором. Общество, состоящее из полукочевых инородцев, не дает приговор... Отказ в приговоре можно объяснить и боязнью за свои промысловые угодья, но этих угодий бесчисленное множество; боязнью пришлого элемента, но ведь поступки его – дело закона» [6, с. 147].

Таким образом, как следует из приведенных фактов, наличие остяцких угодий в неизменном виде фактически тормозило заселение и развитие края, более того, сохранение существующей ситуации ухудшало экономическое положение как большей части остяков, так и простых русских жителей края, связанных с рекой. Это волновало передовую общественность региона, реально пекущуюся о его процветании, осознающую, что устаревшие судебные-правовые нормы управления инородческими территориями объективно выступают тормозом такого развития.

Основными интересантами в сохранении статус-кво в отношении остяцких рыбных песков выступали только крупные рыбопромышленники и остяцкие старшины, являвшиеся главными выгодоприобретателями в данной ситуации. В результате усилия местной интеллигенции и части экспертного сообщества так и не смогли преодолеть косности сложившейся системы, которая оказалась демонтированной только после революции 1917–1922 гг., придавшей развитию края новую точку отсчета.

Список литературы

1. **Абрамов Н.А.** Описание Березовского края // Библиотечка журнала «Югра»: В 2 т. – Томск: ИП Завгородний, 2021. – Т. 1. – С. 29–103.
2. **Бартенев В.В.** На крайнем Северо-Западе Сибири // Тобольский Север глазами политссыльных XIX – начала XX в. / Сост. Л.П. Рощевская, В.К. Белобородов. – Екатеринбург: Сред.-Уральское кн. изд-во, 1998. – С. 114–218.
3. **Вести из Конды** // Сибирский листок: 1890–1894 / Сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). – Тюмень: Мандр и К, 2003. – С. 229–238.
4. **Городская хроника** // Сибирский листок: 1901–1907 / Сост. В. Белобородов (при участии Б.Ю. Мандрики). – Тюмень: Мандр и К, 2003. – С. 142–143.
5. **Городская хроника** // Сибирский листок: 1908–1911 / Сост. В. Белобородов (при участии Б.Ю. Мандрики). – Тюмень: Мандр и К, 2003. – С. 411–412.
6. **Дмитриев-Садовников Г.М.** Версты и строки / Ред.-сост. В.К. Белобородов. – Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 1998. – 224 с.
7. **Дунин-Горкавич А.А.** Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения // Библиотечка журнала «Югра»: В 2 т. – Томск: ИП Завгородний, 2021. – Т. 1. – С. 205 – 262.
8. **Дунин-Горкавич А.А.** По поводу статьи «Проект казенной эксплуатации Оби» // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск: Тип-я Епархиального Братства, 1905. – Вып. 14. – С. 1–6. (11-я паг-я).
9. **Дунин-Горкавич А.А.** Север Тобольской губернии: опыт описания страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск: Тип-я Епархиального Братства, 1897. – Вып. VIII. – С. 1–156.
10. **Дунин-Горкавич А.А.** Доклады по вопросам рыболовства Тобольской губернии. – Тобольск: Губернская типография, 1910. – 52 с.
11. **История Сибири:** В 5 т. / гл. ред. А.П. Окладников, В.И. Шунков. – Л.: Наука, 1968. – Т. 2. – 538 с.
12. **Корсунский М.Г.** Очерк экскурсии на Конду летом 1908 года // Подорожник: Краеведческий альманах. – Тюмень: Мандр и К, 2005. – Вып. 5. – С. 232–318.
13. **Костюрин В.Ф.** Библиография // Сибирский листок: 1895–1900 / Сост. В. Белобородов (при участии Б.Ю. Мандрики). – Тюмень: Мандр и К, 2003. – С. 387–388.
14. **Кр-в А.** Сообщение Л.Е. Луговского о рыбопромышленности на севере Тобольской губернии // Сибирский листок: 1895–1900 / Сост. В. Белобородов (при участии Б.Ю. Мандрики). – Тюмень: Мандр и К, 2003. – С. 266 –271.
15. **Кузнецов С.** Несколько дней у остояков // Сибирский листок: 1890–1894 гг. / Сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). – Тюмень: Мандр и К, 2003. – С. 68–75.
16. **Марусин С.** (Швецов С.П.) Промысловые артели Тобольской губернии // Московский юридический вестник. – 1890. – Т. IV. – Кн. 1. – С. 82 – 108.
17. **Марусин С.** (Швецов С.П.) Промысловые артели Тобольской губернии // Московский юридический вестник. – 1890. – Т. V. – Кн. 2. – С. 331–359.
18. **Новая фаза в вопросе об обской рыбопромышленности** // Сибирский листок: 1901–1907 / Сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). – Тюмень: Мандр и К, 2003. – С. 159–166.
19. **Проект казенной эксплуатации Оби** // Санкт-Петербургские ведомости. – 1903. – № 302.
20. **Санкин Е.В., Зиновьев В.П.** Государственное регулирование рыболовства в России в XIX – начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. – 2012. – Т. 38. – С. 72–85. <https://elibrary.ru/item.asp?id=47459962>
21. **Скобелев С.Г.** Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв.: колебания численности и их причины. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 1998. – 56 с.
22. **Сословно-правовое положение** и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX в): Сборник правовых актов и документов / Ред.-сост. А.Ю. Конев. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН 1999. – 238 с.
23. **Трепавлов В.В.** «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. – М.: Восточная литература, 2007. – 255 с. <https://elibrary.ru/item.asp?id=18933855>
24. **Ядринцев Н.Я.** Сибирские инородцы, их быт и современное положение: Этнограф. и стат. исслед с прил. стат. и табл. – Спб: И.М. Сибиряков, 1891. – 308 с.
25. **Ядринцев Н.М.** Инородцы в Сибири и их вымирание // Русская мысль. – 1883. – Кн. 3. – С. 82–128.

References

1. **Abramov N.A.** Opisaniye Berezovskogo kraya // Bibliotekha zhurnala «Yugra»: V 2 t. – Tomsk: IP Zavgorodnij, 2021. – T. 1. – S. 29–103.
2. **Bartenev V.V.** Na krajnem Severo-Zapade Sibiri // Tobol'skij Sever glazami politssy'ny'x XIX – nachala XX v. / Sost. L.P. Roshhevskaya, V.K. Beloborodov. – Ekaterinburg: Sred.-Ural'skoe kn. izd-vo, 1998. – S. 114–218.
3. **Vesti iz Kondy`** // Sibirskij listok: 1890–1894 / Sost. V. Beloborodov (pri uchastii Yu. Mandriki). – Tyumen`: Mandr i K, 2003. – S. 229–238.
4. **Gorodskaya khronika** // Sibirskij listok: 1901–1907 / Sost. V. Beloborodov (pri uchastii B.Yu. Mandriki). – Tyumen`: Mandr i K, 2003. – S. 142–143.
5. **Gorodskaya khronika** // Sibirskij listok: 1908–1911 / Sost. V. Beloborodov (pri uchastii B.Yu. Mandriki). – Tyumen`: Mandr i K, 2003. – S. 411–412.
6. **Dmitriev-Sadovnikov G.M.** Versty` i stroki / Red.-sost. V.K. Beloborodov. – Ekaterinburg: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo, 1998. – 224 s.
7. **Dunin-Gorkavich A.A.** Nuzhdy` Tobol'skogo Severa i mery` dlya ix udovletvoreniya // Bibliotekha zhurnala «Yugra»: V 2 t. – Tomsk: IP Zavgorodnij, 2021. – T. 1. – S. 205 – 262.
8. **Dunin-Gorkavich A.A.** Po povodu stat'i «Proekt kazennoj e`kspluatatsii Obi» // Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya. – Tobol'sk: Tip-ya Eparxial'nogo Bratstva, 1905. – Vy`p. 14. – S. 1–6. (11-ya pag-ya).
9. **Dunin-Gorkavich A.A.** Sever Tobol'skoj gubernii: opy`t opisaniya strany`, ee estestvenny'x bogatstv i promy`shlennoj deyatel'nosti naseleniya // Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya. – Tobol'sk: Tip-ya Eparxial'nogo Bratstva, 1897. – Vy`p. VIII. – S. 1–156.
10. **Dunin-Gorkavich A.A.** Doklady` po voprosam ry`bolovstva Tobol'skoj gubernii. – Tobol'sk: Gubernskaya tipografiya, 1910. – 52 s.
11. **Istoriya Sibiri:** V 5 t. / gl. red. A.P. Okladnikov, V.I. Shunkov. – L.: Nauka, 1968. – T. 2. – 538 s.
12. **Korsunskij M.G.** Ocherk e`kskursii na Kondu letom 1908 goda // Podorozhnik: Kraevedcheskij al'manax. – Tyumen`: Mandr i K, 2005. – Vy`p. 5. – S. 232–318.

13. **Kostyurin V.F.** Bibliografiya // Sibirskij listok: 1895–1900 / Sost. V. Beloborodov (pri uchastii B.Yu. Mandriki). – Tyumen': Mandr i K, 2003. – S. 387–388.
14. **Kr-v A.** Soobshhenie L.E. Lugovskogo o ry'bopromy'shlnnosti na severe Tobol'skoj gubernii // Sibirskij listok: 1895–1900 / Sost. V. Beloborodov (pri uchastii B.Yu. Mandriki). – Tyumen': Mandr i K, 2003. – S. 266–271.
15. **Kuznecov S.** Neskol'ko dnei u ostyakov // Sibirskij listok: 1890–1894 gg. / Sost. V. Beloborodov (pri uchastii Yu. Mandriki). – Tyumen': Mandr i K, 2003. – S. 68–75.
16. **Marusin S.** (Shveczov S.P.) Promy'slovy'e arteli Tobol'skoj gubernii // Moskovskij yuridicheskij vestnik. – 1890. – T. IV. – Kn. 1. – S. 82–108.
17. **Marusin S.** (Shveczov S.P.) Promy'slovy'e arteli Tobol'skoj gubernii // Moskovskij yuridicheskij vestnik. – 1890. – T. V. – Kn. 2. – S. 331–359.
18. **Novaya faza v voprose ob obskoj ry'bopromy'shlnnosti** // Sibirskij listok: 1901–1907 / Sost. V. Beloborodov (pri uchastii Yu. Mandriki). – Tyumen': Mandr i K, 2003. – S. 159–166.
19. **Proekt kazennoj e'kspluatacii Obi** // Sankt-Peterburgskie vedomosti. – 1903. – № 302.
20. **Sankin E.V., Zinov'ev V.P.** Gosudarstvennoe regulirovanie ry'bоловства v Rossii v XIX – nachale XX v. // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – T. 38. – S. 72–85. <https://elibrary.ru/item.asp?id=47459962>
21. **Skobelev S.G.** Demografiya korenny'x narodov Sibiri v XVII–XX vv.: kolebaniya chislennosti i ix prichiny. – Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, 1998. – 56 s.
22. **Soslovno-pravovoe polozhenie** i administrativnoe ustrojstvo korenny'x narodov Severo-Zapadnoj Sibiri (konec XVI – nachalo XX v): Sbornik pravovy'x aktov i dokumentov / Red.-sost. A.Yu. Konev. – Tyumen': Izd-vo IPOS SO RAN 1999. – 238 s.
23. **Trepavlov V.V.** «Belyj czar»: Obraz monarxa i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv. – M.: Vostochnaya literatura, 2007. – 255 s. <https://elibrary.ru/item.asp?id=18933855>
24. **Yadrincev N.Ya.** Sibirske inorodcy, ix by't i sovremennoe polozhenie: E'tnograf. i stat. issled s pril. stat. i tabl. – Spb: I.M. Sibiryakov, 1891. – 308 s.
25. **Yadrincev N.M.** Inorodcy v Sibiri i ix vy'miranie // Russkaya my'sl'. – 1883. – Kn. 3. – S. 82–128.

Информация об авторе

Милевский Олег Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарного образования Бюджетного учреждения высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный педагогический университет», г. Сургут, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4613-826X>, SPIN-код: 2172-4838, AuthorID: 383483, Scopus ID: 57194553611, olegmilevsky@mail.ru

Information about the author

Oleg A. Milevsky, Dr. Sci (History), docent, professor at the Chair of Social-Humanitarian Education Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4613-826X>, SPIN-code: 2172-4838, AuthorID: 383483, Scopus ID: 57194553611, olegmilevsky@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.01.2026

Поступила после рецензирования 07.02.2026

Принята к публикации 14.02.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Received 26.01.2026

Revised 07.02.2026

Accepted 14.02.2026

The author has read and approved the final manuscript

Для цитирования: **Милевский О.А.** Вопрос об остяцких рыбных песках в исследованиях краеведов Тобольского Севера второй половины XIX – начала XX в. // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2026. – №1 (38). – С. 7-18.

For citation: **Milevsky O.A.** The issue of ostyak fish sands in the research of local historians of the Tobolsk North in the second half of the 19 th – early 20 th centuries // Humanities researches of the Central Russia. – 2026. – №1 (38). – P. 7-18.

DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-7-18

Научная статья

УДК 94

DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-19-26

Шифр научной специальности 5.6.2.

ГОРОД ШТЕЙР В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА КАК ЦЕНТР ТЕХНОЛОГИЙ ПРОИЗВОДСТВА КАЗНОЗАРЯДНЫХ ВИНТОВОК В КОНТЕКСТЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ АВСТРИЙСКОЙ ЧАСТИ ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ

Игорь Викторович Чоповский, Владимир Валерьевич Миронов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
[✉ mironov.vladimir@hotmail.com](mailto:mironov.vladimir@hotmail.com)

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Аннотация

В статье рассматривается проблема становления и развития оружейного производства в последней трети XIX – начале XX в. на принадлежавшем австрийскому предпринимателю Й. Верндлю (его наследникам) предприятию в г. Штейр в контексте индустриализации австрийской части Габсбургской монархии. В современных условиях особую актуальность приобретает задача укрепления военно-промышленного комплекса. Поражение Австрийской империи в войне 1866 г. с Пруссией привело к переходу габсбургской армии от дульнозарядных к казнозарядным винтовкам. На темпы и объемы их производства, которое осуществлялось в г. Штейр предприятием-монополистом, оказывали влияние неравномерность модернизационных процессов, отсутствие института государственного оборонного заказа, международная ситуация и экономическая конъюнктура. Выходом из кризисной для оружейной промышленности ситуации стало наращивание экспорта. Фирме Й. Верндля удалось к концу 1880-х гг. стать производителем магазинных винтовок системы Манлихера, ставших экспортной маркой предприятия.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, индустриализация, производство и экспорт стрелкового оружия, Штейр, Й. Верндль, Ф. фон Манлихер

**THE CITY OF STEIR IN THE LAST THIRD OF THE 19 TH – EARLY 20 TH CENTURIES
AS A CENTER OF TECHNOLOGY FOR THE PRODUCTION OF BREECHLOADING
RIFLES IN THE CONTEXT OF THE INDUSTRIALIZATION OF THE AUSTRIAN PART
OF THE HABSBURG MONARCHY**

Igor V. Chopovsky, Vladimir V. Mironov

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

✉ mironov.vladimir@hotmail.com

Abstract

This article examines the development of arms production in the last third of the 19th – early 20th centuries at the enterprise in Steyr, owned by the Austrian entrepreneur J. Werndl, (his heirs), in the context of the industrialization of the Austrian part of the Habsburg Monarchy. In modern conditions, the task of strengthening the military-industrial complex is particularly relevant. The defeat of the Austrian Empire in the war of 1866 with Prussia led to the transition of the Habsburg army from muzzle-loading to breech-loading rifles. The pace and volume of their production, which was carried out in Steyr by a monopoly enterprise, were influenced by uneven modernization processes, the absence of the institution of state defense procurement, the international situation, and the economic situation. The way out of the crisis for the arms industry was the increase in exports. By the end of the 1880 s, J. Werndl's company succeeded in becoming a manufacturer of Mannlicher magazine rifles, which became the enterprise's export brand.

Keywords: *Austria-Hungary, industrialization, production and export of small arms, Steyr, J. Werndl, F. von Mannlicher*

Разгром Австрийской империи в войне с Пруссией (1866 г.) заставил ее военное руководство вернуться к отставленному в сторону после понесенного в 1859 г. императорскими войсками в битве при Сольферино тяжелого поражения вопросу о вооружении армии казнозарядными винтовками [12, s. 231]. Чтобы найти замену уступавшей по скорострельности дульнозарядной винтовке системы Лоренца (1854 г.) летом 1866 г. под эгидой военного министерства была в спешном порядке собрана комиссия, которая должна была отобрать лучшую из участвовавших в конкурсе моделей казнозарядного пехотного вооружения. Выбор членов комиссии пал в итоге на конструкцию казнозарядной винтовки, запатентованную в 1867 г. владельцем оружейной фабрики в верхнеавстрийском Штейре – Йозефом Верндлем и его оружейным мастером Карлом Голубом.

Благодаря оснащению американским промышленным оборудованием основанная в 1864 г. оружейная фирма обладала большей производительностью по сравнению с основным конкурентом – Венским арсеналом. Условия заключенного военным министерством

в 1867 г. контракта¹ с Й. Верндлем предусматривали изготовление и поставку в армию 611000 винтовок, что, правда, оказалось недостаточно для вооружения воинских частей, комплектовавшихся, начиная с 1868 г., на основе всеобщей воинской повинности [7, p. 52]. Необходимость выполнения условий контракта потребовала от Й. Верндля дополнительных расходов, которые позволили расширить оружейное производство за счет ввода в эксплуатацию переоснащенного новым оборудованием филиала предприятия в Леттене, расположенного в двенадцати километрах к западу от Штейра [17, s. 50].

Отклонив предложение кредиторов о выплате им комиссионных с каждой произведенной на оружейной фабрике винтовки, Й. Верндль 1 августа 1869 г. принял решение о преобразовании своей фирмы в акционерную кампанию под названием «Общество австрийских оружейных заводов Штейр», инициировавшую выпуск высоко котирувавшихся в дальнейшем на Венской бирже ценных бумаг. Уставной капитал созданного под эгидой Венского Банковского Объединения, прези-

¹ Речь идет о заключенном в обычном порядке договоре, поскольку в Австро-Венгрии до 1909 г. отсутствовала система государственного оборонного заказа.

дентом которого стал Й. Верндль, а директором предприятия в Штейре был назначен К. Голуб, составлял 6 млн гульденов (около 500 тыс. фунтов стерлингов или 2 млн 429 тыс. долларов). К моменту превращения предприятия Й. Верндля в акционерную компанию на четырнадцати его промышленных объектах в Штейре было занято 3000 рабочих [6, s. 24].

Однако развернуть массовое производство казнозарядных винтовок в рамках оговоренного условиями контракта количества так и не удалось. К ноябрю 1870 г. в армию поступило лишь 316650 штук, что было связано в первую очередь с проблемой финансирования оружейного производства со стороны военного министерства Австро-Венгрии. Изготовление одной винтовки системы Верндль обходилось военному бюджету в 50 гульденов, а общая стоимость заказа составила 30550000, или 37,6% от общей заложенной в нем на 1867 год суммы расходов в 81200000 гульденов. Политика переоснащения армии современным стрелковым оружием, сопряженная с колоссальными расходами (только первый год действия контракта потребовал выплаты более 14 млн гульденов), вызвала на протяжении первой половины 1870-х гг. нескрываемое недовольство австро-венгерских делегаций, представители которых, несмотря на сохранявшуюся в «общей» армии по данным 1873 г. недообеспеченность в 370000 винтовок, не спешили с ассигнованием испрашиваемых военным министерством средств. Благодаря усовершенствованию в 1870-е гг. конструкции казнозарядной винтовки Верндля упростилось обращение с оружием и возросла пробивная сила пули за счет использования нового патрона с увеличенным зарядом пороха. Учет замечаний представителей военного министерства, опиравшихся на опыт использования винтовки в войсках, способствовал получению Обществом нового крупного контракта (300 тыс. единиц) на их поставку в «общую армию» [7, p. 52-53].

Причины резких колебаний в развитии оружейной промышленности Австро-Венгрии конца 1860-х – начала 1870-х гг. сложно осмыслить без учета сущности и темпов протекавшего в альпийских землях (Нижняя Австрия, Верхняя Австрия, Штирия) процесса ин-

дустриализации [1], который характеризовался территориальной неравномерностью. Так, столица империи – Вена – продолжала оставаться центром мелкого ремесла, в то время как предприятия тяжелой промышленности развивались в таких небольших городах, как Штейр. Вплоть до начала Первой мировой войны промышленный район Линц-Штейр заметно выделялся на фоне своей доиндустриальной округи, остававшейся слабо интегрированной в экономику Верхней Австрии [10, s. 124-125].

Другие крупные центры военной промышленности Австро-Венгрии – Пльзень и Фиуме (Риека), специализировавшиеся на производстве артиллерийских орудий и морских торпед, обладали более диверсифицированной структурой промышленности, нежели Штейр. Так, в Пльзене была развита пищевая отрасль, а в Фиуме функционировала консервная фабрика [3, s. 208]. На этом основании можно отнести оружейную фирму Й. Верндля к числу монопредприятий, от благополучия которых зависела социальная стабильность в самом городе и одноименном округе.

Объяснение коммерческого успеха оружейной фирмы Й. Верндля следует искать в первую очередь в благоприятной экономической конъюнктуре 1868 – 1873 гг., завершившейся грандиозным финансовым крахом на Венской бирже и последующей промышленной депрессией [8, s. 121]. Неизбежное сокращение спроса заставляло владельцев промышленных предприятий искать способы удешевления производства. Й. Верндль одним из первых австрийских предпринимателей сделал верный вывод, что будущее промышленности за широким применением электроэнергии. В частности, ему принадлежал план установки в 1882 г. на своем предприятии динамо-машин на водяной тяге, что позволяло пользоваться дешевой гидроэлектроэнергией богатого водными ресурсами альпийского региона. Налаживание к 1884 г. на предприятии собственного производства динамо-машин и ламп накаливания способствовало тому, что Штейр стал первым городом Западной и Центральной Европы, где для освещения улиц стало использоваться электричество [16, s. 580].

Хотя индустриализация и влекла за собой внедрение новых технологий в промышлен-

ное производство, сдвиги в социальной структуре общества происходили относительно медленно. Это касается также и формирования слоя фабричных рабочих, обладавших необходимой для предприятий военной промышленности квалификацией. К примеру, традиционно высокая к концу XIX в. для металлообрабатывающей отрасли промышленности альпийских земель Австрии «ученическая» доля в профессиональном составе рабочего класса практически отсутствовала на требовавшем высокой квалификации оружейном производстве в Штейре [14, s. 365].

На другом социальном полюсе происходила консолидация класса крупной буржуазии, в состав которой ускоренно вливались владельцы крупных промышленных предприятий [15], к числу которых принадлежал и сам Верндль. Созданный его апологетами образ «короля Штейра», взявшего на себя отеческие заботы о социальном попечении своих рабочих и развитии городской инфраструктуры [9, s. 554], являлся отражением гнетущей социальной действительности Верхней Австрии, где во второй половине XIX в. само наличие работы считалось привилегией среди преобладавших в составе ее населения неимущих слоев [10, s. 125]. Тем не менее, рабочие оружейного завода, насчитывавшего к 1890 г. 9 тыс. человек, имели десятичасовой рабочий день, а проработавшие на нем свыше десяти лет могли пользоваться пенсионным обеспечением за счет предприятия. Укреплению патерналистских связей между хозяевами и старшим поколением работников способствовала также продуманная жилищная политика, которая нашла выражение в строительстве фабричных домов для рабочих семей. Благодаря ей к 1889 г. удалось решить проблему размещения от 500 до 600 рабочих семей [11, s. 832].

Оккупация летом 1878 г. австро-венгерскими войсками Боснии и Герцеговины по условиям Берлинского трактата продемонстрировала преимущество казнозарядного оружия над дульнозарядным, которым были вооружены повстанцы, не смилившиеся с установлением чужеземного владычества и в итоге разгромленные [7, p. 121]. Присоединение весной 1882 г. Италии к заключенному в октябре 1879 г. союзному договору между

Германией и Австро-Венгрией, увенчавшее образование Тройственного Союза, актуализировало задачу достижения военного превосходства над вероятным противником, которым в глазах Австро-Венгрии продолжала оставаться Россия. Ее решение виделось, в том числе, в модернизации стрелкового оружия с целью увеличения его скорострельности, предполагавшей постановку на вооружение австро-венгерской армии надежной и приемлемой с финансовой точки зрения модели магазинной (многозарядной) винтовки. Хотя к тому времени в дислоцированных на территории Боснии и Герцеговины воинских частях уже была успешно апробирована сконструированная еще в 1874 г. полковником А. Кропачеком многозарядная винтовка, поставлявшаяся Обществом во Францию и Португалию, военное министерство Австро-Венгрии не решалось наладить ее массовое производство для перевооружения армии, ссылаясь на необходимость требовавшего дополнительного времени усовершенствования существовавшей конструкции и лишая тем самым оружейную отрасль империи возможности вырваться вперед в негласном соревновании со своими европейскими конкурентами. Главной причиной тому была финансовая затратность подобной инициативы, которая не могла получить оправдания в условиях возросших расходов государственного бюджета, а также отсутствие достойных подражания примеров в других европейских государствах, не решавшихся до середины 1880-х гг. перейти к переоснащению своих армий [12, s. 234].

Вместе с тем, несмотря на опубликованное в начале 1886 г. военным министерством официальное опровержение слухов о готовящемся переходе к оснащению вооруженных сил магазинными винтовками, просочившиеся тогда же в европейскую печать сведения о наличии подобного оружия у берлинского гвардейского полка, заставили военное министерство Австро-Венгрии создать специальную экспертную комиссию, которая была призвана отобрать лучшие опытные образцы представленных на конкурс магазинных винтовок. Победу в нем, несмотря на обилие показанных другими талантливыми конструкторами из числа австрийских военных и инженеров опытных разработок но-

вого оружия, одержала усовершенствованная по сравнению с предыдущим опытным образцом («М1885») система магазинной винтовки, предложенная инженером Ф. фон Манлихером. Новое оружие пехоты австро-венгерской армии, оснащенное продольно скользящим затвором, получило название – «М1886». Вместе с тем в отчете военного министерства, обнародованном в ноябре того же года на основе выводов оружейных экспертов, наряду с перечислением ее достоинств (высокая скорострельность – до 30 выстрелов в минуту и удобное для стрелка зарядание пачкой, рассчитанной на пять патронов) указывались и недостатки: возможность вести стрельбу только очередями, приводившую к повышенному расходованию боеприпасов; большое количество деталей и невозможность произвести разборку оружия без помощи отвертки. Наконец, нарекания вызывал и крупный калибр винтовки, составлявший 11 мм, который разрабатывался под патрон 1877 г. Это обстоятельство могло создать проблему для бесперебойного снабжения фронта патронами, поскольку увеличение скорострельности нового оружия влекло за собой повышенный расход не уменьшившихся по весу боеприпасов [18, p. 140 – 142]. По этой причине в 1889 г. калибр новой магазинной винтовки был в итоге уменьшен до 8 мм, соответствовавший патронам нового образца с бездымным порохом [2, с. 92 – 93].

Влиятельное австрийское деловое издание «Der Kapitalist», указывая летом 1892 г. на великое коммерческое «наследие» оружейной фирмы в Штейре², не без гордости отмечало, что она внесла изготовлением казнозарядных винтовок весомый вклад в укрепление обороноспособности государства: «Однако Австрийская оружейная фабрика извлекла значительную выгоду из того факта, что в течение многих лет европейский мир находился, казалось, под серьезной угрозой, и разгорелась настоящая конкуренция за повышение боеготовности европейских армий, в то время как в области оружейных технологий делались важные изобретения, которые военные администрации не могли и не должны были иг-

норировать. Винтовка Верндля, общепризнанная как надежное и эффективное оружие прошлого, выполнила свою роль, когда появилась многозарядная винтовка, и со временем претерпела такие усовершенствования, что ее повсеместное принятие на вооружение всех армий больше не вызывало сомнений. Очевидно, что держава, особенно такая влиятельная, как Австро-Венгрия, не могла довольствоваться тем, что ее солдаты обладают огнестрельным оружием, которое уже не считалось передовым. Хотя вложение больших сумм капитала в орудия уничтожения людей, безусловно, имеет свою горькую сторону, обстоятельства вынуждали идти на самые тяжелые жертвы ради защиты монархии от любых непредвиденных обстоятельств» [4, s. 4.].

Отсутствие в Австро-Венгрии последней трети XIX в. системы государственного оборонного заказа создавало для казенных и частных предприятий военной промышленности, в том числе оружейных заводов, угрозу длительного простоя, чреватую потерей профессиональных кадров в результате неминуемого сокращения штата. Руководство указанных предприятий пыталось найти решение проблемы сбыта своей продукции за счет расширения экспорта. Важнейшей предпосылкой коммерческого успеха являлось создание безупречной репутации выпускавшейся предприятием оружейной продукции, которая пользовалась спросом далеко за пределами Австро-Венгрии. Следует также отметить, что производство предназначенных на экспорт модификаций казнозарядных (однозарядных и магазинных) винтовок, калибр которых составлял 6,5 мм (не совпадая с австро-венгерским – 8 мм), осуществлялось на филиальном предприятии основного завода в Леттене [4, s. 5].

Согласно статистическому исследованию бельгийского производителя и торговца оружием А. Шривера, в период с 1868 по 1895 гг. общее количество произведенных на оружейном предприятии в Штейре винтовок, карабинов, штуцеров и запасных частей к ним (включая переделанные из дульнозарядных в казнозарядные единицы оружия общим числом 70000 единиц), изготовленных для внутренних нужд Австро-Венгрии, составляло 2915360 единиц, что превышало пока объем суммарно-

² После смерти в апреле 1889 г. Й. Верндля управление предприятием перешло к административному совету, в состав которого входили И. Хохойзер, Г. фон Айхингер, бургомистр И. Бергер и барон Будденброк.

го экспорта (с учетом 300 тыс. затворов к винтовкам французской системы Гра), насчитывавший 2059190 единиц оружия [подсчитано по: 5, с. 292–293]. Доля изготовленных для «общей» армии австрийского ландвера, венгерского гонведа и жандармерии магазинных винтовок и карабинов системы Манлихера модификаций «M1886», «M1888», «M1890» составляла 1400 тыс. шт. или 44% от их общей численности [Подсчитано по: 5, с. 292–293]. В общем объеме экспорта (1759190 шт.) винтовок и карабинов доля «Манлихера» достигала в абсолютном исчислении 715690 единиц, а в процентном – 40,6% [подсчитано по: 5, с. 292 – 293]. Крупнейшими их покупателями были балканские государства – Румыния и Болгария, на долю которых в начале 1890-х гг. приходилось, соответственно, 134 тыс. и 148 тыс. единиц заказанного у фирмы оружия [подсчитано по: 5, с. 292–293].

Самая современная на конец 1895 г. модификация данной винтовки – «M1895» была заказана всего лишь одним государством – Нидерландами – в количестве 58850 шт. [подсчитано по: 5, с. 292 – 293]. В этой связи заслуживает внимания тот факт, что указанная выше модель винтовки являлась пока экспортным товаром и о превращении ее в основное пехотное вооружение австро-венгерской армии можно говорить лишь весной 1905 г., когда комиссия военного министерства четырьмя голосами против одного высказалась за постановку на вооружение данной модели винтовки, одержавшей победу в конкурсе над немецким «Маузером» [13, с. 4]. До конца 1905 г. военным министерством было израсходовано 144550 тыс. крон на перевооружение австро-венгерской армии винтовкой Манлихера указанной выше модификации [7, р. 198].

В поставках стрелкового оружия Трансвааля, готовившемуся к отстаиванию своей независимости, можно видеть четкий хронологический рубеж, отделяющий эпоху доминирующего капитализма от давшей старт борьбе за передел мира неудачной попыткой англичан овладеть в конце 1895 – начале 1896 гг. этим независимым государством на юге Африки.

Как видим, военные неудачи Австрийской монархии в середине 1860-х гг. стали причиной

ускоренного перехода к оснащению ее войск казнозарядной винтовкой. Одержав победу в первом устроенном в 1866 г. военным министерством конкурсе, оружейное предприятие Й. Верндля смогло в дальнейшем в условиях отсутствия в Австро-Венгрии до начала XX в. государственного оборонного заказа превратиться в монополиста стрелкового вооружения для армии. Успехи оружейной фирмы Й. Верндля коренились в последующие годы, с одной стороны, в оснащении ее современным американским оборудованием, электрификации промышленного производства в процессе индустриализации экономики альпийских провинций и благоприятной экономической конъюнктуры 1866-1873 гг., а с другой – в ограниченной по своему характеру социальной политике, инициированной руководством предприятия и способствовавшей складыванию вокруг фигуры Й. Верндля патерналистского ореола. Являясь в Штейре монопредприятием, оружейная фирма служила важнейшим средством поддержания социальной стабильности местного населения.

Развитие оружейных технологий привело в середине 1880-х гг. к разработке в странах Западной Европы различных конструкций магазинного (многозарядного) оружия. Свой вклад в данный процесс внесла и оружейная отрасль Австро-Венгрии, благодаря чему с 1889 г. габсбургская армия стала оснащаться магазинной винтовкой Манлихера. Усовершенствование данной оружейной системы осуществлялось в дальнейшем путем уменьшения ее калибра до 8 мм. Окончательное решение о постановке последней модификации винтовки Манлихера, выпущенной в 1895 г. на вооружение австро-венгерской армии, было принято военным министерством весной 1905 г.

Экспорт стрелкового оружия стал важнейшим направлением коммерческой деятельности данного предприятия, которое до 1909 г., как и другие оборонные фабрики, не обеспечивалось государственными военными заказами на систематической основе. Вместе с тем до середины 1890-х гг., выступающих в качестве водораздела эпохи империализма, внутренний заказ преобладал пока еще над поставками стрелкового оружия на экспорт, ощущаемую долю в котором составляли винтовки, карабины и штуцеры системы Манлихера.

Список литературы

1. **Крючков И.В., Чернов М.С.** Индустриализация австрийской половины империи Габсбургов (Цислайтании) во второй половине XIX – начале XX в.: монография. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. – 184 с.
2. **Федоров В.Г.** История винтовки. – Москва: Воениздат, 1940. – 121 с.
3. **Banik-Schweitzer R.** Der Prozess der Urbanisierung // Die Habsburgermonarchie, 1848- 1918 / Hrsg. von der H. Rumpler und P. Urbanitsch. Bd. IX, von der feudal-agrarischen zur bürgerlich-industriellen Gesellschaft. Teil. 1: Lebens-und Arbeitswelten in der industriellen Revolution. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010. – S. 185 – 232.
4. **Die Oesterreichische Waffenfabriks-** Gesellschaft im Spiegel der Zukunft // Der Kapitalist. Informationsblatt für finanzielle und kommerzielle Angelegenheiten. Nachtrag. Wien, 18. Juni 1892. – Nr. 25. – S. 4-5.
5. **Die Thätigkeit der Oesterreichischen** Waffen-fabrik // Armee-blatt. – 1896. – 6 Mai. – S. 292 – 293.
6. **Doppler H.** 75 Jahre Steyr-Werke. – Steyr: Steyer-Daimler-Puch Aktiengesellschaft, 1939. – 99 s.
7. **Dredger John A.** Tactics and Procurement in the Habsburg Military, 1866–1918. Offensive Spending [Electronic resource]. – London: Palgrave Macmillan, Springer International Publishing AG London, 2017. – 303 p. – URL: doi 10.1007/978-3-319-57678-7_3 (accessed: 01.11.2025).
8. **Jindra Z.** Střední Evropa ve zbrani 1815–1914: Sto let rozvoje moderního zbrojního průmyslu v císařském Rakousku, v českých zemích a v Prusku-Německu. – Praha: Karolinum Nakladatelství, 2021. – 488 s.
9. **Josef Werndl** // Militär-Zeitung, 2. September 1884.
10. **Konrad H.** Die Arbeiterbewegung in der österreichischen Reichshälfte // Arbeiterbewegung in Österreich und Ungarn bis 1914: Referate des österreichisch-ungarischen Historikersymposiums in Graz vom 5. bis 9. September 1986. – Wien: Europaverlag, 1986. – S. 124-139.
11. **Kořalka J.** Die Entstehung der Arbeiterklasse // Die Habsburgermonarchie, 1848- 1918. /Hrsg. von der H. Rumpler und P. Urbanitsch; Bd. IX: Von der feudal-agrarischen zur bürgerlich-industriellen Gesellschaft. Teil. 2: Von der Stände – zur Klassengesellschaft. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010. – S. 813 – 847.
12. **Kronenbitter G.** Armeerüstung und wirtschaftliche Entwicklung in Österreich (-Ungarn) 1860 bis 1890 // Das Militär und der Aufbruch in die Moderne 1860 bis 1890: Armeen, Marinen und der Wandel von Politik, Gesellschaft und Wirtschaft in Europa, den USA sowie Japan. – München: Oldenbourg, 2003. – S. 231 – 243.
13. **Letzte Wort und Telegramme** // Vorarlberger Volksblatt. – 1905. – 4 Mai. – S. 4.
14. **Meisl G.** Die gewerblich-industrielle Arbeitswelt in Cisleithanien mit besonderer Berücksichtigung der Berufszahlungen 1890 und 1910 // Die Habsburgermonarchie, 1848- 1918 / Hrsg. von der H. Rumpler und P. Urbanitsch, Bd. IX: Von der feudal-agrarischen zur bürgerlich-industriellen Gesellschaft. Teil. 1: Lebens-und Arbeitswelten in der industriellen Revolution. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010. – S. 323-377.
15. **Sandgruber R.** Traumzeit für Millionäre: Die 929 reichsten Wienerinnen und Wiener im Jahr 1910. – Wien: Styria, 2013. – 495 s.
16. **Stekl H., Heiss H.** Klein- und mittelstädtische Lebenswelten // Die Habsburgermonarchie, 1848- 1918 / Hrsg. von der H. Rumpler und P. Urbanitsch. Bd. IX: Von der feudal-agrarischen zur bürgerlich-industriellen Gesellschaft. Teil. 1: Lebens-und Arbeitswelten in der industriellen Revolution. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010. – S. 561-619.
17. **Stockinger J.** Arbeiter im Industrie-Dorf: Simulanten, Aufwiegler, Sozialisten. Arbeitsbedingungen und Arbeiterschaft im Zweigwerk Letten der Österreichischen Waffenfabriks-gesellschaft // Die Roten am Land. Arbeitsleben und Arbeiterbewegung im westlichen Österreich / Hrsg von K. Greussing. – Steyr: Museum industrielle Arbeitswelt, 1989. – S. 50-54.
18. **Temesváry F.** Fejezetek a Magyar Fegyvergyár történetéből I [Electronic resource] // Folia Historica. – 1977. – № 5. – P. 139-174. – URL: real-j.mtak.hu/24195/1/foiahistorica_1977_5.pdf (accessed: 15.12.2025).

References

1. **Kryuchkov I.V., Chernov M.S.** Industrializaciya avstrijskoj poloviny imperii Gabsburgov (Cislajtanii) vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: monografiya. – Stavropol` : lzd-vo SKFU, 2018. – 184 s.
2. **Fedorov V.G.** Istoriya vintovki. – Moskva: Voениzdat, 1940. – 121 s.
3. **Banik-Schweitzer R.** Der Prozess der Urbanisierung // Die Habsburgermonarchie, 1848- 1918 / Hrsg. von der H. Rumpler und P. Urbanitsch. Bd. IX, von der feudal-agrarischen zur bürgerlich-industriellen Gesellschaft. Teil. 1: Lebens-und Arbeitswelten in der industriellen Revolution. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010. – S. 185 – 232.
4. **Die Oesterreichische Waffenfabriks-** Gesellschaft im Spiegel der Zukunft // Der Kapitalist. Informationsblatt für finanzielle und kommerzielle Angelegenheiten. Nachtrag. Wien, 18. Juni 1892. – Nr. 25. – S. 4-5.
5. **Die Thätigkeit der Oesterreichischen** Waffen-fabrik // Armee-blatt. – 1896. – 6 Mai. – S. 292 – 293.
6. **Doppler H.** 75 Jahre Steyr-Werke. – Steyr: Steyer-Daimler-Puch Aktiengesellschaft, 1939. – 99 s.
7. **Dredger John A.** Tactics and Procurement in the Habsburg Military, 1866–1918. Offensive Spending [Electronic resource]. – London: Palgrave Macmillan, Springer International Publishing AG London, 2017. – 303 p. – URL: doi 10.1007/978-3-319-57678-7_3 (accessed: 01.11.2025).
8. **Jindra Z.** Střední Evropa ve zbrani 1815–1914: Sto let rozvoje moderního zbrojního průmyslu v císařském Rakousku, v českých zemích a v Prusku-Německu. – Praha: Karolinum Nakladatelství, 2021. – 488 s.
9. **Josef Werndl** // Militär-Zeitung, 2. September 1884.
10. **Konrad H.** Die Arbeiterbewegung in der österreichischen Reichshälfte // Arbeiterbewegung in Österreich und Ungarn bis 1914: Referate des österreichisch-ungarischen Historikersymposiums in Graz vom 5. bis 9. September 1986. – Wien: Europaverlag, 1986. – S. 124-139.
11. **Kořalka J.** Die Entstehung der Arbeiterklasse // Die Habsburgermonarchie, 1848- 1918. /Hrsg. von der H. Rumpler und P. Urbanitsch; Bd. IX: Von der feudal-agrarischen zur bürgerlich-industriellen Gesellschaft. Teil. 2: Von der Stände – zur Klassengesellschaft. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010. – S. 813 – 847.
12. **Kronenbitter G.** Armeerüstung und wirtschaftliche Entwicklung in Österreich (-Ungarn) 1860 bis 1890 // Das Militär und der Aufbruch in die Moderne 1860 bis 1890: Armeen, Marinen und der Wandel von Politik, Gesellschaft und Wirtschaft in Europa, den USA sowie Japan. – München: Oldenbourg, 2003. – S. 231 – 243.
13. **Letzte Wort und Telegramme** // Vorarlberger Volksblatt. – 1905. – 4 Mai. – S. 4.
14. **Meisl G.** Die gewerblich-industrielle Arbeitswelt in Cisleithanien mit besonderer Berücksichtigung der Berufszahlungen 1890 und 1910 // Die Habsburgermonarchie, 1848- 1918 / Hrsg. von der H. Rumpler und P. Urbanitsch, Bd. IX: Von der feudal-agrarischen zur bürgerlich-

industriellen Gesellschaft. Teil. 1: Lebens-und Arbeitswelten in der industriellen Revolution. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010. – S. 323-377.

15. **Sandgruber R.** Traumzeit für Millionäre: Die 929 reichsten Wienerinnen und Wiener im Jahr 1910. – Wien: Styria, 2013. – 495 s.
16. **Stekl H., Heiss H.** Klein- und mittelstädtische Lebenswelten // Die Habsburgermonarchie, 1848- 1918 / Hrsg. von der H. Rumpler und P. Urbanitsch. Bd. IX: Von der feudal-agrarischen zur bürgerlich-industriellen Gesellschaft. Teil. 1: Lebens-und Arbeitswelten in der industriellen Revolution. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010. – S. 561-619.
17. **Stockinger J.** Arbeiter im Industrie-Dorf: Simulanten, Aufwiegler, Socialisten. Arbeitsbedingungen und Arbeiterschaft im Zweigwerk Letten der Österreichischen Waffenfabriksgesellschaft // Die Roten am Land. Arbeitsleben und Arbeiterbewegung im westlichen Österreich / Hrsg von K. Greussing. – Steyr: Museum industrielle Arbeitswelt, 1989. – S. 50-54.
18. **Temesváry F.** Fejezetek a Magyar Fegyvergyár történetéből I [Electronic resource] // Folia Historica. – 1977. – № 5. – P. 139-174. – URL: real-j.mtak.hu/24195/1/foiahistorica_1977_5.pdf (accessed: 15.12.2025).

Информация об авторах

Чоповский Игорь Викторович, аспирант кафедры истории и философии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина», г. Тамбов, Российская Федерация, igorchopovskij@yandex.ru

Миронов Владимир Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина», г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7974-0022>, ResearcherID: [ITT-4271-2023](https://orcid.org/ITT-4271-2023), Scopus: [57200071166](https://orcid.org/57200071166), SPIN-код: [2220-0965](https://orcid.org/2220-0965), AuthorID: [796224](https://orcid.org/796224), mironov.vladimir@hotmail.com

Information about the authors

Igor V. Chopovsky, postgraduate student at the Chair of History and Philosophy, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, igorchopovskij@yandex.ru

Vladimir V. Mironov, Dr. Sci (History), docent, professor at the Chair of History and Philosophy, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7974-0022>, ResearcherID: [ITT-4271-2023](https://orcid.org/ITT-4271-2023), Scopus: [57200071166](https://orcid.org/57200071166), SPIN-code: [2220-0965](https://orcid.org/2220-0965), AuthorID: [796224](https://orcid.org/796224), mironov.vladimir@hotmail.com

Статья поступила в редакцию 10.01.2026

Поступила после рецензирования 23.01.2026

Принята к публикации 10.02.2026

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Received 10.01.2026

Revised 23.01.2026

Accepted 10.02.2026

The authors have read and approved the final manuscript.

Для цитирования: **Чоповский И.В., Миронов В.В.** Город Штейр в последней трети XIX – начале XX века как центр технологий производства казнозарядных винтовок в контексте индустриализации австрийской части Габсбургской монархии // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2026. – №1 (38). – С. 19-26.

For citation: **Chopovsky I.V., Mironov V.V.** The city of Steir in the last third of the 19 th – early 20 th centuries as a center of technology for the production of breech-loading rifles in the context of the industrialization of the austrian part of the Habsburg monarchy // Humanities researches of the Central Russia. – 2026. – №1 (38). – P. 19-26.

DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-19-26

Научная статья

УДК 94(47).083.4

DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-27-39

Шифр научной специальности 5.6.1.

**РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ
ПРОВИНЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ РОССИИ**

**Елена Анатольевна Кирьянова, Александр Сергеевич Романика,
Андрей Николаевич Терехин¹**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46

✉ e.kiryanova@rsu-rzn.ru

Финансирование. Статья опубликована в рамках субсидии из федерального бюджета образовательным организациям высшего образования на реализацию мероприятий, направленных на поддержку студенческих научных сообществ.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Аннотация

Целью статьи является рассмотрение вопросов общественных настроений населения провинции Центра России и его реакции на события русско-японской войны. Проанализированы трансформация взглядов провинциальных жителей на характер, события и итоги войны, модификация восприятия ими внешних и внутренних врагов под влиянием военных событий. Актуальность темы связана с малоисследованностью основных аспектов восприятия войны жителями провинции, а также важностью этих вопросов для понимания истоков событий 1914-1922 годов. Источниковой базой исследования послужили материалы Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Рязанской области, публикации в печатных изданиях начала XX века («Будильник», «Тульские епархиальные ведомости», «Рязанские епархиальные ведомости» и др.), воспоминания участников и современников событий. В качестве методов исследования использованы исторический и логический методы, которые позволили выявить причинно-следственные связи, рассмотреть процессы в развитии, проанализировать имеющиеся источники и литературу. Проблемный и системный методы дали возможность провести последовательный анализ общественных настроений в течение всего периода русско-японской войны, выявить тенденции в настроениях населения и восприятии им врага. В результате исследования сделаны выводы о формировании двух направлений в общественно-политической жизни провинции, первое из которых связано с восприятием войны как некоего долга, требующего консолидации общества, героизма на полях сражений, а в тылу – организации помощи фронту. Второе направление выразилось в том, что общество оказалось не готово к тем лишениям, которые принесла война, что привело к росту критических настроений по отношению к войне и власти.

Ключевые слова: русско-японская война, провинциальная печать, общественные настроения, восприятие, образ врага, агитация

¹© Кирьянова Е.А., Романика А.С., Терехин А.Н., 2026, Открытый доступ предоставляется на условиях

**THE RUSSIAN-JAPANESE WAR AND THE SOCIO-POLITICAL LIFE
OF THE PROVINCES OF CENTRAL RUSSIA**

Elena A. Kiryanova, Alexandr S. Romanika, Andrey N. Tererhin

Ryazan State University named for S.A. Yesenin
46 Svobody St., Ryazan, 390000, Russian Federation

✉ e.kiryanova@rsu-rzn.ru

Abstract

The purpose of the article is to consider the issues of public sentiment of the population of the province of Central Russia and their reaction to the events of the Russian-Japanese war. The article analyzes the transformation of provincial residents' views on the nature, events and results of the war, as well as the modification of their perception of external and internal enemies under the influence of military events. The relevance of the topic is related to the little-studied nature of the main aspects of the perception of the war by the provincial inhabitants, as well as the importance of these issues for understanding the origins of the events of 1914-1922. The research is based on materials from the State Archive of the Russian Federation, the State Archive of the Ryazan Region, print publications of the early twentieth century (Budil`nik, Tula Diocesan Vedomosty, Ryazan Diocesan Vedomosty, etc.), memoirs of participants and contemporaries of the events. Historical and logical methods were used as research methods, which made it possible to identify cause-and-effect relationships, examine development processes and analyze available sources and literature. Problematic and systematic methods made it possible to conduct a consistent analysis of public sentiment throughout the Russian-Japanese war, to identify trends in public sentiment and perception of the enemy. As a result of the study, conclusions were drawn about the formation of two directions in the socio-political life of the province, the first of which is associated with the perception of war as a kind of duty requiring the consolidation of society, heroism on the battlefields, and in the rear – the organization of assistance to the front. The second trend was expressed in the fact that society was not ready for the hardships that the war brought, which led to an increase in critical attitudes towards the war and the government.

Keywords: Russian-Japanese war, provincial press, public sentiment, perception, image of the enemy, agitation

Война против Японии открыла для России период потрясений, обнажив глубокие социально-политические противоречия, затронув в том числе прежде спокойный провинциальный мир. Кампания 1904–1905 гг. предстала для России прообразом вооруженных конфликтов новой эпохи, мобилизующих значительные внутренние силы, критически влияющих на психику человека и психологию общества, размывающих грань между фронтом и тылом.

Противостояние России и Японии активно освещалось в дореволюционной и советской историографии, в центре внимания были вопросы военной тактики и влияния политики самодержавия на неудачи кампании. Современная наука обратилась к проблеме внутреннего мира «человека воюющего». Магистральными являются труды Е.С. Сенявской [27; 28]. Научный интерес представляют исследования А.В. Гущина [16] и Э.А. Воробьевой [7]. Но менее изучены такие аспекты как ментальность населения в период русско-японского противостояния, восприятие «маленьким человеком» образов внешних и

внутренних врагов, социально-политические изменения на периферии под влиянием военных катаклизмов. Их анализ позволяет всесторонне реконструировать события и процессы, приведшие Россию к потрясениям 1914–1922 гг.

Российская провинция к началу XX в. сочетала черты традиционного общества и веяния модернизационных процессов второй половины XIX в. Периферия центра страны не имела опыта легального политического участия, массового вовлечения в революционные процессы, бунтарских или национально-освободительных настроений окраин империи. Однако усложнение социальных отношений, увеличение доступности образования и разнообразной литературы, проникновение достижений науки и техники сказывались на политизации провинциальной жизни, росте общественной активности провинциальных жителей. К изменению характера общественно-политических отношений местные власти зачастую оказывались не готовы, опираясь

лишь на бюрократические инструменты и присутствующие прежнему веку ценностные установки.

Представители периферии центральной части России не имели детального представления о Японии (впрочем, как и жители столицы) [17, с. 144]. У читающей публики оно основывалось на художественной литературе (например, «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова»), поэтому имело образ «заморских» стран. Представители Генерального штаба русской армии ездили по стране с лекциями о военной силе противника и его социально-политическом развитии, чтобы сформировать общественное мнение гражданской и армейской аудитории в свою пользу. Однако лекторы не были в Японии, не встречались с ее жителями и тенденциозно подбирали источники [13, с. 105-106]. Энтузиасты устраивали выставки азиатской культуры, не пользовавшиеся популярностью [35, с. 112-113]. Провинциальная масса, погруженная в обыденные дела, мало интересовалась историей и современностью далекой Азии. Поэтому для нее образ Японии как диковинной страны под влиянием правительственной пропаганды сменился представлением о всесторонней отсталости. Вместе с удаленностью театра военных действий это рождало у населения чувство зрелища, в котором Россию непременно ждет триумф.

Победоносные лозунги и национальные стереотипы продвигала легальная печать, в которой зачастую описывались грубость, жадность, невежество, агрессивность японцев. Совокупность этих качеств обосновывала вероломство и коварство их нападения на Россию. Известный сатирический журнал «Будильник», обращавшийся к провинциальным темам и общественным проблемам, в январском номере 1904 г. поместил карикатуру на слабого японца, объясняя: «Маленькая, игрушечная Япония затеяла опасную игру. С пушками, броненосцами, скорострельными ружьями, сухопутными и морскими армиями. Эта игра давно известна старой, искусившейся Европе, которая научилась осторожно обращаться с огнем. Но пылкая Япония не знает удержа в обезьяньем стремлении перещегольнуть Европу» [35, с. 112-113]. Следующие выпуски наполнены карикатурами, представлявшими Японию марионеткой великих держав, которой суждено потерпеть

сокрушительное поражение [5, 1904, №4, с. 1, 5; 1904, №8, с. 1, 5; 1904, № 10, с. 1, 5; 1904, № 11, с. 5; 1904, № 15, с. 1, 5; 1904, № 20, с. 1, 5], а также в облике неблагоприятных животных (свиньи, лягушки, обезьяны, крысы) [5, 1904, №5, с. 3; 1904, №6, с. 1; 1904, №7, с. 5; 1904, №11, с. 5; 1904, №12, с. 1, 5].

Примечательно, что авторы «Будильника» оказались настолько увлечены высмеиванием Японии, что в выпусках 1904 г. не обращались к темам внутренней политики и общественного развития России. Отсутствие громких побед делало карикатуры только злее – «воинственным макакам», «воинствующим цветнокожим» приписывались всевозможные личностные и социальные пороки [5, 1904, №12, с. 1,5; 1904, №14, с. 1,5; 1904, №18, с. 1,5]. Новости о первых успехах японской армии трактовались как «мыльные пузыри» и «медовый месяц», письма, «написанные на воде» [5, 1904, №9, с. 5; 1904, №12, с. 1, 5]. В одном из номеров и вовсе говорилось: «Белый цвет, как сочетание цветов – самый совершенный, и белая цивилизация также совершенная» [5, 1904, №14, с. 5].

Губернские издания центральной части страны также были наполнены мнениями о скорой победе России и военно-политической отсталости Японии. Внимание уделялось героизму русских солдат, что сопоставлялось с былинными подвигами. Активно описывались случаи плохой воинской организации, массовых случаев бегства с поля боя, огромных потерь противника [32-35; 20, 21]. Публиковались новости о жертвованиях населения на нужды фронта, что позиционировалось как проявление верноподданнических чувств [36, 1904, №11, с. 3].

В местной печати обычно отсутствовали разборы достоинств отечественного общественно-политического устройства и военной системы, причины будущей победы сводились к высоким качествам русских воинов и низости японских. Это объяснялось низким уровнем образования и культуры авторов, боязнью цензуры, отсутствием новых идейных установок со стороны самодержавной власти. Эти особенности провинциальной печати позволяли оппозиции усиливать свое влияние. В период потрясений начала XX в. значительная часть населения оказалась готова жертвовать собой

ради справедливого в их понимании будущего социально-политического устройства, а не абстрактной героической истории и духовности России [3, 10].

Непринадлежность японцев к христианской цивилизации определяло их восприятие провинциальным населением как «врагов-язычников», представителей «низкой» культуры. Народ будоражило наличие у противника множества божеств, что рассматривалось проявлением идолопоклонничества и дьявольских сил. Эта тема развивалась на церковных службах и в церковной печати. Защита православия от посягательств зла объясняла обывателям причины конфликта на отдаленной и малознакомой им территории [2].

Рязанский губернатор после начала войны лично просил епископа Зарайского и Рязанского Аркадия (Карпинского) удовлетворить просьбу городского общественного управления о совершении в кафедральном соборе молебна о здравии императора и победе над противником, что было исполнено [11. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1335. Л. 1]. В речи перед началом молебна на заседании рязанского дворянства епископ назвал японцев «полудикой ордой монголоязычников, обрушившихся на наши пределы», напоминая про оборону русских земель от войск Батыя [26, 1904, №7-8, с. 209]. Перед молебном в Тульском кафедральном соборе ректор местной духовной семинарии архимандрит Георгий говорил: «Мы преследовали и преследуем на Дальнем Востоке высокие цели мирного насаждения христианской культуры и славу Имени Христова» [31, 1904, №3, с. 58]. В статье «Тульских епархиальных ведомостей» говорилось о зле вокруг России – «язычниках-японцах, идущих на покорение Православного Царства» [31, 1904, №16, с. 499]. В «Орловских епархиальных ведомостях» война рассматривалась как «борьба двух мировых идей, двух созерцаний, диаметрально противоположенных друг другу – язычества и христианства» [22, 1904, №42, с. 967]. Церковь организовывала и различные мероприятия для распространения обозначенного взгляда на причины войны. Например, провинциальные священники собирали пожертвования на бесплатную раздачу Библии раненым русским солдатам [30, 1905, №7, с. 196-197]. «Рязанские епархиальные ведомости» приво-

дили пример клеветы в японских газетах на православных миссионеров в Корее, подчеркивая низкие моральные устои противника. Тщеславие и коварство противника контрастировало на страницах «Ведомостей» с русской губернской жизнью, построенной на православных ценностях любви, семьи и взаимопомощи.

Епархиальная печать делала акцент на консолидации общества, государства и церкви для успешного отпора врагу. Однако пути достижения были разные – «Господня воля», духовный подвиг соседствовали с внутри- и внешнеполитическими задачами, создавая почву для будущих социально-политических конфликтов. В «Тульских епархиальных ведомостях» неизвестный автор писал о служении «духу русского народа» во время войны, которая является «величайшим бедствием». Он противопоставлял высокие чувства «хвастливому квасному патриотизму» [31, 1904, №4, с. 86-88]. В октябрьском выпуске 1904 года на фоне неудач русской армии говорилось: «Не похвальбой, не шовинистическими криками должны мы в эту минуту провожать нашу рать на подвиг, но сознанием, что нет победы без воли Божьей». Военный конфликт позиционировался испытанием истинности веры [31, 1904, №20, с. 634]. В других статьях говорилось о «без прекословия повиновении» всем распоряжениям императора и правительства; войне и против японцев, и против «изменников и гадов [оппозиции]» для защиты власти православного царя; купленных либералах, желавших поражения своей стране [31, 1904, №3, с. 57-58; 1904, № 5, с. 126-127; 1904, №6, с. 160-163]. Интересна позиция основателя православной церкви в Японии Николая (Касаткина) в преддверии конфликта, опубликованная в «Рязанских епархиальных ведомостях»: «Если же все-таки не избежать нам несчастья увидеть войну, то вы, [православные] японцы, конечно, должны сражаться за Японию и осуществить христианскую любовь в своих самоотверженных действиях. Воевать с врагами вовсе не значит ненавидеть их, а только защищать свое отечество» [26, 1904, №2, с. 72].

Воинствующая позиция духовенства во время неудачной японской кампании выступила предпосылкой роста антирелигиозных

настроений, восприятия церкви проводником устаревших и захватнических проектов самодержавия. Допустимость религиозно-освободительных войн для населения сменяется идеей о справедливости конфликтов, ведущих к избавлению масс от эксплуатации со стороны власть имущих.

Но и локальное церковное сообщество не было однородно в оценке войны. Ухудшение благосостояния населения снижало доходы приходов, которые и так в начале XX в. являлись скромными [29, с. 34-35; 34; 2]. Это обстоятельство и начавшаяся революция усиливали дискуссии об оплате треб и зависимости церкви от государства [18, с. 34-36]. Автор «Тверских епархиальных ведомостей», призывая население не участвовать в революционном движении, был вынужден отметить: «Война обнаружила очень заметно слабость и спутанность действия нашего государственного механизма ... бюрократическая централизация заняла явно преувеличенное значение в государстве, нарушая самостоятельность Церкви, вызывая во всех классах недовольство» [30, 1905, №12, с. 317]. Характер войны на Дальнем Востоке приходил в несоответствие с миротворческой и гуманистической позицией христианского учения, что вводило в смятение не только прихожан, но и некоторых представителей церкви. Известный священник Г.С. Петров писал после начала кампании: «Пожелания войны и приветствие наступления ее, как средства подъема общего одушевления, представляют из себя проявление духовной беспомощности, какого-то внутреннего отчаяния. Напоминают беспросветную и безнадежную глушь забытого людьми и, в свою очередь, забывшего людей провинциального городка» [23, с. 15].

Для крестьянской массы важным источником информации о событиях и процессах Русско-японской войны помимо церковных мероприятий и слухов стали лубки на тему военного и общественно-политического превосходства России над противником. Красочность картинок, яркие и небольшие по объему тексты привлекали внимание. Лубки имели легко понятные сюжеты и множество деталей, что заставляло долго их рассматривать, обдумывать, обсуждать.

В лубках отразились стереотипы о японцах начального этапа войны, а их сюжеты явно указывали на низкий уровень общественного и культурного развития врага. Распространялись сюжеты о Японии как марионетке европейских и американских политиков и капиталистов [28, с. 35; 31, с. 85-87; 33, с. 37-38]. Низкорослые японцы в лубках рисовались слабыми воинами – «маленькая Япония» и ее «маленькие солдаты» не оставляли сомнений, что Россию ждет победоносная война. Противника представляли ребенком, которого накажет «взрослая» Россия. Это контрастировало с образом отечественного солдата – «богатыря» и «мужика», который при помощи отваги и сообразительности громит врага. Популярен был и облик благородного офицера в ослепительно белой форме. Россия представлялась мудрой и отважной женщиной под покровительством небес. В лубках 1904 г. частым героем был А.Н. Куропаткин: отмечались его ум и храбрость, внимание к нижним чинам. Пройдет немного времени, и генерал станет объектом уже злободневных частушек.

Энтузиазм населения начального периода войны проявлялся в виде заботы о семьях мобилизованных, помощи раненым. В частности, в Рязанской губернии родственникам военных выплачивались пособия, оказывалась помощь при вспашке земли, перевозке дров, покупках продовольствия и одежды [11. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4022. Л. 2-3]. Эту помощь оказывали волостные общества при поддержке руководства Рязанской губернии. Например, Ерахтурское волостное общество Касимовского уезда выделяло солдатским семьям ежемесячно пособие в размере 1 рубля и 50 копеек [11. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4022. Л. 14 об], что для сельской местности являлось неплохой поддержкой. Рассылаемые Министерством внутренних дел документы указывали на важность немедленного рассмотрения просьб близких мобилизованных, своевременного назначения пособий [11. Ф. 22. Оп. 1. Д. 655. Л. 10]. Это станет недолгим периодом взаимодействия власти и общества, обманчивого ощущения заботы друг о друге.

В первые месяцы кампании отправка людей на фронт сопровождалась воодушевлением и бравыми речами. Провинциальная публика верила, что герои русской армии, от солдата до военачальника, приведут страну к

победе. Например, жители Рязанской губернии восторженно встречали поезд с А.Н. Куропаткиным (проходил через Рязань и Ряжск), а губернатор в послании главнокомандующему отмечал, что его назначение «вселило в каждом русском надежду...» [11. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1335. Л. 7-7 об]. Военный врач В.П. Кравков описывал свой отъезд из Рязани на фронт: «... тронулся наш поезд, напутствуемый добрыми пожеланиями многочисленной плеяды знакомых и родных при бесконечных криках «ура»! ... чувствовалось бодрящее, освежающее дыхание новой жизни при подъеме патриотического воодушевления». Спустя год в дневнике он напишет: «Все совершившееся за этот год представляется каким-то кошмаром...» [19, с. 7, 284].

Критическое отношение к перспективам ведения войны испытывали прозорливые современники, видящие недостатки самодержавной власти и военной системы, а также радикалы. Эсеровская подпольная печать характеризовала общественное состояние «неистовством патриотических чувстоизъявлений» «православно-патриотическими восторгами», что обернется против правительства после военных неудач [24, 1904, №50, с. 9-10; 1904, №52, с. 4]. Рязанский историк С.Д. Яхонтов отмечал в мемуарах: «Уже с начала Японской войны – что-то чувствовалось в деревне [что приведет к крестьянским выступлениям в годы Первой революции]». Про 1914 г. он писал: «Как и в начале Японской [войны], появились признаки зловещие»: «лохматые шапки были на головах ухорских (Село Ухорь Пронского уезда Рязанской губернии – Е.К.) мужиков, которые и на войне не были ... воротившиеся запасные стремились притащить с собою какого-либо казенного добра ... война началась только, но на нее пошли мужики вовсе не с такой беззаветностью, как писали» [37, с. 39].

М.Н. Сурин, исследуя по окончании кампании крестьянские настроения, заключал: «Народ встретил войну, которую он не ждал, с недоумением, но скоро патриотические чувства стали подогриваться». Население оказалось охвачено подъемом, а «с группой интеллигенции, пытавшейся кой-где робко протестовать против войны, расправлялись весьма жестоко» [29, с. 4]. Участник кампании М.В. Грулев указы-

вал на искусственность патриотических настроений, отмечая, что «население ... остается совершенно равнодушным к кровавому пожару, вспыхнувшему на наших отдаленных дальневосточных задворках» [13, с. 104-105]. Население рассматривало конфликт в первую очередь как возможность решения определенных военно-политических задач.

Для провинции испытанием стало проведение значительной по масштабу мобилизации для развертывания армии военного времени. В течение всей кампании на службу принято около 1 185 тыс. человек – прошло девять частных мобилизаций, основным источником которых выступила европейская часть России [25, с. 28-35]. На фронт отправилось поколение, выросшее в период миротворческого правления Александра III. Потеря кормильцев семей сказывалась на состоянии домохозяйств и общественном спокойствии, особенно осенью 1904 г., когда новости о военных неудачах стали обыденностью [25, с. 31, 34]. Возросли масштабы взяточничества на местах, уклонений и членовредительства среди призывников, желавших вернуться домой [29, с. 10; 20, с. 242-243; 14, с. 225; 35, с. 116-117]. Оторванные от привычной жизни, смутно понимающие конкретные цели и задачи ведения кампании, вчерашние крестьяне и рабочие оказались легко восприимчивы к протестным настроениям и революционной агитации, разделяя в той или иной степени радикальные идеи [9, с. 3-4; 10, с. 101-102].

Эпизоды общественного недовольства мобилизацией освещала эсеровская печать, обличая правительственный курс: «В деревнях стоит плач. Усиленный, удвоенный рекрутский набор, призыв запасных и резервистов наносит тяжкие удары крестьянству. Начинаются случаи вспышек открытого неповиновения. Проводы забранных в солдаты вызывают скопления возбужденной толпы в городах. Непопулярность войны и неудачи в ней подливают масла в огонь» [24, 1904, №50, с. 4]. Схожую картину в декабре 1904 г. рисовал диакон Московской губернии, вероятно далекий от леворадикальных воззрений: «Как только объявлено было о призыве запасных, великий плач пошел по селам и деревням ... такого плача и такой скорби я на своем веку

еще не видал...» [29, с. 7-8]. Аналогичные данные приводит и представитель крестьянской среды Московской губернии: «Замечается сильный упадок духа. Говорят, что дела не веселят; проживаем то, что было, а дальше, вероятно, придется голодать. Да и сама война не вызывает сочувствия населения. Ни один призываемый не шел с охотой. Старожилы говорят, что в Турецкую кампанию шли на войну охотнее...» [29, с. 9].

На боеспособность призывников отрицательное воздействие оказали различные проблемы провинциального быта. На это обратил внимание еще В.А. Апушкин, автор одного из первых критических разборов конфликта: «Преждевременно состарившиеся дети наших деревень, разоряемых «недородами», голодными тифами, малоземельем, непосильными податями, пьянством и невежеством во всех сферах жизни, лишенные чувства гражданственности и сознания своего гражданского долга» [1, с. 35]. Изданная годом позже работа М.В. Грулева указывала на ограниченность «умственного кругозора» новобранцев как первостепенную проблему того, что «в мирное ли, в военное ли время – богатые духовные силы задыхаются и глохнут» [15, с. 74]. Губернские власти понимали наличие проблем местной жизни и их влияние на события и процессы кампании, но в основном стремились укрепить моральные устои населения, действуя лишь дисциплинарными методами. Например, в Рязани во время набора призывников закрывались питейные заведения [11. Ф. 19. Оп. 1, Д. 1467. Л. 275].

Участники японской кампании, находясь среди непривычной природы и чужой культуры, испытывали чувство ностальгии по русской глубинке. В.П. Кравков в день Успения Пресвятой Богородицы мечтал оказаться в Рязани «в соборе с ребятами, а оттуда с ними отправился бы по лугам» [19, с. 73]. В памяти он часто воссоздавал образ умершей матери, готовящей пироги к возвращению детей с церковной службы, а также «интересной рассказчицы страшных сказок в длинные зимние вечера под тусклым светом лампы». Но пасторальный облик провинции сменился ареной глубоких социально-политических противоречий, имевших кровавые последствия.

Интересный случай, раскрывающий внутренние конфликты, произошел в селе Алешино Дмитриевского уезда Московской губернии. Врач земской лечебницы Варвара Ивановна Маршева в беседах обличала Русско-японский конфликт: «Напрасно правительство ведет войну», «Государь ведет войну из-за золота»; «Вас как баранов гонят на войну, а вы идете» и т.д. Примечательна ее биография: дочь купца, окончила женские врачебные курсы в столице, ездила на стажировку в Вену, что показывает материальное и интеллектуальное отличие от местных жителей. В августе 1904 г., после доносов, про ее высказывания стало известно Губернскому жандармскому управлению, но в итоге прокурор московской судебной палаты прекратил дело, так как женщина не совершала «какого-либо бунтовщического или изменнического действия», лишь критиковала действия правительства, а не призвала к его свержению [12. Ф. 58. Оп. 1. Д. 442].

Частные мобилизации вызывали недовольство населения, тем более, что кому-то удавалось их избежать. Например, в Московское губернское жандармское управление поступил донос на врача больницы при фабрике Фермана близ села Алексеевское Василия Львовича Гольдберга. Сообщалось, что несмотря на «призвание на действительную службу на Дальний Восток», он находится дома, так как «видимо, откупился». После уточнения информации выяснилось, что он все же отправился на войну [12. Ф. 58. Оп. 1. Д. 525. Л. 83-84].

Месяцы конфликта меняли образ внешнего врага для населения. Отмечались хитрость японцев и тщательная подготовка к войне, что, однако, не должно помешать победе русского оружия. Второй выпуск (январский) «Будильника» за 1905 г. по-прежнему был полон оптимизма о перспективах кампании. Японский бюджет сравнивался с пузырьком, который скоро лопнет. Противник предстал в виде хитрой, нищей женщины, умеющей только «раздуть» и «надувать» военные и экономические успехи [5, 1905, №2, с. 1, 5]. В выпуске февраля 1905 г. осторожно высказывалась тема заключения мира. Война обозначалась «стихийным бедствием», которую вынуждена «начать миролюбивая держава». Но «рука бойцов колоть устала», «мир уже вита-

ет кругом ..., который всегда победит войну». На обложке представлялась робкая девушка, символизирующая мир, не подпускаемая разъяренными русским и японским солдатами. Однако другой февральский выпуск изображает японского кота, пытающегося навязать свои мирные условия – «японский кот забыл русскую поговорку «не все коту масленица» [5, 1905, №5, с. 1, 5; 1905, №7, с. 1, 3].

Выпуски «Будильника» весны-лета 1905 г. наполнены карикатурами на международные дела. Русская армия представлена в образе богатыря, «честно» воюющего против японского трехглавого чудовища. Авторы заключают, что «сказочные времена прошли» для русского богатыря, «явилась современная действительность, когда все средства хороши». Карикатуры обвиняли японцев в затягивании войны, а европейские страны – как «добрых соседей» – в подстрекательстве России и Японии к войне, затем к реализации корыстных интересов, а не устремлению к прекращению кровопролития. Мир предстает в виде невинной девушки, стучащейся в дверь к европейским политикам [5, 1905, №11, с. 1, 3; 1905, №9, с. 1, 5; 1905, №24, с. 1, 5]. Эти образы раскрывают тему «исторического одиночества России», популярную среди населения, считавшего, что во все времена страна, в отличие от противников, воюет с честью и достоинством. Обратной стороной стало снижение веры народа в способность России продвигать собственные интересы на международной арене, противостоять враждебным государствам.

Без победоносных новостей провинциальные жители теряли интерес к событиям и процессам войны [29, с. 16-20]. Безразличные настроения наблюдались и среди участников кампании [19, с. 161]. Но часть провинциальной публики искала причины военных неудач, обращаясь к общественно-политическому развитию России. Ходили разговоры об измене в высших кругах, обсуждали командиров, получивших свои посты «за умение угодить начальству» или в результате связей. Менялось восприятие прежде сакральной для периферии фигуры императора. Звучали мнения, что причина неудач – политика Николая II, а монархия России не нужна. Жандармские органы напол-

нялись делами об оскорблении фигуры правителя. Например, крестьянин Рузского уезда Московской губернии Трофим Иванов весной 1905 г. публично оскорблял самодержца, заявляя, что «готов пожертвовать собой, а для государя императора готова пуля». Столяр вагонного цеха при станции в Можайске в июне 1905 г. «во время разговора о войне с Японией произнес дерзкие, оскорбительные слова против особы Государя» [12. Ф. 63. Оп. 25. Д. 649. Л. 1; Ф. 58. Оп. 1. Д. 525. Л. 99].

Вместо военных сводок на первый план для провинциального населения вышли экономические последствия конфликта. Отдаленность театра военных действий выступила теперь фактором восприятия причин кампании не как решения задач национальной обороны, а проявления захватнической политики правительства в интересах власть имущих. Народ видел двигатель войны в «каких-то концессиях, пайщиками которых были высокопоставленные особы» [29, с. 21]. Объем жертвований на нужды фронта снижался, сокращалась забота населения о раненых или семьях мобилизованных. Например, крестьяне Волоколамского уезда заявили земскому начальнику: «Не мы затеяли войну, не нам и расхлебывать», не желая оказывать помощь призывникам [29, с. 13]. На фронте же в это время ходили слухи, что итогом кампании станет перераспределение земель в пользу трудящихся [6, с. 211]. После войны социальные низы принесли эти идеи в повседневную жизнь провинции.

Проблемой стало устройство на работу солдат, вернувшихся домой по причине ранения. Действовал Комитет по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией, под покровительством императрицы Александры Федоровны. Были разработаны специальные анкеты для военных с указанием личных сведений, звания, наличия ранений, наград, желаемой должности, на основе которых в городах формировались списки. Например, в Рязани среди должностей часто называли: швейцар, сторож, весовщик на железной дороге, буфетчик, управляющий домом, жандарм, сотрудник казенной винной лавки, почты [11. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1467. Л. 181]. Часть вернувшихся домой смогла вернуться к мирной

жизни, другая – превратилась в маргиналов, важный элемент будущих потрясений.

Порт-Артур, Мукден и Цусима раскрасили образ противника социально-политическими идеалами. Сторонники преобразований видели Японию примером успешной модернизации. «Значит у них сила порядочная, коли все наших бьют», – говорил крестьянин Клинского уезда [29, с. 15]. Ревнителю старого порядка искали в японцах моральную стойкость, которую не находили среди российских военных, якобы подверженных левой пропаганде. «Японцы большие патриоты. Отечество свое любят до самоотвержения, и для блага его готовы на высокие подвиги и жертвы. Свое родное им всегда дороже иноземного», – писал зарайский священник Иоанн Волков [26, 1904, №16, с. 72]. Интересна позиция брата В.П. Кравкова Николая, жившего во время войны в Ряжском уезде Рязанской губернии. Сторонников заключения мира летом 1905 г. он клеймил «лже-либералами», в которых «нет ничего умного и искренне русского». Общение с крестьянами привело его к убеждению, что они в отличие от интеллигенции и военачальников полны «патриотизма и геройства», способны одолеть врага на поле боя. В.П. Кравков характеризовал это «воинственным романтизмом», «святой верой, что существуют все-таки люди гражданского долга и бескорыстного служения родине», «чувствами молодого профессора, не соприкоснувшегося вплотную с нашей российской действительностью» [19, с. 320-321].

Революционное движение проникало в провинцию с агитацией, частой темой которой был русско-японский конфликт. В мае 1904 г. в д. Тиняково Серпуховского уезда обнаружена прокламация «Война против войны», распространяемая неизвестными лицами с призывами прекратить японскую кампанию и подняться против правительства [12. Ф. 58. Оп. 1. Д. 427. Л. 18]. В декабре 1904 г. у дворянина Владимира Александровича Стругова (хутор Крутое Нижегородской губернии) найдена эсеровская листовка «Долой войну!» [12. Ф. 63. Оп. 25. Д. 246]. В это же время данное воззвание циркулировало на фабрике Людвиг Рабенека близ села Соболево Богородского уезда Московской губернии. Листовки «К новобранцам» в январе 1905 г. были расклеены в Мор-

шанске, а также обнаружены в Москве, Рязани, Смоленской и Воронежской губерниях [12. Ф. 63. Оп. 25. Д. 193, 295, 282; Д. 862. Л. 12; Д. 494; Ф. 58. Оп. 1. Д. 504. Л. 7].

Порой революционная агитация велась маргиналами, не осознающими своей роли. Например, крестьянин д. Воропаевой Подольского уезда Московской губернии распространял эсеровскую листовку «К запасным», но следствие пришло к выводу, что он «ведет нетрезвый образ жизни», постоянно живет в кабаках и судить его бессмысленно [12. Ф. 63. Оп. 58. Д. 494. Л. 46]. Этим пользовались сторонники революционных партий, выдавая себя за пьяниц, к которым якобы случайно попали пропагандистские материалы.

В прокламациях война рисовалась народным бедствием, выгодным лишь верхам. Характерно воззвание социал-демократов, распространяемое весной 1905 г.: «До каких пор мы позволим царскому правительству издеваться над народом, губить лучшие силы наши и выжимать из нас трудовые гроши? А подсчитаем-ка, во что обошлась России эта никому...ненужная война?» [12. Ф. 63. Оп. 25. Д. 282]. В отечественной леворадикальной мысли традиционно господствовало убеждение, что захватнические войны, как порождение несправедливого строя, исчезнут в случае успеха революции. В условиях неудачной японской кампании эти идеи получали актуальное звучание для населения.

Верные правительству общественные силы через легальную агитацию пытались убедить народ проявить жертвенность во имя военных целей и преданность императорской власти. Об этом писалось даже в обращении «Московского комитета о народной трезвости», который полагал, что «в настоящую тяжелую годину испытаний, ниспосланных Богом дорогой родине, когда каждый истинно русский все свои силы, средства и помыслы должен принести на борьбу с врагом, посягающим на нашу честь и достояние» есть некие силы, которые «держат посягнуть на внутреннее спокойствие страны» [12. Ф. 58. Оп. 1. Д. 525. Л. 16]. Однако остановить революционную активность, развернувшуюся на фоне поражений на фронте, подобным организациям в 1905 г. было не под силу.

Усиливавшаяся конфронтация ревнителей старого порядка и левых сил в условиях военного времени создала почву для вооруженного гражданского противостояния. Домой вернулись мобилизованные, для которых образ врага зачастую заключался уже во вчерашних командирах, ответственных за поражения на фронте. Кампания обострила конфликт «помещика» и «крестьянина», затем перенесся его в провинциальную жизнь. Военный врач В.В. Вересаев, характеризуя возвращение нижних чинов, отмечал «темную, слепую, безначально-бунтующую силу», которая «прорывалась на каждом шагу» [6, с. 186]. Участник кампании Н.В. Воронович в воспоминаниях описывал состояние солдатской массы: «Деморализация, начавшаяся в армии после мукденского поражения, достигла своего апогея. Злоба, накапливавшаяся месяцами, прорвалась наружу в самых уродливых формах. Не желая разбираться в том, кто являются виновниками их 20-месячной страды, запасные вымещали свою злобу на каждом, кто являлся каким-либо начальством или носил «ясные погоны» [8, с. 73]. Возвращение мобилизованных в европейскую часть России совпало с всеобщей октябрьской стачкой, традиционно оцениваемой как пик первой российской революции.

Русско-японская кампания повлияла не только на усиление бунтарских настроений народа, но и изменила его взгляд на войну как цивилизационное явление. Работавший на фронте медик Е.С. Боткин писал, что «солдат очень двинулся за последние двадцать пять лет: он уже очень и очень рассуждает; ему мало исполнять приказания, ему нужно и понимать, для чего он должен делать то или другое. Видимо, он задается даже вопросом, можно ли воевать вообще» [4, с. 51]. В.П. Кравков отмечал: «От многих военных ... мне приходилось слышать признание, что они в эту кампанию настолько переменили свои взгляды на войну начала XX века вследствие испытанных ужасов, что считали бы за наилучшее ее совсем упразднить и разрешать всякие международные недоразумения не пушками и пулеметами, а переговорами, конференциями, союзами...» [19, с. 124].

Провинция вовлекалась в социально-политические процессы, в том числе общественность размышляла о проблемах государственного устройства и организации национальной обороны. Идейной основой этих размышлений стали народные чаяния, где политическая апатия и конъюнктура, учение о любви к ближнему, жертвенность и терпение сочетались со стремлением к черному переделу, вольнице, неприятию богатых и власть имущих, слабом понимании политических доктрин и международных процессов. Русско-японская война способствовала проявлению «механизма маятника» – бравая поддержка войны и верноподданические настроения сменились протестами, отторжением прежних общественно-политических ориентиров. Эта тенденция усиливалась еще и тем, что война принесла населению российской провинции реальные трудности – происходил рост цен и, как следствие, – падение уровня жизни, ощущался кадровый голод на промышленных предприятиях и недостаток рабочих рук в деревне, множились социальные и бытовые проблемы. Сводки с театра боевых действий, масштаб потерь не добавляли позитива; больные и раненые, вернувшись с фронта, получая минимальное содержание, часто оказывались без средств к существованию и пополняли ряды недовольных властью.

Проблемы, вызванные войной, были в центре внимания провинциального населения Центральной России на протяжении всего военного времени, но в общественно-политической жизни явно прослеживаются два направления. Первое направление связано с восприятием войны как некоего долга, требующего консолидации общества, героизма на полях сражений, а в тылу – организации помощи фронту (забота о семьях военных, поддержка раненых, сбор пожертвований на нужды войны). С другой стороны, общество оказалось не готово к тем лишениям, которые принесла война, что привело к росту критических настроений не только по отношению к военному конфликту, но и власти, которая не способна добиться побед на фронте и решить социально-экономические проблемы в тылу.

Одну из причин поражения в войне общество видело в существующем государственном

строе, и к концу войны главным врагом для русского общества, в том числе провинциального, стало самодержавие, а не Япония. Война, проводившаяся не только для решения определенных геополитических задач, но и являвшаяся для власти способом отвлечения общества от внутренних трудностей («маленькая победоносная война»), привела к еще большим проблемам, средством решения которых для народа стала революция. Народ обратился к поискам сильной власти, способной выполнять охранительные функции как ключевой элемент общественного порядка. Военные неудачи изменили и самовосприятие провинции

– как места подавления человеческой свободы, отчего и Россия не могла внутренне развиваться и противостоять врагам. Отсутствие реальных действий со стороны властей подталкивало население к разным формам активности – от участия в легальных комитетах и комиссиях, кооперативных обществах до вступления в партийные ячейки и включения в протестные акции. Новое наполнение предоставили радикалы с близкой социальным низам программой достижения справедливости, где важным компонентом стал отказ от захватнических войн как средства решения внутренних и международных противоречий.

Список литературы

1. Апушкин В.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. – М.: Образование, 1910. – 213 с.
2. Беглов А.Л. Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы: Дисс. ... на соискание ученой степени д-ра ист. наук. – М., 2020. – 1057. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44603817>
3. Белоусов И. Из воспоминаний о 1905 годе // Каторга и ссылка. – 1925. – № 07(20). – С. 7 (7-15)
4. Боткин Е.С. Свет и тени русско-японской войны 1904–05 гг. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. – 95 с.
5. Будильник. Литературно-художественный сатирический журнал. – 1904-1905.
6. Вересаев В.В. Записки врача. На японской войне. – М.: Правда, 1986. – 556 с.
7. Воробьева Э.А. Война и общество. Сибирь и Дальний Восток в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2021. – 248 с. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44057273>
8. Воронович Н.В. Русско-японская война. Воспоминания. – Нью-Йорк: (б/и), 1952. – 78 с.
9. Гершельман Ф.К. Мысли о Японской войне. – М., 1908.
10. Геруа А.В. После войны. О нашей армии. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. – 283 с.
11. Государственный архив Рязанской области.
12. Государственный архив Российской Федерации.
13. Грулев М.В. В штабах и на полях Дальнего Востока. – СПб.: Изд. В. Березовский, 1908. – 250 с.
14. Грулев М.В. Записки генерала-еврея. – М.: Кучково Поле; Гиперборея, 2007. – 270 с.
15. Грулев М.В. Злобы дня в жизни армии. – Брест-Литовск: Тип. И. Кобринца, 1911. – 331 с.
16. Гущин А.В. Русская армия в войне 1904–1905 гг. Историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий. – СПб.: Реноме, 2014. – 254 с.
17. Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. – М.: Воениздат, 1986. – 750 с.
18. Иконников С.А. Требоисполнение как источник материального обеспечения православного приходского духовенства во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам епархий Центрального Черноземья) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2017. – № 2. – С. 24-38.
19. Кравков В.П. Война в Маньчжурии. Записки дивизионного врача. – М.: Вече, 2016. – 381 с.
20. Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–05 гг.: итоги войны. – СПб: Полигон, 2002. – 527 с.
21. Михайлова И.П. Отклик на события Русско-японской войны в газете «Курский листок» (1904–1905) в контексте идей эпохи // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2020. – № 8 (33).
22. Орловские епархиальные ведомости. – Орел, 1904.
23. Петров Г.С. Война и мир. – СПб: Тип. В.Ф. Вошинской, 1904. – 48 с.
24. Революционная Россия. Газета партии социалистов-революционеров. 1904.
25. Русско-Японская война 1904–1905 гг. Т. VII. Ч. 1-2. Тыл действующей армии. – СПб., 1910. – 42 с.
26. Рязанские епархиальные ведомости. – Рязань, 1904-1905.
27. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М., 1999. – 172 с.
28. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX в.: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М.: РОССПЭН, 2006. – 287 с.
29. Сурин М.Н. Война и деревня. – М.: Тип. П.К. Прянишникова, 1907. – 36 с.
30. Тверские епархиальные ведомости. 1904-1905.
31. Тульские епархиальные ведомости. 1904-1905.
32. Федорова Н.В. Визуальные образы Русско-японской войны в контексте формирования патриотических настроений // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. – 2018. – № 1. – С. 81–87.
33. Филиппова Т.А. «Желтая опасность»: Гендерные образы Востока в русской журнальной сатире эпохи Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Восточный архив. – 2020. – № 2 (42). – С. 36–45.
34. Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 г.). – М.: Культур. центр «Духов. Биб-ка», 2002. – 623 с.
35. Холодов В.А. Русско-японская война 1904–1905 в восприятии населения Орловской губернии (по данным Орловской прессы) // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2011. – № 4 (42). – С. 111-124.
36. Ярославские губернские ведомости. 1904-1905.
37. Яхонтов С.Д. Моя жизнь в деревне и в Рязани 1905–1938 гг. // Рязанский этнографический вестник. – №47. – Кн. 13. – Рязань, 2012. – 102 с.

References

1. **Apushkin V.A.** Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. – M.: Obrazovanie, 1910. – 213 s.
2. **Beglov A.L.** Pravoslavny'j prihod Rossijskoj imperii na rubezhe XIX–XX vv.: sostoyanie, diskussii, reformy': Diss. ... na soiskanie uchenoj stepeni d-ra ist. nauk. – M., 2020. – 1057. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44603817>
3. **Belousov I.** Iz vospominanij o 1905 gode // Katorga i ssy'lka. – 1925. – №07 (20). – S. 7 (7-15)
4. **Botkin E.S.** Svet i teni russko-yaponskoj vojny` 1904–05 gg. – SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1908. – 95 s.
5. **Budil'nik.** Literaturno-xudozhestvenny'j satiricheskij zhurnal. – 1904-1905.
6. **Veresaev V.V.** Zapiski vracha. Na yaponskoj vojne. – M.: Pravda, 1986. – 556 s.
7. **Vorob'eva E'.A.** Vojna i obshhestvo. Sibir` i Dal'nij Vostok v gody` Russko-yaponskoj vojny` 1904–1905 gg. – Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2021. – 248 s. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44057273>
8. **Voronovich N.V.** Russko-yaponskaya vojna. Vospominaniya. – N'yu-Jork: (b/i), 1952. – 78 s.
9. **Gershel'man F.K.** My`сли o Yaponskoj vojne. – M., 1908.
10. **Gerua A.V.** Posle vojny`. O nashej armii. – SPb.: Tip. A.S. Suvorina, 1906. – 283 s.
11. **Gosudarstvenny'j arxiv Ryazanskoj oblasti.**
12. **Gosudarstvenny'j arxiv Rossijskoj Federacii.**
13. **Grulev M.V.** V shtabax i na polyax Dal'nego Vostoka. – SPb.: Izd. V. Berezovskij, 1908. – 250 s.
14. **Grulev M.V.** Zapiski generala-evreya. – M.: Kuchkovo Pole; Giperboreya, 2007. – 270 s.
15. **Grulev M.V.** Zloby` dnya v zhizni armii. – Brest-Litovsk: Tip. I. Kobrinca, 1911. – 331 s.
16. **Gushhin A.V.** Russkaya armiya v vojne 1904–1905 gg. Istoriko-antropologicheskoe issledovanie vliyaniya vzaimootnoshenij voennosluzhashchix na hod boevy'x dejstvij. – SPb.: Renome, 2014. – 254 s.
17. **Ignat'ev A.A.** Pyat`desyat let v stroju. – M.: Voenizdat, 1986. – 750 s.
18. **Ikonnikov S.A.** Treboispolnenie kak istochnik material'nogo obespecheniya pravoslavnogo prihodskogo duxovenstva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (po materialam eparxij Central'nogo Chernozem'ya) // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. – 2017. – № 2. – S. 24-38.
19. **Kravkov V.P.** Vojna v Man'chzhurii. Zapiski divizionnogo vracha. – M.: Veche, 2016. – 381 s.
20. **Kuropatkin A.N.** Russko-yaponskaya vojna 1904–05 gg.: itogi vojny`. – Spb: Poligon, 2002. – 527 s.
21. **Mixajlova I.P.** Otklik na soby'tiya Russko-yaponskoj vojny` v gazete «Kurskij listok» (1904–1905) v kontekste idej e'poxi // Ucheny'e zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2020. – № 8 (33).
22. **Orlovskie eparxial'ny'e vedomosti.** – Orel, 1904.
23. **Petrov G.S.** Vojna i mir. – SPb: Tip. V.F. Voshhinskoj, 1904. – 48 s.
24. **Revoljucionnaya Rossiya.** Gazeta partii socialistov-revoljucionerov. 1904.
25. **Russko-Yaponskaya vojna 1904–1905 gg.** T. VII. Ch. 1-2. Ty'l dejstvuyushhej armii. – SPb., 1910. – 42 s.
26. **Ryazanskie eparxial'ny'e vedomosti.** – Ryazan', 1904-1905.
27. **Senyavskaya E.S.** Psixologiya vojny` v XX veke: istoricheskij opyt Rossii. – M., 1999. – 172 s.
28. **Senyavskaya E.S.** Protivniki Rossii v vojnax XX v.: e`voljuciya «obraza vraga» v soznanii armii i obshhestva. – M.: ROSSPE`N, 2006. – 287 s.
29. **Surin M.N.** Vojna i derevnya. – M.: Tip. P.K. Pryanishnikova, 1907. – 36 s.
30. **Tverskie eparxial'ny'e vedomosti.** 1904-1905.
31. **Tul'skie eparxial'ny'e vedomosti.** 1904-1905.
32. **Fedorova N.V.** Vizual'ny'e obrazy` Russko-yaponskoj vojny` v kontekste formirovaniya patrioticheskix nastroenij // Trudy` Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshheniya. – 2018. – № 1. – S. 81–87.
33. **Filippova T.A.** «Zheltaya opasnost'»: Genderny'e obrazy` vostoka v russkoj zhurnal'noj satire e'poxi Russko-yaponskoj vojny` 1904–1905 gg. // Vostochny'j arxiv. – 2020. – № 2 (42). – S. 36–45.
34. **Firsov S.L.** Russkaya Cerkov` nakanune peremen (konecz 1890-x – 1918 g.). – M.: Kul'tur. centr «Duxov. Bib-ka», 2002. – 623 s.
35. **Xolodov V.A.** Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 v vospriyatii naseleniya Orlovskoj gubernii (po dannym Orlovskoj pressy) // Ucheny'e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 4 (42). – S. 111-124.
36. **Yaroslavskie gubernskie vedomosti.** 1904-1905.
37. **Yaxontov S.D.** Moya zhizn` v derevne i v Ryazani 1905–1938 gg. // Ryazanskij e`tnograficheskij vestnik. – №47. – Kn. 13. – Ryazan', 2012. – 102 s.

Информация об авторах

Кирьянова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России и методики обучения истории и обществознанию федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», г. Рязань, Российская Федерация, SPIN-код автора: 6709-5231, AuthorID: 517357, e.kiryanova@rsu-rzn.ru

Information about the authors

Elena A. Kiryanova, Dr. Sci (History), docent, Head of the Chair of Russian History and Methods of Teaching History and Social Studies, Rязan State University named for S.A. Yesenin, Rязan, Russian Federation, SPIN-code: 6709-5231, AuthorID: 517357, e.kiryanova@rsu-rzn.ru

Романика Александр Сергеевич, кандидат ис-

Alexandr S. Romanika, Ph.D. (History), docent at

торических наук, доцент кафедры истории России и методики обучения истории и общественности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», г. Рязань, Российская Федерация, SPIN-код автор: 4868-4747, AuthorID: 858269, a.romanika@rsu-rzn.ru

Терехин Андрей Николаевич, студент Института истории, философии и политических наук федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», г. Рязань, Российская Федерация, a.terekhin2506@stud.rsu-rzn.ru

the Chair of Russian History and Methods of Teaching of History and Social Studies, Ryazan State University named for S.A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, SPIN-code: 4868-4747, AuthorID: 858269, a.romanika@rsu-rzn.ru

Andrey N. Terekhin, student of the Institute of History, Philosophy and Political Sciences, Ryazan State University named for S.A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation a.terekhin2506@stud.rsu-rzn.ru

Статья поступила в редакцию 08.12.2025

Поступила после рецензирования 16.12.2025

Принята к публикации 30.12.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Received 08.12.2025

Revised 16.12.2025

Accepted 30.12.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

Для цитирования: **Кириянова Е.А., Романика А.С., Терехин А.Н.** Русско-японская война и общественно-политическая жизнь провинции центральной части России // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2026. – №1 (38). – С. 27-39.

For citation: **Kiryanova E.A., Romanika A.S., Terekhin A.N.** The Russian-japanese war and the socio-political life of the provinces of central Russia // Humanities researches of the Central Russia. – 2026. – №1 (38). – P. 27-39.

DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-27-39

Научная статья
УДК 94(47).084.5-6
DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-40-50
Шифр научной специальности 5.6.1.

**ВЛАСТЬ И ВЕРУЮЩИЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-1930 ГГ.
В КОНТЕКСТЕ ЛОКАЛЬНОГО ПОДХОДА**

Владимир Александрович Сомов , Геннадий Валентинович Егоров¹

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
603022, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23;
Приволжский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
603022, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, д. 17а
[✉ \[somoff33@yandex.ru\]\(mailto:somoff33@yandex.ru\)](mailto:somoff33@yandex.ru)

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Аннотация

Авторы обращают внимание на необходимость беспристрастного научного анализа проблемы взаимоотношения власти и верующих в советской России в предвоенный период (1917-1941 гг.). Актуальность такой постановки вопроса обусловлена не преодоленной до конца тенденциозностью в отношении оценок исторической роли участников этого процесса. Применение локального подхода к изучению проблемы позволяет сузить территориальные, временные и проблемные рамки исследования и несколько скорректировать устоявшиеся историографические определения. В результате становится очевидным, что советская власть не ставила задачей физическое истребление всех верующих. Усиление репрессии против верующих было обусловлено несовместимостью мировоззренческих установок революционной власти с традиционным консервативным укладом старшего поколения и лишь в случае деструктивной активизации последних – политическими причинами. В статье показано, что к концу 1930-х гг. советской власти не удалось существенно снизить религиозность населения. Более того, парадоксальным образом она диалектически интегрировалась в традиционную модель поведения советского человека, что нашло яркое проявление в годы Великой Отечественной войны. Многочисленные примеры героического сопротивления и отстаивания независимости Родины перед лицом фашистской агрессии можно рассматривать в качестве реального воплощения в сознании населения традиционной поведенческой мотивации, которая синтезировала и религиозные, и рациональные аспекты.

Ключевые слова: Советская Россия, власть и верующие, локальный подход

¹ © Сомов В.А., Егоров Г.В., 2026, Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0

POWER AND BELIEVERS IN SOVIET RUSSIA IN THE 1920-1930S IN THE CONTEXT OF A LOCAL APPROACH

Vladimir. A. Somov , Gennady V. Egorov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation;

Volga Region branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»,
17a Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation

✉ somoff33@yandex.ru

Abstract

The authors draw attention to the need for an impartial scientific analysis of the relationship between the authorities and believers in Soviet Russia in the pre-war period (1917-1941). The relevance of this approach is due to the persistent bias in assessing the historical role of the participants in this process. Applying a local approach to studying the problem allows us to narrow the territorial, temporal, and problematic scope of the study and to adjust established historiographic definitions. As a result, it becomes clear that the Soviet government did not aim to physically exterminate all believers. The intensification of repression against believers was due to the incompatibility of the revolutionary authorities' ideological principles with the traditional conservative way of life of the older generation, and only in the case of the latter's destructive activation – for political reasons. The article demonstrates that by the late 1930s, the Soviet government had failed to significantly reduce the religiosity of the population. Moreover, paradoxically, it dialectically integrated into the traditional model of Soviet behavior, which found vivid expression during the Great Patriotic War. Numerous examples of heroic resistance and defense of the Motherland's independence in the face of fascist aggression can be seen as a tangible embodiment in the population's consciousness of traditional behavioral motivations, which synthesized both religious, and rational aspects.

Keywords: Soviet Russia, power and believers, local approach

Современная историография государственно-церковных отношений в России XX века находится на этапе переосмысления сложного многофакторного процесса секуляризации общественных отношений и роли в этом процессе Советского государства. Определяющий вектор научных исследований выражен в критической оценке советской власти и коммунистической идеологии как инструментов «демонстража» традиционной религиозной основы российского государства. Эта тенденция наиболее ярко отражена в работах О.Ю. Васильевой [3], И.Б. Орлова [21], И.Б. Янушевича [27] и др. Нельзя не отметить и наличие более взвешенного и вдумчивого взгляда на проблему, который, в частности, нашел воплощение в работах Р.В. Ильязовой [5], Н.И. Музафаровой [9] и др. Стремление к научному консенсусу диктует необходимость отказа от однозначной оценки нашей общей биографии непростого XX века как результата «происков», «гонений», «несправедливости», «предательства», «влияния извне» и т.п. Только абстрагируясь от взаимных обвинений

и пытаюсь описать происходившее по принципу «что было, то было», не вдаваясь при этом в политические, юридические или богословские аспекты проблемы, которые достаточно подробно и профессионально описаны в значительном количестве специальной литературы, можно достичь новых научных, хоть и не лишенных определенной субъективности¹, выводов. Этому также должно способствовать применение локального подхода к изучению проблемы, который характеризуется территориальным и хронологическим сужением объекта научного анализа до изучения предметов и факторов *повседневного* бытования субъекта исторического процесса – человека. Один из «первопроходцев» локального метода С.И. Архангельский ещё в 1929 г. отмечал: «не в государственных формах, а в особенностях народного духа надо искать ключ к разгадке исторических законов» [2, с. 435] (здесь и далее курсив наш –

¹ «Иных чувств, как человеческих, т.е. «субъективных», – ибо мы рассуждаем с точки зрения человека, а не лешего, – не бывает» [8, с. 113].

авт.). Локальный подход, таким образом, тесно связан с *историко-антропологической* парадигмой исследования, которая в качестве главной задачи предполагает историческую реконструкцию всего многообразия интеллектуальной и материальной деятельности человека. Одним из способов исторической реконструкции интеллектуальной сферы является когнитивная (понимающая) история [7]. В отношении религиозного сознания сделать это особенно непросто, поскольку оно, по понятным причинам, слабо отражено в источниках. Поэтому в данной статье в качестве источников используются материалы официального происхождения, которые, тем не менее, способны стать основой для необходимых выводов.

Рассматриваемый период начинается с Октябрьской революции 1917 г., которую представители и иерархи основных религиозных направлений восприняли, в целом, негативно. Более того, по мере установления советской власти консервативное сознание населения с трудом мирилось с кардинальными преобразованиями в общественной жизни. Попросту говоря, советская власть не нравилась представителям, прежде всего, старшего поколения, привыкшим к традиционному укладу. Сельское взрослое население, в силу, в том числе, низкого уровня грамотности и образования, не просто не воспринимало новую «безбожную» мораль, но и связывало с ней все бедствия, свалившиеся на уставшие плечи российской деревни. Вот интересная выдержка из доклада Провинциального отдела Нижегородского губернского Исполнительного комитета от 13 июня 1918 г.: «Начиная с февраля месяца и до последнего времени, когда стал особенно чувствоваться голод в деревне, работа в провинции по укреплению советской власти шла гигантскими шагами. Тогда можно было смело сказать, что вся деревня стояла за Советами. Деревенские кулачки, попики и контрреволюционеры попрятались по углам... Картина резко изменилась с начала весны. Буквальная голодовка раскалила фундамент советской власти в деревне, так называемая «спекуляция на голоде» правых элементов и контрреволюционная агитация попов способствовали сдвигу масс вправо и развитию не-

приязи к советской власти. Начались повальные походы на Советы...» [19, с. 45–46].

Несмотря на то что юридически советское государство декларировало свободу совести и вероисповедания [16], на практике с августа 1918 г. начинается активная фаза антирелигиозной кампании [13; 15; 17]. Советская власть не ставила задачу безусловного физического истребления всех верующих. Речь шла, главным образом, о борьбе с религией как мировоззрением, то есть в качестве методов в перспективе рассматривались образование, агитация и пропаганда. Но на практике ситуация часто обострялась по причине того, что властные постановления реализовывались людьми, далекими от образа «идеального большевика», да и действия некоторых верующих иногда принимали характер «контрреволюционного саботажа». Например, по данным Нижегородского ГубЧК в октябре 1920 г. в Макарьевском уезде отмечалось негативное отношение духовенства к советской власти и коммунистической партии [19, с. 102]. В Семеновском уезде «священник Николай Золотов в селе Рожнове на мельнице среди массы народа агитировал против советской власти» [Там же]. Священник был арестован, началось следствие. В Лукояновском уезде открытой антисоветской агитации отмечено не было, кроме отдельных эпизодов. Например, дело священника города Починок Веселова, «у которого найдена переписка контрреволюционного характера» или дело священника Лебединского из села Никулино, «которым был зарыт в землю мед и хлеб» [19, с. 102–103].

5 августа 1918 г. постановлением Нижегородского Губисполкома был создан губернский отдел по национальным делам. Такие отделы создавались в местностях РСФСР, отличавшихся различным национальным составом. В 1919 г. отдел имел 4 подотдела: мусульманский, еврейский, латышский и польский. Организованная работа по разъяснению политики советской власти среди мусульман Нижегородской губернии имела перспективу в виде созыва съезда мусульманского духовенства осенью 1920 г., но натолкнулась на противодействие губернского руководства, которое усмотрело в желании созвать съезд «реабилитацию» духовенства в глазах общественности. В инструктивном письме отдела нацмень-

шинств при Нижгубкоме РКП (б) нацотделу Сергачского уездного комитета партии 21 сентября 1920 г. говорилось: «Нас крайне удивляет Ваше намерение созвать съезд мусульманского духовенства, в целях разъяснения массам... Для всех должно быть ясно, что одним только созывом партийной организацией духовенства на съезд вы придаете им еще большую силу и вес перед беспартийными массами, которые ясно видят в факте приглашения духовенства на съезд и обмена мнениями с ними, что мы сами признаем за духовенством огромное влияние на массы в качестве ее вождей» [19, с. 107]. Очевидно, что религиозность и приверженность традиционному укладу взрослого населения была реальной проблемой для власти именно в силу политических причин. В результате созыв съезда был приостановлен, а местному отделу по делам национальностей было рекомендовано проводить лекции и беседы с местным населением, чтобы «привить» им «правильное понимание вопросов о религии вообще и духовенства в частности» [Там же]. Главной целью здесь было блокирование возможности трансформации религиозных настроений в политически обусловленные действия со стороны верующих. Применение насилия в массовом порядке по возможности исключалось. В противном случае существование советской власти было бы непродолжительным.

Начало 1920-х годов – переломное время, «борьба эпох». Новое мировоззрение, связанное отнюдь не только с советской властью, но и с общемировыми тенденциями рационализма, технологизации, развития науки и просвещения постепенно занимало умы молодежи, вытесняя религиозное мировоззрение. В то же время представители старшего поколения продолжали усматривать в антирелигиозной политике власти причины бед и неурядиц. В период Гражданской войны и сразу после ее окончания определенная часть духовенства и верующих были враждебно настроены по отношению к советской власти [25]. В циркулярном письме Нижегородской ГубЧК от 21 января 1921 г. отмечалось: «Текущие события последних дней, выразившиеся целым рядом забастовок, волнений среди рабочих заводов в Советской России лишней раз подтверждают

неутомимую работу правых антисоветских партий и духовенства, которые ведут злостную агитацию среди рабочих масс в городе и среди крестьян в деревне» [19, с. 150]. В результате Нижегородская ГубЧК постановила подготовиться к борьбе с правыми партиями и духовенством путем усиления надзора за действиями последних. Все епископы и иерархи монастырей были обязаны дать подписку о невыезде [Там же].

Весной 1921 г. Нижегородской ЧК «ввиду того, что за последнее время духовенство усиленно старается привлечь на свою сторону отшатнувшиеся темные крестьянские массы и с этой целью устраивает религиозные собрания, где зачастую ведет крайне осторожную контрреволюционную работу» [19, с. 173], был ликвидирован Епархиальный совет, закрыта канцелярия епископа, пастырская школа. У всех священнослужителей были взяты подписки о невыезде за пределы губернии без разрешения ЧК. По всей губернии было сделано распоряжение «о закрытии и сокращении преподавания Закона Божия в школе детям, не достигшим 18-летнего возраста», а также «усилена репрессия над духовенством без различия вероисповедания» [Там же]. Кроме этого, была дана установка не допускать собраний духовенства, идущих «вразрез с политикой советской власти» [Там же].

«Усиливая репрессию» в отношении служителей церкви, власть, очевидно, не могла проводить аналогичные действия против всех верующих, которые имелись, в том числе, среди коммунистов. Такая двойственность выразилась, в частности, в отношении к праздникам как к коллективному символическому действию. Проще говоря, даже коммунисты (особенно возрастные), не говоря уже о «рядовых гражданах», в первые годы советской власти не могли резко отказаться от религиозной традиции и помимо государственных, отмечали еще и религиозные праздники². Праздники, установленные новой

² Небезынтересным в этом отношении можно считать Постановление Совета Труда и Обороне от 20 апреля 1921 г., согласно которому на время пасхальных каникул Народному Комиссариату Путей Сообщения предлагалось «обеспечить проезд студентов туда и обратно, но с тем, чтобы проезд этот совершался не за счет отпускаемых рабочих» [18, с. 309].

властью, еще не связывались в массовом сознании с чем-то дорогим и достойным особого почитания. С нескрываемым недоумением некто «тов. Воскресенский» в письме в редакцию газеты «Нижегородская Коммуна» интересовался «Правда ли это?». 24 апреля 1921 г. он пришел в почтово-телеграфное отделение на Б. Печерской, чтобы дать срочную телеграмму. Там он увидел молодого человека, занимающегося чинкой сапог, который ему «любезно сообщил, что, несмотря на то, что на двери и висит объявление о приеме телеграмм в течение круглых суток, его телеграмму он не примет, так как мол, заболел экспедитор, а остальные сотрудники, ввиду вербного воскресенья, на службу не явились» [11, с. 2]. А некто «гр. Коровин» писал, что «наряду с ненормальными явлениями стоит часто наблюдающаяся религиозность членов партии, выражающаяся в посещении церковных служений, участии в обрядах венчания, крещения и даже в вере в «чудеса», в которые не верят уже и большинство беспартийных» [12, с. 2].

По иронии судьбы в 1921 году один из государственных праздников совпал с Великим днем для православных верующих. 1 мая – Пасха. В связи с этим в «Нижегородской Коммуне» появляется публикация, дублирующая циркуляр ЦК РКП от 8 апреля 1921 г., который был подписан Е. Ярославским [14]. В «нижегородском» варианте рекомендации циркуляра были изложены следующим образом: «Так как Пасха в этом году совпадает с 1 мая – необходимо разъяснить на митингах различие между церковным праздником – Пасхой и революционным международным праздником пролетариата – 1 мая. *Нужно при этом остерегаться оскорбления религиозных чувств верующих*» [10, с. 1].

Опасения партийных руководителей не были беспочвенными. Засушливое лето 1921 года стало еще одним толчком к политизации религиозного сознания в губернии. Характерна выдержка из отчета Выксунского комитета партии от 20 июня 1921 г.: «За последнее время духовенство ведет тонкую, подпольную агитацию среди крестьян и усиленно по селам и деревням устраивают молебны в пользу дождя, и на этот счет духовенство стало призывать к себе все больше крестьянских масс.

Все попы, можно сказать, уловили этот сухой период времени и с каждым днем и даже ночью стали молиться богу, чтоб господь дал дождя, и все граждане, которые посещают церковь и всевозможные молебны, распространяют нелепые слухи: вот, мол, засуха, а коммунисты не молятся богу, ясно, попы этому радуются, а на почве религиозных чувств попы, имея авторитет среди деревенской массы, стараются внести разложение среди населения» [19, с. 183].

Понимая сложность момента, ответственный секретарь комиссии по антирелигиозной пропаганде при Нижегородском Губкоме РКП Тархов в ноябре 1921 г. отмечал: «Коммунистическая партия должна вести свою работу без малейшего применения насилия, ибо борьба с предрассудками путем насилия, как это показывает опыт истории (религиозные войны), совершенно не рациональна. Она не приводит к ослаблению предрассудков, а наоборот укрепляет их» [4, л. 60–61 об.].

Голод в Поволжье 1921–1922 гг. на фоне не прекращавшихся попыток дезорганизации советской власти со стороны части духовенства привел к изменениям в государственной политике [24, с. 53–54]. В 1922 г. власть переходит к более жестким, хотя формально и не нарушавшим конституционных норм, мерам в отношении служителей церкви. Постановление ВЦИК об изъятии церковных ценностей 23 февраля 1922 г, которое открыло этот этап весной 1922 г., было продублировано на местном уровне. В совершенно секретном циркуляре Нижегородского Губкома РКП (б) об изъятии церковных ценностей 28 апреля 1922 г. подчеркивалось: «Наша партия и сейчас не намерена вмешиваться в дела церкви. Это, однако, не значит, что мы можем терпеть недопустимое самоуправство князей церкви и распоряжение народным добром, накопленным трудовыми массами России. Наша задача на местах должна использовать разногласия среди духовенства. Раскол церкви есть первая брешь в религиозной стене рабочих и крестьян... Но агитацию надо вести осторожно, не оскорбляя религиозных чувств масс и вести борьбу не вообще против религии и церкви, а *именно против реакционной части духовенства, борющегося с демократическими слоями служителей церкви*» [19, с. 262]. По-

литика «разделяя и властвуя», использование неоднородности отношения к новой власти применялись в качестве метода подчинения (привлечения) верующих к несопротивлению. Характерна оценка, данная в документе Нижгубкома за август 1922 г.: «Церковь православная колется очень успешно. Кроме "Тихоновской" и "живой" появилась новая, которую организует наш Нижегородский епископ Евдоким (теперь уже митрополит). Новая церковь, по его замыслу, должна быть на древне-трудовых началах и должна всех уравнивать. Очевидно, дело складывается так, что разброд мыслей среди духовенства будет неуклонно расти» [19, с. 273].

Для ликвидации влияния церкви на отношение населения к советской власти было решено организовать кампанию, якобы по инициативе самих рабочих и крестьян, о закрытии монастырей – центров религиозной жизни. Об этом говорилось в циркулярном письме Нижгубкома РКП в 1922 г.: «Если в вашем районе имеются монастыри, необходимо организовать кампанию постановлений рабочих и крестьянских собраний о закрытии этих монастырей и использовании их для нужд социального обеспечения, здравоохранения и просвещения» [19, с. 164–165]. С осени 1922 г особое внимание обращалось на необходимость усиления антирелигиозной пропаганды в виде научно-популярных лекций. Слово было сильным оружием в руках и церкви, и государства, поэтому советская власть старалась вступать в диспуты с представителями церкви силами хорошо образованных и подготовленных докладчиков: «К диспутам по-прежнему надо относиться осторожно и ставить их лишь при условии тщательной подготовки и достаточно сильных докладчиков коммунистах» [Там же].

Революция, что называется «по определению», сместила акценты национально-религиозной политики и ее восприятия населением. Причем «разлом» произошел не столько в межнациональной и межрелигиозной «плоскости», сколько в поколенческой, возрастной [5, с. 74]. Приведем характерную выдержку из доклада об обследовании работы драмкружка клуба имени Розы Люксембург, организованного в июне 1919 г. Еврей-

ской секцией Губкома РКП (б). Документ датирован 2–13 октября 1924 г.: «В первое время отношение к клубу со стороны еврейского населения было резко отрицательным. Клуб вызывал недоверие и опасения, что клуб разложит еврейскую массу и погубит еврейство как национальность. Старики удерживали молодежь от вступления в члены клуба, грозили проклятием и отречением. Но с течением времени взгляд изменился и теперь клуб при проведении кампаний может вместить всех желающих прослушать концерт или живую газету, или посмотреть инсценировку. Теперь частыми посетителями клуба являются и члены семей рабочих» [19, с. 133–134].

Традиция – вот на чем основывается религиозное сознание и поведение. Например, в протоколе губернского совещания работников среди национальных меньшинств Нижегородской губернии от 10 февраля 1926 г. говорилось: «В Сергачском уезде 5 волостей с татарским населением... в вопросах выявилось, что среди татарского населения «калым» живет до настоящего времени. Антирелигиозной пропаганды не ведется» [19, с. 137]. В докладе о состоянии работы по просвещению в Сергачском уезде за 1927 г. фиксировалось следующее: «Влияние духовенства в мордовском районе слабое, в татарском же районе влияние мусульманского духовенства по-прежнему сильно. В каждом селении 4–6 мечетей, 7–15 мулл... В татарскую же гущу новый порядок проникает туго (по-прежнему соблюдается Ураза). Наряду с этим приходится отметить и отрадные явления: рост общины (девушек и парней), заметно увеличивается общая школа» [19, с. 138].

Нетрудно заметить две взаимоисключающие, но диалектически соединенные тенденции: влияние духовенства на молодежь падает, а старшее поколение склонно сопротивляться нововведениям. В середине 1920-х гг. эта тенденция проявилась на нижегородчине в полной мере как среди православных, так и среди мусульман – представителей основных религий. В докладе «О деятельности мусульманского духовенства Нижегородской губернии» на расширенном заседании татарской секции агитпропотдела Губкома ВКП (б) говорилось: «Политическое влияние духовенства

на массы, безусловно, имеется и теперь. Значительная часть мусульманского духовенства занимаются политическими вопросами и активно ведут антисоветскую работу... В 1925 г. в деревне Собачьего острова Сергачского уезда по инициативе местного духовенства был организован поход против учительства и комсомольцев. Ночью нарочно разбили окна в 2-х мечетях, подняли тревогу, разжигали религиозное чувство масс, а эту вину свалили на учителей и комсомольцев, за что избили до полусмерти одного учителя-комсомольца и на следующий день собрали общий сход, где постановили удалить всех учителей из деревни» [19, с. 139–140].

В докладе отмечалась политическая окраска оценок советской власти со стороны ряда верующих: «В 1926 г. в деревне Ижболдах на собрании избирателей выступил Мустафа Арафжанов: "Граждане. Прежнее Черносотенное монархическое правительство не запрещало мусульманам вероучение и не облагало мулл налогом. Свободная советская власть не разрешает вероучения, я с болью в сердце призываю граждан просить на это ответа"» [19, с. 141]. Несмотря на такие, хоть и отдельные, но довольно резкие проявления религиозного антисоветизма, власть на протяжении 1920-х гг. сохраняла возможность не только отправлять религиозный культ, но и получать религиозное образование. Так, в секретной записке татарской секции агитационно-пропагандистского отдела в секретариат Нижгубкома ВКП (б) в 1927 г. констатировалось: «За последнее время заметно значительное оживление деятельности мусульманского духовенства и кулацко-торгашеского элемента среди татарского населения губернии... расширяется сеть религиозных школ до 50 единиц, в которых учатся до 967 человек молодежи, распространение религиозных книг и литературы» [19, с. 142].

С 1927 г. усложняется международная обстановка («военная тревога»), и власть начинает уделять повышенное внимание вопросам обороны. Начавшаяся в 1929 году кампания по коллективизации сельского хозяйства привела к усилению внимания власти к общественно значимым направлениям развития государства. В этих условиях все более проявляется тенденция к ограничению влияния ре-

лигиозных деятелей на жизнь и быт населения. В 1929 году началась продолжавшаяся вплоть до Великой Отечественной войны полоса закрытия как мечетей [22, с. 35], так и православных храмов. К этому процессу имели прямое отношение Исполкомы местных советов, которые посылали запросы о закрытии храмов на «подведомственных» территориях. Так, в 1932 г. Нижегородская Краевая комиссия по культам при президиуме Горьковского крайисполкома, созданная 5 июля 1931 г., провела 5 заседаний. В ходе этих заседаний был рассмотрен 51 вопрос о ликвидации молитвенных зданий и помещений. Из них 39 – по запросам районных исполнительных комитетов. При этом 89% ходатайств получили удовлетворение [19, с. 173]. Местные власти в качестве «низовой инициативы», помимо закрытия храмов, стали запрещать еще и колокольный звон как непременный атрибут религиозной жизни. Нижегородская краевая комиссия по культам отмечала «случаи запрещения колокольного звона, встречающиеся все чаще и чаще» [19, с. 176]. Напомним, что в статье «Головокружение от успехов» от 2 марта 1930 г. И.В. Сталин, критикуя излишнюю активность местных государственных и партийных органов в деле проведения коллективизации, отметил: ««Я уже не говорю о тех, с позволения сказать, «революционерах», которые дело организации артели начинают со снятия с церкви колоколов. Снять колокола, – подумаешь какая революционность!» [23, с. 1]. В результате Нижегородская краевая Комиссия по культам просила центральные власти «спустить» на места «Положение о регулировании колокольного звона», но не получила ответа [19, с. 176]. В 1932 г. колокольный звон был запрещен только на время празднования Пасхи, поскольку, как и в 1921 г., этот праздник совпал с празднованием 1-го мая [Там же].

Имеющиеся данные позволяют с уверенностью констатировать, что советской власти не только не удалось ликвидировать религиозность взрослого населения, но и в полной мере «заместить» ее коммунистической идеологией в умах молодежи. На 1 января 1935 г. в 54 районах Горьковского края были зарегистрированы следующие религиозные объединения. «Тихоновское» направление:

количество обществ верующих – 1230, молитвенных зданий – 1121, служителей культа – 1272. «Обновленцы»: количество обществ верующих – 105, молитвенных зданий – 101, служителей культа – 111. Старообрядцы: количество обществ верующих – 125, молитвенных зданий – 65, служителей культа – 99. Мусульмане: количество обществ верующих – 43, молитвенных зданий – 43, служителей культа – 55 [20, с. 953–954].

Преемственность поколений в религиозных взглядах также было достаточно высока. Например, 23 февраля 1936 г. инспектором Народного Комиссариата Просвещения РСФСР было проведено обследование вопроса о влиянии религиозных обрядов на учащихся 1–х классов школы им. Ленинского комсомола г. Горького. В результате было выявлено, что «из 149 восьмилетних школьников четырех первых классов 96 человек уже успели побывать в церкви. Из них много раз бывали в церкви 52 человека, целовали кресты 49 ребят, есть в квартире иконы в семьях у 78 ребят, матери молятся у 43 ребят. Верующие родители запрещают своим детям быть пионерами» [20, с. 961].

Особенно активизировались, как их называют в документах власти, «церковники» после принятия Конституции 1936 г, статья 124 которой провозглашала свободу совести [6, с. 309]. К апрелю 1937 г. в Горьковской области функционировало свыше 1000 церквей. В период празднования религиозных праздников активность верующих возрастала. Так, в 1937 г. в Горьком верующие иудеи активно отметили еврейскую пасху: «частная пекарня по выпечке мацы работала в три смены силами 10 рабочих в продолжение 2,5 месяцев, все же не смогли удовлетворить всего спроса на мацу» [20, с. 959]. «Массовое празднование престольных праздников (Ильин день, Никола, Петров день, Казанская, масса других), не говоря уже о крупнейших религиозных праздниках, является характерным для многих районов области. В десятках колхозов в эти дни никакие хозяйственные работы не производятся, чем наносится огромный ущерб колхозному производству» [Там же], – говорилось в документе. Известный исследователь В.Т. Анисков в свое время утверждал:

«Война в основном застала крестьян атеистами в их абсолютном большинстве. Даже многие из тех, кто продолжал посещать церковь, совершать религиозные обряды, больше делали это в силу привычки, чем по убежденности» [1, с. 468]. Нам представляется, что без учета поколенческого фактора данное утверждение нельзя считать однозначно убедительным. Приведенные в данной статье аргументы, скорее, подтверждают выводы В.Н. Якунина о достаточно высоком уровне религиозности населения в условиях атеистического государства в конце 1930–х гг. [26, с. 7], если не оставлять без внимания возрастные особенности поколения.

Итак, советская власть основывалась на принципах диалектического материализма в марксистско-ленинском понимании, что определило ее негативное отношение к религии как к иррациональному способу объяснения мира. Поскольку большевики ставили своей задачей как раз построение нового общества, религиозный консерватизм и отрицание возможностей человека как преобразующей силы противоречили большевистскому мировоззрению. История – динамический процесс, который творится реальными людьми со свойственными им ошибками, субъективными характеристиками, которые относятся к определенному поколению, социальной сфере, профессиональной деятельности и т.д. Все эти характеристики должны учитываться при оценке тех или иных событий в рамках нашей темы.

Период 1917–1941 гг. был отмечен стремлением власти построить атеистическое государство, которое встретилось с естественным противодействием со стороны верующих – представителей старшего поколения. Интересно, что после Гражданской войны удалось добиться высокого уровня межрелигиозной толерантности, поскольку в качестве духовного «оппонента» выступало государство: это во многом «спланировало» представителей верующих. Все конфессии негласно объединялись в противодействии государственному атеизму по мере его активизации. Сложный характер взаимоотношений государства и верующих, как это не покажется парадоксальным, выразился в своеобразном «взаимопроникнове-

нии» традиционных ценностей: религиозных и светских, научных и иррациональных. Например, церкви трудно было отрицать успехи науки, имевшие место в XX веке, а идеалы религиозных откровений во многом воплотились в гуманистической теории социализма. Есть особый смысл в том, что лучшие представители советской цивилизации совершали героические поступки (особенно в годы Великой Отечественной войны), которые были близки

по духу любой традиционной религии России. В то же время нельзя не заметить, что все традиционные религиозные объединения занимали патриотическую позицию по отношению к защите государства, когда ему грозила опасность. В этом историческом феномене можно усмотреть результат непростого и трагического взаимодействия государства и верующих в период 1917–1941 гг.

Список литературы

1. **Анисков В.Т.** Крестьянство против фашизма. 1941-1945. История и психология подвига. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 502 с. <https://elibrary.ru/qosjdi>
2. **Архангельский С.И.** Локальный метод в исторической науке // Cogito. Альманах истории идей. Вып. 5: Foundation. – Ростов-н/Д., 2011. – С. 432–447.
3. **Васильева О.Ю.** Российская православная церковь и Октябрьская революция 1917 г. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 1–2. – С. 12–29. DOI: 10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-12-29, <https://elibrary.ru/btjktk>
4. **Государственный Общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО).** – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1797.
5. **Ильязова Р.В.** Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1918–1941 гг.: некоторые аспекты теории и практики (по материалам Ульяновской, Самарской губерний, Куйбышевской области) // Гасырлар авазы – Эхо веков: научно-документальный журнал. – 2018. – N. 2 (91). – С. 69–83. <https://elibrary.ru/yogpwp>
6. **Конституция СССР 1936 г.** // Ю.С. Кукушкин, О.И. Чистяков Очерки истории советской Конституции. – М.: Политиздат, 1987. – С. 285–313.
7. **Концепция когнитивной истории:** интеллектуальные источники, место в структуре современного гуманитарного знания, перспективы развития: Материалы круглого стола, посвященного 90-летию со дня рождения профессора Ольги Михайловны Медушевской [Электронный ресурс]. – URL: <https://roii.ru/dialogue/roii-dialogue-44.pdf> (дата обращения: 13.01.2020).
8. **Ленин В.И.** Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – Т. 18. – С. 7–384.
9. **Музафарова Н.И.** Отношение советской власти к религии (1917–1939 годы) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». – 2016. – N. 1(21). – С. 44–50. <https://elibrary.ru/vqvtln>
10. **Нижегородская коммуна.** – 1921. – № 83. – 15 апреля.
11. **Нижегородская коммуна.** – 1921. – № 104. – 13 мая.
12. **Нижегородская коммуна.** – 1921. – № 109. – 19 мая.
13. **О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»** (Инструкция) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. – М.: Б.и., – 1942. – С. 849–858.
14. **О праздновании 1-го мая. Циркуляр ЦК Российской коммунистической партии.** Москва, 8-го апреля 1921 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011370450/viewer/ (дата обращения: 24.01.2020).
15. **О реквизициях и конфискациях.** Декрет СНК РСФСР от 3 января 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. – М.: Б.и. – 1944. – С. 61–68.
16. **О свободе совести, церковных и религиозных обществах.** Декрет СНК РСФСР от 20 января (2 февраля) 1918 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/80687?ysclid=mk5d831z4167529124> (дата обращения: 08.12.2025).
17. **Об отделении церкви от государства и школы от церкви.** Декрет СНК РСФСР от 23 января (5 февраля) 1918 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/111398?ysclid=mk5dbe7fwr991708788> (дата обращения: 08.12.2025).
18. **Об условиях проезда увольняемых в отпуск на пасхальные каникулы студентов** Рабочих Факультетов и высших учебных заведений. Постановление Совета Труда и Оборона от 20 апреля 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. – М.: Б.и., – 1944. – С. 308–309.
19. **Общество и власть.** Российская провинция 1917 – середина 1930-х годов. – М.-Нижний Новгород: Б.и, 2002. – Том 1. – 634 с.
20. **Общество и власть.** Российская провинция. 1930 г. – июнь 1941 г. – М.-Нижний Новгород: Б.и., 2005. – Том 2. – 1147 с.
21. **Орлов И.Б.** Советское государство и Церковь в 1920-е годы: проблемы и перспективы сотрудничества // Эпоха князя Владимира и развитие Российской государственности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Ярославль, 26 июня 2015 года / Под. ред. Ю.Ю. Иерусалимского. – Ярославль, 2016. – С. 420–436. <https://elibrary.ru/vzfowr>
22. **Сенюткин С.Б., Идрисов У.Ю., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н.** История исламских общин Нижегородской области. – Н. Новгород: ННГУ, 1998. – 549 с. <https://elibrary.ru/tbmosz>
23. **Сталин И.В.** Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения // Правда. – 1930. – 2 марта.
24. **Старикова Е.П.** Голод 1921–1922 гг. и изъятие церковных ценностей (на материалах Марийского края) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2015. – Вып. 2 (63). – С. 53–64. DOI: 10.15382/sturII201563.53-64, <https://elibrary.ru/tqstrz>
25. **Хмуркин Г.Г.** Сколько священнослужителей РПЦ погибло в 1917–1926 гг. // Вопросы истории. – 2019. – №10. – С. 178–198. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201910Statyi20, <https://elibrary.ru/qzduok>
26. **Якунин В.Н.** Правовой статус, положение, деятельность, внешние связи Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Автореф. дисс... д-ра ист. наук. – Самара, 2003. – 39 с. <https://elibrary.ru/vaftnv>
27. **Янушевич И.И.** Формирование системы насаждения атеизма в СССР // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. – 2022. – №1. – С. 81–87. <https://elibrary.ru/foqqow>

References

1. **Aniskov V.T.** Krest'yanstvo protiv fashizma. 1941-1945. Istoriya i psixologiya podviga. – M.: Pamyatniki istoricheskoy my'sli, 2003. – 502 s. <https://elibrary.ru/qosjdj>
2. **Arxangel'skij S.I.** Lokal'nyj metod v istoricheskoy nauke // Cogito. Al'manax istorii idej. Vy'p. 5: Foundation. – Rostov–n/D., 2011. – S. 432–447.
3. **Vasil'eva O.Yu.** Rossijskaya pravoslavnaya cerkov' i Oktyabr'skaya revolyuciya 1917 g. // Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. – 2019. – № 1–2. – S. 12–29. DOI: 10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-12-29, <https://elibrary.ru/btjktk>
4. **Gosudarstvennyj Obshhestvenno-politicheskij arxiv Nizhegorodskoj oblasti (GOPANO).** – F. 1. – Op. 1. – D. 1797.
5. **Il'yazova R.V.** Antireligioznaya propaganda v SSSR v 1918–1941 gg.: nekotory'e aspekty` teorii i praktiki (po materialam Ul'yanovskoj, Samarskoj gubernij, Kujby'shevskoj oblasti) // Gasy'rlar avazy` – E'xo vekov: nauchno-dokumental'nyj zhurnal. – 2018. – N. 2 (91). – S. 69–83. <https://elibrary.ru/yoqppw>
6. **Konstituciya SSSR 1936 g.** // Yu.S. Kukushkin, O.I. Chistyakov Ocherki istorii sovetsoj Konstitucii. – M.: Politizdat, 1987. – S. 285–313.
7. **Koncepciya kognitivnoj istorii:** intellektual'ny'e istochniki, mesto v strukture sovremennogo gumanitarnogo znaniya, perspektivy` razvitiya: materialy` kruglogo stola, posvyashhennogo 90–letiyu so dnya rozhdeniya professora Ol'gi Mixajlovny` Medushevskoj [E'lektronnyj resurs]. – URL: <https://roii.ru/dialogue/roii-dialogue-44.pdf> (data obrashheniya: 13.01.2020).
8. **Lenin V.I.** Materializm i e'mpiriokriticizm // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury`, 1968. – T. 18. – S. 7–384.
9. **Muzafarova N.I.** Otnoshenie sovetsoj vlasti k religii (1917–1939 gody`) // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». – 2016. – N. 1(21). – S. 44–50. <https://elibrary.ru/vqtyln>
10. **Nizhegorodskaya kommuna.** – 1921. – № 83. – 15 aprelya.
11. **Nizhegorodskaya kommuna.** – 1921. – № 104. – 13 maya.
12. **Nizhegorodskaya kommuna.** – 1921. – № 109. – 19 maya.
13. **O poryadke provedeniya v zhizn` dekreta «Ob otdelenii cerkvi ot gosudarstva i shkoly` ot cerkvi» (Instrukciya) // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1917–1918 gg.** – M.: B.i., – 1942. – S. 849–858.
14. **O prazdnovanii 1-go maya.** Cirkulyar CzK Rossijskoj kommunisticheskoy partii. Moskva, 8-go aprelya 1921 g. [E'lektronnyj resurs]. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011370450/ viewer/ (data obrashheniya: 24.01.2020).
15. **O rekviziciyax i konfiskacijax.** Dekret SNK RSFSR ot 3 yanvarya 1921 g. // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1921 g. – M.: B.i. – 1944. – S. 61–68.
16. **O svobode sovesti, cerkovny`x i religiozny`x obshhestvax.** Dekret SNK RSFSR ot 20 yanvarya (2 fevralya) 1918 g. [E'lektronnyj resurs]. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/80687?ysclid=mk5d831z4167529124> (data obrashheniya: 08.12.2025).
17. **Ob otdelenii cerkvi ot gosudarstva i shkoly` ot cerkvi.** Dekret SNK RSFSR ot 23 yanvarya (5 fevralya) 1918 g. [E'lektronnyj resurs]. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/111398?ysclid=mk5dbe7frw991708788> (data obrashheniya: 08.12.2025).
18. **Ob usloviyax proezda uvol'nyaemy`x v otpusk na paxal'ny'e kanikuly` studentov** Rabochix Fakul'tetov i vy'sshix uchebny`x zavedenij. Postanovlenie Soveta Truda i Oborony` ot 20 aprelya 1921 g. // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1921 g. – M.: B.i., – 1944. – S. 308–309.
19. **Obshhestvo i vlast`.** Rossijskaya provinciya 1917 – seredina 1930-x godov. – M. – Nizhnij Novgorod: B.i, 2002. – Tom 1. – 634 s.
20. **Obshhestvo i vlast`.** Rossijskaya provinciya. 1930 g. – iyun` 1941 g. – M. – Nizhnij Novgorod: B.i., 2005. – Tom 2. – 1147 s.
21. **Orlov I.B.** Sovetskoe gosudarstvo i Cerkov' v 1920–e gody`: problemy` i perspektivy` sotrudnichestva // E'poxa knyazya Vladimira i razvitie Rossijskoj gosudarstvennosti: Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Yaroslavl', 26 iyunya 2015 goda / Pod red. Yu.Yu. Ierusalimskogo. – Yaroslavl', 2016. – S. 420–436. <https://elibrary.ru/vzfowr>
22. **Senyutkin S.B., Idrisov U.Yu., Senyutkina O.N., Guseva Yu.N.** Istoriya islamskix obshhin Nizhegorodskoj oblasti. – N. Novgorod: NNGU, 1998. – 549 s. <https://elibrary.ru/tbmosz>
23. **Stalin I.V.** Golovokruzhenie ot uspehov. K voprosam koloznogo dvizheniya // Pravda. – 1930. – 2 marta.
24. **Starikova E.P.** Golod 1921–1922 gg. i iz'yatie cerkovny`x cennostej (na materialax Marijskogo kraja) // Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. – 2015. – Vy'p. 2 (63). – S. 53–64. DOI: 10.15382/sturII201563.53-64, <https://elibrary.ru/tqsrst>
25. **Xmurkin G.G.** Skol'ko svyashhennosluzhitelej RPCz pogiblo v 1917–1926 gg. // Voprosy` istorii. – 2019. – №10. – S. 178–198. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201910Statyi20, <https://elibrary.ru/qzduok>
26. **Yakunin V.N.** Pravovoj status, polozhenie, deyatel'nost`, vneshnie svyazi Russkoj pravoslavnoj cerkvi v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941–1945: Avtoref. diss... d-ra ist. nauk. – Samara, 2003. – 39 s. <https://elibrary.ru/vaftnv>
27. **Yanushevich I.I.** Formirovanie sistemy` nasazhdeniya ateizma v SSSR // Vestnik Poloczskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. – 2022. – №1. – S. 81–87. <https://elibrary.ru/foqqow>

Информация об авторах

Сомов Владимир Александрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и теории международных отношений федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», профессор кафедры теории и истории права, государства и судебной власти Приволжского филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6322-6221>, Web of Science ResearcherID: DB-7495-2014, Scopus ID: 56740762100 SPIN-код: 8926-0154, AuthorID: 170623, somoff33@yandex.ru

Егоров Геннадий Валентинович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и политики России федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, AuthorID: 317354, SPIN-код: 9735-7058, egorov.gennadiy@yandex.ru

Information about the authors

Vladimir A. Somov, Dr. Sci (History), docent, professor at the Chair of History and Theory of International Relations at National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, professor at the Chair of Theory and History of Law, State and Judicial Authority at Volga Region branch of Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6322-6221>, Web of Science ResearcherID: DB-7495-2014, Scopus ID: 56740762100 SPIN-code: 8926-0154, AuthorID: 170623, somoff33@yandex.ru

Gennadiy V. Egorov, Ph.D., (History), docent, docent at the Chair of Russian History and Politics at National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, AuthorID: 317354, SPIN-code: 9735-7058, egorov.gennadiy@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.12.2025

Поступила после рецензирования 20.01.2026

Принята к публикации 07.02.2026

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Received 27.12.2025

Revised 20.01.2026

Accepted 07.02.2026

The authors have read and approved the final manuscript.

Для цитирования: **Сомов В.А., Егоров Г.В.** Власть и верующие в Советской России в 1920-1930 гг. в контексте локального подхода // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2026. – №1 (38). – С. 40-50.

For citation: **Somov V.A., Egorov G.V.** Power and believers in Soviet Russia in the 1920-1930s in the context of a local approach // Humanities researches of the Central Russia. – 2026. – №1 (38). – P. 40-50.

DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-40-50

«Гуманитарные исследования Центральной России»
«Humanities researches of the Central Russia», ISSN 2541-9056
<https://hum-research.com/ru/>

Научная статья

УДК 37.373.54

DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-51-63

Шифр научной специальности 5.8.1.

СОВЕТСКАЯ ШКОЛА В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
И ФОРСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ В СССР

Вадим Александрович Якушев ¹

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»
125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8
✉ yakushev_vadim@mail.ru

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: В.А. Якушев – общая концепция статьи, поиск и анализ литературы, обработка результатов исследования, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Аннотация

Советская школа за период своего функционирования в условиях динамических трансформаций (20-30 гг. XX в.: НЭП, индустриализация, коллективизация) показала не только устойчивое развитие после негативных факторов, связанных с лихолетьями, вызванными военной интервенцией и Гражданской войной, но и уверенно двигалась вперед, совершая поступательное развитие в сотрудничестве учителя и учащегося, формируя преемственность по подготовке кадров для их последующего обучения и воспитания в образовательных организациях средне-специального и высшего профиля. Тем самым она служила педагогической платформой для удовлетворения потребностей промышленности и народного хозяйства страны. Все это стало возможным благодаря взаимодействию труда педагога и учащегося, работавших в единой связке с представителями Советов и управлений образования в Советском государстве. Каждый значимый факт в статье подкрепляется статистическими данными, подтверждающими тот или иной аргумент автора. Продемонстрировано тесное взаимодействие данных структур с другими ведомствами по созданию эпохи просвещения на всей территории Советской России с учетом воздействия таких негативных факторов внешней среды, как иностранная интервенция и Гражданская война. В формировании школьной системы образования и обучения, образовательной среды, создаваемой на основе преемственности прошлого и имеющихся скудных ресурсов в государстве, установлены два этапа, определен критерий их классификации. Уточнено, как происходило становление педагогического мастерства советских учителей, их обучение и преемственность в образовании с учетом богатого опыта дореволюционной России. Предложены выводы по теме статьи, подкрепленные статистическими данными.

Ключевые слова: советская школа, обучение, воспитание, образовательное пространство, образовательная среда, интервенция, Гражданская война

¹ © Якушев В.А. 2026, Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0

THE SOVIET SCHOOL DURING THE NEW ERA ECONOMIC POLICY AND ACCELERATED ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE USSR

Vadim A. Yakushev

Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education
«Order of the Red Banner of Labor Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation»

8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125171, Russian Federation

✉ yakushev_vadim@mail.ru

Abstract

The Soviet school during the period of its functioning in the conditions of dynamic transformations (20-30 years twentieth century: NEP, industrialization, collectivization) showed not only sustainable development after the negative factors associated with the hardships caused by military intervention and the Civil War, but also confidently moved forward, making progressive development in cooperation between teachers and students, forming continuity for training personnel for their subsequent education and upbringing in technical schools and universities. It served as a pedagogical platform for meeting the needs of industry and the national economy of the country. All of this was made possible by the collaboration between teachers and students, who worked together with representatives of the Soviets and educational departments in the Soviet state. Each significant fact in the article is supported by statistical data that confirms the author's arguments. The article demonstrates the close collaboration between these institutions and other government agencies in creating an era of enlightenment throughout Soviet Russia, despite the challenges posed by foreign intervention and the Civil War. Two stages have been identified in the formation of the school education and training system, as well as the educational environment. The system was created on the basis of the continuity of the past, with limited resources available, in the state, suffering from foreign intervention and the Civil War. The article clarifies how the pedagogical skills of Soviet teachers were developed, their training, and the continuity in their education, taking into account the rich experience of pre-revolutionary Russia. The conclusions the author comes to are supported with relevant statistical data.

Keywords: Soviet school, education, upbringing, educational space, educational environment, intervention, Civil War

В государстве, если оно социальное и правовое, вне зависимости от общественно-экономической формации приоритетом выступают нормы Конституции, предоставляющие населению возможности по всестороннему развитию личности. Особое место здесь занимает отношение к детям в части их обучения и воспитания. Достижение этих результатов возможно путем государственного финансирования школ, создания и развития их учебно-материальной базы, обучения и переподготовки педагогических кадров. Исходя из этого, отметим, что школьное обучение – это основа, заложившая прочный базис всей советской системы образования России.

Цель статьи – проанализировать историю развития советской школы в периоды динамических трансформаций, формирования в эти периоды преемственности образовательной среды, новых требований, предъявляемых к качественной подготовке школьников для их последующего обучения и работы как

в промышленности, так и в народном хозяйстве страны, а главное, определить роль и место школы в системе подготовки кадров в период двадцатых и тридцатых годов XX в.

Советская школа в 20-е и 30-е годы XX в. пристально изучалась в работах ученых; а именно: 1. Проводился анализ советской школы с точки зрения педагогической советологии [2]. 2. Изучались идеи демократизации и гуманизации в советской педагогике в 20-е годы XX в. [1]. 3. Исследовался региональный аспект на примере школ Кубани и их работа в мирных условиях (1920-1925) [16], Чувашии [8], [7] и в Белорусской ССР [17]. 4. Анализировалась деятельность школьного обучения в сельской местности в первую пятилетку, благодаря чему грамотность в деревне у лиц от 9 лет и старше за 1928-1932 гг. увеличилась более чем в 2 раза и достигла к 1926 г. показателя в 45,2% [11]. 5. Анализировался принцип связи школы с жизнью в педагогике, который обусловлен применением опыта советской школы, осво-

бодившейся от идеологических оценок в контексте новых тенденций в развитии отечественного и зарубежного образования [6]. 7. Исследовался аспект функционирования всеобщего и укрепления советской школы в РСФСР в годы Великой Отечественной войны [4; 14]. 8. Уделялось внимание советской школе в период форсированного развития экономики [10].

Вместе с тем ученые упускают важный механизм исследования советской школы, направленный на организационно-правовую сферу регулирования школьного образования и обучения, его структуру, функции и компетенцию.

Методология и методы познания. При написании статьи мы использовали метод диалектического и исторического материализма, который позволил рассмотреть советскую школу 20-х и 30-х гг. XX в. через неразрывное понимание трех основных ипостасей – ее прошлого, настоящего и будущего. Применили следующие концепции, а именно – изоморфизм национального характера, который позволил проследить формирование преемственности образовательных сред в 20-е и 30-е гг. XX в., установить взаимосвязь между такой социальной группой как семья школьника и социальным общественным образованием – школой в рамках школьного образовательного процесса и коэволюционную концепцию, связанную с образовательной средой, основанной на принципах совместного, взаимосвязанного развития человека и природы, где советская школа 20-30-х гг. XX в. выступала педагогическим базисом формирования нового мышления и поведения учащихся советской школы. Исторический метод позволил в хронологическом порядке проанализировать факты и события, характеризующие развитие школы в рассматриваемый период.

Результаты исследования, обсуждение. Важность исследования наследия советской школы в предвоенный период относительно преемственности образовательных сред для обучения и воспитания школьников имеет схожую ситуацию со школой России в современный период. По мнению Н.А. Белканова, «...Россия была более великой,..., она и сейчас

остается более великой...» [2, с. 22]. Это высказывание показывает, что запрос на образованную личность становится главенствующим в связи с угрозами национальной безопасности. Нельзя ставить знак равенства между дореволюционной Россией и ее советским наследием, так как были разные цели, которые достигались разными путями. В первом случае обучение детей буржуазии, а иногда и разночинцев, а во втором – всего населения Советской России, т.е. наступление «эры просвещения».

Вера в реформаторскую педагогику, проводимую в период культурной революции, создавала иллюзию быстрого прогресса в образовании, но это стало реальностью несмотря на то, что Первая мировая война, интервенция, политика «военного коммунизма» и Гражданская война принесли России «катастрофическое положение народного хозяйства». Свои научные школы практически по всем отраслям знаний Советская Россия как раз и заложила в советской школе, что является уверенным доказательством того, что своевременные вложения материальных ресурсов в школьное образование позволили большевикам в полной мере начать реализацию государственной образовательной политики именно в школе.

Методика советской школьной системы формировалась с учетом преемственности опыта гимназического обучения и воспитания, создавая образовательную среду, в основе которой лежала советская педагогика и марксистское учение. Согласно им сотрудничество учителя и ученика решало педагогические задачи по просвещению, ликвидации малограмотности и неграмотности населения. В целом, работа была направлена на созидание, понимание и переживание социокультурной ситуации, следование в своей деятельности нравственному долгу, чувству собственного достоинства, способности принимать ответственность на себя, отстаивать личностную позицию, может быть, и уточнять ее под воздействием новых фактов и аргументов, проявляя гибкость и возможность изменяться. Это становилось ориентиром для субъектов преемственности образовательной среды.

Советская школа в 20-е гг. XX в. функционировала в направлении ликвидации безграмотности населения (далее – ликбез). Однако переход к НЭПу заставил сократить государственные расходы на народное образование с 10% (1921) до 2-3% (1922) [10, с. 17], что закономерно отразилось на уровне заработной платы учителей, т.е. в этот период времени государство финансировало преимущественно материальные сферы экономики, а культура и образование обеспечивались вторично.

Примечательно, что выходом из данной негативной ситуации послужили решения III-го Всероссийского съезда союза работников просвещения, направленные на «повышение квалификации учителей», что частично было реализовано в Воронежской губернии. Там все городские учителя и 75% учителей в сельской местности прошли повышение квалификации. Вместе с тем директива ЦК РКП(б) «О работе среди работников просвещения» решила проблему получения учителями хлебных пайков, роста их материального благополучия за счет активизации деятельности станичных и отдельных исполкомов, профсоюзов и изменения их правового положения. Летом 1923 г. на Кубани было проведено 35 учительских конференций, в 1924 г. из 1960 учителей Кубанского округа 1423 прошли переподготовку, что составило 72,6% [9, с. 10].

Проводимые государством мероприятия по «ликбезу», принятые в августе 1923 г. за счет создания 574 ликвидационных пунктов и 498 школ, не позволили добиться успеха, потому что в том же году научно-педагогической секцией Государственного ученого совета (далее – ГУС) выпущены новые программы [получившие наименование «Программы ГУСа» или «Комплексные программы»], которые нарушали систему изучения учебного материала, а термин «образование» подменялся понятием «общественно-политическое воспитание» и «воспитание общественного сознания». Это был период методических исканий, приведших к сохранению классно-урочной формы с новым советским содержанием и идеологической составляющей, углубленной методической работы, становления советской методики преподавания отдельных

дисциплин, на этом базисе начинает создаваться новый советский учебник.

Укрепление государственности, рост экономики, появление СССР позволили нивелировать отрицательные результаты, влияющие на школьный процесс обучения, к осени 1924 г. появилась возможность финансировать школу за счет государства. Школа в этот период включала три ступени: базовая четырехклассная, семилетняя и девятилетняя.

Однако в этом же году педология, поддерживаемая А.В. Луначарским, изменила характер школьного образования. В школьном обучении происходил отказ от предметного принципа ведения уроков. Так, традиционные предметы: химия, биология, математика, физика предлагались к изучению в виде обобщенных тем: «Трудовая деятельность людей», «Природа как объект трудовой деятельности людей», «Общество как результат труда людей». Педологи полагали, что такие особенности в обучении быстрее смогут внедрить в сознание учащихся марксистскую методологию и обратить внимание детей на окружающую действительность. Повышение квалификации педагогов заменялось убеждением, что поддержка новой программы – это и есть содействие «советской власти», а в школе приоритетом становится ранжирование детей по их генетической принадлежности, так называемый поиск «трудных» и «необучаемых» учащихся. Основное внимание уделялось лабораторным методам и коллективным формам занятий, педагог был наблюдателем.

Развитие педологии выразилось в проведении конференций [1927 г. Всесоюзная конференция педологов], съездов [Первый всесоюзный съезд педологов проходил в Москве в период с 27.12.1927 по 04.01.1928, в его работе приняли участие около 3000 делегатов, представлено более 350 докладов, из которых более половины были заслушаны, работало семь секций], издании ежемесячного журнала «Педология». Всё это стало прямой агрессией педологии против других наук, поскольку она претендовала на «единственную марксистскую науку о детях», оттеснив педагогику, психологию, анатомию, физиологию. Следует отметить, что в основе педологии лежали: а) рекапитулятивная теория

Стенли Холла; б) биогенетический закон Эрнеста Геккеля; в) «евгеника» Френсиса Гальтона, которая по природе своей была направлена на измерение обучающихся и поиск тождества между биологическими законами и их обучением.

Советские учителя, пользуясь тем, что программы НКП РСФСР носили рекомендательно-обязательный характер, а в преподавании не давали системных знаний, применяли проверенные практикой методики обучения. В период существования НЭПа функционировало более ста двадцати тыс. школ с более чем одиннадцатью миллионами учеников и более пятисот тыс. учителей, но при этом всего лишь 10% из них получили высшее образование. Сотрудничество учителей и учащихся выступало в качестве одного из средств управления образовательной средой, способом проектирования личностной ситуации развития, когда педагогический субъект и обучающийся занимают равнозначные уровни, являясь соавторами в определении как содержания образования, так и способов его освоения.

Деятельность советской школы в сельской местности имела свои особенности, а именно – там происходило организационное укрепление школы и создание советского школьного базиса на основе реализации устава школы, который был утвержден в 1925 г. [10, с. 9]. В этом же году создаются школы для крестьянской молодежи с 7-летним сроком обучения [11, с. 10], которые способствовали формированию у обучающихся советского мировоззрения. Так, в Чувашии к сентябрю 1921 г. было 585 таких школ с охватом 55,3% всех детей школьного возраста, уже к 1924 г. их было 611, а учащихся – 41526 и учителей – 1003. Однако грамотность сельского населения по переписи 1926 г. в губерниях Черноземного региона составляла 35%, тогда как по Ленинградской области – 48%, Центрально-промышленному – 47,7%, Нижневолжскому краю – 38,5%, среди взрослого сельского населения Черноземья в возрасте от 16 до 34 лет в 1926 г. неграмотных было 42,2%, при средней неграмотности этого населения по РСФСР – 32,2% [9, с. 3], что свидетельствовало о ненадлежащем сотрудничестве между государственными институтами, отвечающими

за школьное обучение, и невключенности населения в процесс ликбеза.

В 1929/1930 учебном году количество школ в Чувашии достигло 1010, а количество учащихся – 75214 [8, с. 28]. Так, несмотря на все меры, принятые правительством по ликвидации неграмотности, к концу 1927 г. добиться успехов не удалось, потому что Первая всесоюзная перепись показала, что неграмотными в РСФСР были более 30%, учитывая, что в стране в целом чуть более 45% населения.

Вместе с тем совершенствовалась методика обучения при преподавании таких предметов, как русский язык и литература, применялась двусторонняя связь. На уроках литературы использовалось чтение вслух (выразительное), запоминание как стихов, так и прозы, свободное изложение изученного материала, разыгрывание, проекты, а на уроках русского языка – исследование, вопросно-ответная форма о природе языка. На Кубани в 1925 г. начальных школ было 89% от довоенного уровня, а количество учащихся, по сравнению с 1914 г., выросло на 137%; начальной школой было охвачено 70-75% детей. В школах происходит активизация методов преподавания, широкое распространение получают экскурсии, лабораторные работы, иллюстрация и демонстрация. Число средних школ возросло более чем в 4 раза, в 1936 г. 63% средних школ было сосредоточено в станицах и хуторах области. В средней школе дети трудящихся составляли 80%, и только 12,8% мест распределялось между детьми мелких предпринимателей [18, с. 10]. На курсах ликбеза, начиная с 1925 г., в селах РСФСР училось до семисот тыс. человек ежегодно [11, с. 13]. Однако данный показатель был неудовлетворительный, потому что к 1928 г. 50% жителей сел, начиная от 9 лет и старше, были неграмотными.

Таким образом, в этот период педагогический поиск по соотношению общественного и личного в воспитании, труде и обучении, коллектива и индивидуальной деятельности, свободы и необходимых ограничений, практики и теории позволил НКП СССР разработать концепцию воспитания, отмеченную индивидуальностью и особым стилем. В то же время содержание «педагогической техники», обеспечивающее возможность ее вне-

дрения в образовательные организации, воспринималось как проявление педагогической результативности в ситуации социальной нестабильности и ставило необходимым постоянные образовательные реформы, имеющие целью преемственность образовательной школьной среды.

Для удовлетворения народного хозяйства в кадрах средней квалификации в период с 1926 по 1930 год у учителей начинают формировать педагогические знания, эффективные педагогические практики [5, с. 16-26] и повышать их методическое мастерство, в котором нуждалась учебно-воспитательная работа в школе при усилении марксистско-ленинской идеологии, переводя ее на новую ступень.

В 1927/1928 учебном году довоенный уровень был превзойден по числу функционирующих школ на 10%, а по числу лиц, в них обучающихся, на 43%. Постановлением ЦК ВКП(б) СССР от 25.08.1931 г. была уничтожена школа 20-х гг. XX в. Ее обвиняли в подражании «Западу», в т.ч. в том, что ее ученики не владели системными знаниями, в которых остро нуждались промышленность и сельское хозяйство. Н.К. Крупскую упрекали в снижении уровня образовательной подготовки советских детей [12, с. 41], хотя её вклад в развитие образования очевиден [3, с. 83-93].

Итак, важно понять, что, если в 1922-1926 гг. внимание уделялось идейно-политическому переобучению кадров, то с 1926 по 1930 год обращали внимание в первую очередь на обучение учителей знаниям и методическому мастерству, требующимся для повышения учебно-воспитательной работы школы, ее переходе на новый уровень при одновременном усилении функционирования школы по новым запросам государства и повышению качества марксистско-ленинской подготовки. Все это подкреплялось решениями от 17.05.1929 г. «О работе по ликвидации неграмотности» и от 26.01.1930 г., что усилило темпы ликбеза, особенно на селе. Только из числа сельских жителей РСФСР в школах к 1930 г. обучалось 2728,2 тыс. чел. вместо 717,9 тыс. чел. (1928), что за два года (1931 и 1932 гг.) позволило выучить более 10550,3 тыс. лиц.

На XV съезде ВКП(б) начата реализация «Эры просвещения» за счет введения всеобщего обязательного начального обучения, выразившегося в постановлении ЦИК и СНК СССР от 14.08.1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении», по которому всеобщее обучение (далее – всеобуч) вышло на новый уровень. Так, школы обеспечивались помещениями, оборудованием, учителями, помощью детям бедноты [13]. Все это гарантировало, что в первый год введения всеобщего обучения среди сельских жителей РСФСР дети 8-11 лет в 92,5% случаев получали школьные места, а начальные школы обучали детей в одну смену. Расходы с 1923 по 1927 год на школьное образование составляли 1,7 млрд руб., а за первую пятилетку (1928-1932) уже 4,8 млрд руб. [11, с. 8]. Охват детей школьного возраста начальным образованием в РСФСР составил в 1927/1928 учебном году 77%, в Чувашии – 78%, а к 1930 г. – 86%.

05.09.1931 г. постановлением ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» был открыт новый этап в развитии советской школы. С этого периода в первых учебных планах, вышедших после этого акта, русский язык и арифметика выделялись в качестве основных предметов обучения в начальной школе, т.е. велась работа по повышению грамотности учащихся и овладению знаниями. Следует понимать, что образование личности – процесс формирования условий, при которых личность может раскрыться, проявить предпочтения и устремления, когда у каждой стороны, вовлеченной в сотрудничество (учитель – ученик), появляется потребность делиться опытом, утверждать своей активностью ценность этого сотрудничества и достигать цели созидания образованного человека. Вместе с тем первые учебные планы были многопредметными и включали в свое содержание естествознание с элементами географии и обществознание с элементами истории. Они показали свою несостоятельность, поскольку отвлекали учителя от самого основного – обучения родному языку. Выделение естествоведческого и географического материала из родного языка лишало его ценного для первоначального обучения языку материала. Однако уже постановление ЦК ВКП(б) от 25.08.1932 г. было

направлено на оптимизацию учебной нагрузки учащихся для качественного усвоения ими пройденных предметов с учетом возраста учеников, грамотного построения школьниками как устной, так и письменной речи, усиления принципов историзма и марксизма в процессе обучения. Был введен типовой распорядок школьных занятий, продолжительность урока, нормы домашних заданий, качественные оценки успеваемости, проверочные испытания.

Начало первой пятилетки требовало создания мощной промышленной базы и развития народного хозяйства, для этого нужны были грамотные и квалифицированные кадры. В связи с чем предпринят очередной поход на ликвидацию безграмотности и малограмотности. Поскольку более 21% населения городов и поселков городского типа и более 56% сельских жителей были неграмотны или малограмотны, то уже в 1928 г. ВЛКСМ, реализуя функции педагогической поддержки в качестве средства управления образовательной средой, начал культурный процесс по борьбе с неграмотностью. Уже к 1930 г. на этом фронте работало более 1000000 ликвидаторов неграмотности и малограмотности из числа комсомольцев.

Июльский пленум ЦК ВКП(б) (1928 г.) и ноябрьский (1929 г.) были направлены на повышение качества обучения в средней школе, и в этом же году СНК СССР установил 10-летний срок обучения в средней школе. В марте 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О подготовке преподавателей в педвузах и педтехникумах и переподготовке учителей», а в апреле постановление «Об укомплектовании педагогических вузов», что наметило направления подготовки педагогических кадров в период культурного строительства и форсированного развития экономики. Число педагогов в сельской местности к 1931/1932 г. достигла 202458 чел., что почти в два раза превышало число сельских учителей дореволюционной России, причем их рост был обусловлен набором сотрудников из числа рабочих и крестьян. В селах России только за 1930/1931 г. функционировало более десяти тысяч начальных школ, общее число педагогов выросло в сравнении с 1929/1930 г. более

чем на сорок четыре тыс. человек, число учащихся в них только за один год выросло более чем на два млн человек, что позволило в РСФСР на селе за 1930/1931 г. охватить всеобучем более 92,5% детей в возрасте от 8 до 11 лет. Для этих целей в 1929 г. было напечатано 4600000 экз. учебно-методических пособий для школ, а к 01.01.1930 г. было изготовлено 45000000 листов литературы для чтения малограмотными. Кроме того, для них издавалась специальная газета под названием «Рабочая газета» с тиражом более 300000 экз. План «ликбеза» в РСФСР охватывал с 1929 по 1930 гг. – 4030000 чел., из которых 3175000 неграмотных, 770000 малограмотных и 85000 по линии Центрального управления просвещения на транспорте в масштабе РСФСР.

Итак, успехи, достигнутые государством по ликвидации безграмотности через учебно-воспитательную повинность, направленную на совершенствование школьной системы обучения, были закреплены в июле 1930 г. на съезде ЦК ВКП(б) СССР и в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 10.08.1930 г. [15]. На всей территории России установили повсеместное всеобщее обязательное бесплатное начальное обучение детей с 8 до 10 лет, а с 1930/1931 уч. г. и с 1931/1932 уч. г. в отношении 11-летних детей. Оно же вводило обязательное 7-летнее обучение в школе в городах и поселках городского типа в рамках всесоюзного всеобуча. Помимо этого, улучшалась учебно-материальная база школ за счет возведения новых школьных объектов и их технического оснащения с учетом требований педагогической науки. Увеличивалась как количественная, так и качественная подготовка педагогических кадров для обучения школьников с привлечением в эти ряды педагогов, работающих не по специальности. Важной особенностью практико-ориентированной деятельности будущих педагогов стало привлечение к школьной работе обучающихся техникумов и высшей школы путем прохождения педагогической практики. Важным вопросом повышения заинтересованности становится материальное стимулирование лиц из числа педагогического состава для работы в школах, включая сельскую местность [13].

Постановление ЦК ВКП(б) от 05.09.1931 г. «О начальной и средней школе» стало очередным этапом развития и совершенствования методики образования в школьном обучении, поскольку отмечался серьезный пробел в объеме общеобразовательных знаний, освоения учебных предметов, чего требовала экономика в период своего форсированного развития. У школ возникла обязанность разрабатывать программы с точно очерченным кругом систематизированных знаний, связанных с успехами форсированного развития экономики государства. Далее постановлением ЦК ВКП(б) от 25.08.1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» продолжена работа по совершенствованию советской методики, в частности, школы были ориентированы на классно-урочную систему преподавания школьных предметов.

Для усиления всеобщего образования постановлением от 21.02.1931 г. «О ходе всеобщего начального обучения» дана оценка текущего момента по организации обучения и намечена программа дальнейших мероприятий. Так, только в 1931/1932 г. государством достигнуты позитивные успехи в ликвидации неграмотности и малограмотности, лучше всего дело обстояло на селе, там обучалось 9245323 чел., данный показатель в два раза превышал число лиц, обучающихся в селах России до революции.

В РСФСР за 1931/1932 г. четвертые группы начальной школы охватывались пятью группами 7-летней школы и окончивали ее в 45,3% случаев. По плану 1932/1933 уч. г. было намечено охватить пятью группами 7-летней школы 77% окончивших эту школу, а количество неполных средних школ на селе в РСФСР в 1931/1932 уч. г. составило 9141 с 1625862 учащихся, что в пять раз было выше 1928/1929 гг. и в 65 раз, чем в 1914/1915 гг.; в 1931/1932 г. в сельской местности РСФСР количество учителей составило 257337 в начальной, неполной средней и средней школе [11, с. 11]. Итогом этой работы стала реорганизация школ крестьянской молодежи, так как в 1932/1933 уч. г. на их базе была создана общеобразовательная средняя школа, отвечающая экономическому укладу России и развитию культуры в деревне.

Решения XVI съезда ВКП(б) позволили в 1933/1934 уч. г. обеспечить функционирова-

ние 7128 школ, из которых начальных было 5315, 7-летних – 1747, а средних – 66 школ, в которых обучалось 859434 ученика, уже в 1934/1935 уч. г. в республике работали 144 средних школы, в 1935/1936 – 186, в 1939/1940 – 759, фонд школьных учебников составлял более 20 млн экз.

Постановление ЦК ВКП(б) от 16.05.1934 г. «О структуре начальной и средней школы» завершило формирование единой системы школьного образования в виде начальной, неполной средней и средней школ, что основывалось на принципе единства системы народного образования, реализуя преемственность.

Совершенствование всеобщего образования изменило и само явление ликбеза, его содержание не отвечало потребностям строительства социалистического общества, экономики форсированного периода. Так, в январе 1936 г. постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР предписало наркомату просвещения за два года снизить неграмотность и малограмотность среди трудящихся до 50 лет. В связи с этим увеличилось количество обучающихся в общеобразовательных школах из числа лиц взрослого населения путем появления двух его типов – вечерних школ с 3-летним и 7-летним сроком обучения.

Введение начального бесплатного образования требовало от государства поиска педагогов для обучения детей, для этого было найдено нестандартное решение в отношении тех лиц, которые имели законченное 7-летнее образование. В данном случае учителя проходили повышение квалификации, в то же время были срочные выпуски из училищ и педагогических вузов с увеличением приема в них абитуриентов более чем в 2,5 раза. ВЛКСМ за 1930-1932 гг. успешно осуществил три всесоюзных мобилизации кадров на педагогическую работу из числа грамотных комсомольцев. В апреле 1930 г. постановлением СНК СССР был создан Московский государственный педагогический институт, ставший Alma Mater учителей.

Помимо заинтересованности педагогов в результатах своей деятельности такой же вопрос ставится и в отношении обучающихся. В связи с этим происходит усиление помощи детям рабочих, батраков и бедноты в виде

снабжения их бесплатными пособиями, обувью, одеждой, питанием, транспортом. Для этих целей использовались средства общественных организаций, доходов, полученных от школьных участков, а также специального фонда. В целях поднятия качества работы начальной школы была установлена продолжительность учебного года в школах I ступени не менее 225 учебных дней. На законодательном уровне вводился вид внеучебного занятия – дополнительное и его разновидность – групповое для занятий с «отстающими» детьми. Для них привлекали педагогов, старшеклассников, пионеров и актив родителей, осуществлявших педагогическую поддержку для формирования личности обучающегося, а также институт предварительной подготовки детей трудящихся с целью их подготовки к поступлению в начальную школу, используя в качестве педагогов обучающихся педагогических вузов, техникумов в порядке летней производственной практики, и учащихся школ II ступени с педагогическим уклоном. Расчет укомплектованности класса обеспечивался из того, что на 1 учителя приходилось не менее 42 учащихся.

Важнейшими принципами, закрепленными в деятельности всеобщего начального образования, становятся гласность и открытость, которые реализовывались путем опубликования сводок об успехах и неудачах деятельности государства в данной сфере.

Следует отметить, что система школьного обучения с 1923 по 1928 гг. показала позитивную динамику формирования педагогической базы советской школы. Так, число начальных школ увеличилось с 60000 до 80000, 7-летних и средних с 3000 до 5000, а учащихся средней школы с 4,3 до 6,1 млн и 7-летней с 60000 до 1,7 млн. Однако уровень образования по-прежнему оставался низким. В 1926 г. половина детей с 8 до 11 лет была неграмотна, обеспеченность школьными помещениями достигала лишь половины от требуемого количества. Хотя ассигнования на образование выросли с 173 млн руб. в 1923 г. до 657 млн руб. в 1928 г., они не превышали 4 руб. в год на обучающегося, и только 10% учителей имели высшее образование (законченное или неполное).

Итог государственной образовательной деятельности позволил достичь всеобщего обучения детей в начальной школе в количестве 98%. Обучение элементарной грамоте прошло почти 90% неграмотного и малограмотного населения из числа взрослого населения страны. К 1933 г. обучение неграмотных и малограмотных граждан страны выросло в 2,5 раза, было обучено более 18,5 млн чел., а расходы на образование и просвещение увеличились в шесть раз. За период с 1928 – 1932 гг., в целом, всеобщее обязательное начальное обучение в основном было достигнуто. Так, грамотность населения нашей страны выросла с 67% в 1930 г. до 90% к 1932 г.

12.02.1933 г. принято постановление ЦК ВКП(б) «Об учебниках для начальной и средней школы», по которому реализовывалась программа обеспечения школы стабильными учебниками, централизовав их издание.

Постановление ЦК ВКП(б) от 1934 г. установило общую для всего СССР организационную структуру и типы школ. В продолжение принимается постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР».

К окончанию 1937 г. была образована педагогическая платформа советской школы. Создана учебно-материальная база сплошной грамотности, включающая более 20000 школ, что было тождественно 200-летнему периоду истории России. Советская школа представляла собой трехступенчатую систему: а) начальная (1-4 класс); б) неполная средняя (1-7 класс); в) полная средняя (8-10 класс). Деятельность школы позволила повысить число учащихся с 21 млн до 29,5 млн человек, а суммы на образование в пять раз превзошли расходы первой пятилетки.

Актуальной до определенного времени была деятельность НКП союзных республик, реализующих в школах социалдарвинистскую педологию. Однако в июле 1936 г. ЦК ВКП(б) СССР принял постановление, которое положило конец этой буржуазной науке, в котором отмечалось: а) превосходство педологов над педагогами, а деление учебной и воспитательной деятельности нанесло существенный ущерб всему процессу

обучения и воспитания в советской школе; б) обследование обучающихся и родителей, используя анкеты, тесты, доказывали, что наследственная и социальная неуспешность учащихся отрицательно влияет на самих школьников; в) обследования педологов сводились к применению казуистических вопросов с целью определения педологического возраста (возраст и степень умственной одарённости).

Все эти мероприятия были направлены на то, чтобы как можно больше детей определить в число «умственно отсталых», «дефективных» и «трудных» и удалить их из нормальной школы в «специальные» школы и классы для «трудных», «умственно отсталых» и т.д.; г) под деятельностью педологов произошел рост специализированных учреждений, где вполне нормальные дети относились педологами на основании ложных научных теорий к категории «трудных»; д) деятельность в учебной и воспитательной работе в «специальных школах» признана «граничащей с преступной безответственностью», потому что большинство этих детей приобретали дурные навыки и наклонности, становились все более «трудно исправимыми»; е) приоритет в работе педологов был обусловлен фатальностью судьбы детей, биологическими и социальными факторами, влиянием наследственности и неизменностью среды. В советскую педагогику приобщены взгляды и идеи педологии, которая ставила задачу преобладания господства буржуазии, доказывая свою «одарённость» и «права» на ее существование, и, с другой стороны, физическую и духовную «обреченность» трудящихся классов. Такое перенесение в советскую науку антинаучных принципов педологии было неестественно и прикрывалось марксистской теорией.

Другой стороной в защиту педологии можно отметить следующее: постановление преследовало утверждение научного единomyслия. Важным шагом в модернизации советской школы стало постановление СНК СССР, согласно которому в стране введена общеобязательная, небольшая плата за обучение для всех учащихся 8-10 классов средних школ, а также техникумов, педучилищ и вузов, поскольку общее ко-

личество учащихся в старшей школе, средне-специальных заведениях и высшей школе существенно возросло. Причина введения платного обучения лежала на поверхности – в 1940 г. страна готовилась к войне, и государству требовались для этого материальные ресурсы, в начале того же года страна перевооружала РККА, кроме того, возводились оборонительные рубежи как первой, второй, так и третьей линий обороны на новых границах СССР.

Таким образом, во-первых, советская школа в период НЭПа, форсированного развития экономики, несмотря на внешние и внутренние противоречия, создаваемые в образовательной среде школьного образования, сумела подготовить кадры средней квалификации, получившие системные знания, которые были востребованы для последующей педагогической поддержки лиц в техникумах и вузах, зарекомендовавших себя в деятельности народного и военного хозяйства как в периоды Великой Отечественной войны, так и в послевоенный период [4, с. 21-29].

Во-вторых, отход от получения систематических знаний в школьном образовании в 20-30-е гг. XX в. был своевременно выявлен и нивелирован, что позволило свернуть ангажированные программы, которые не давали системного школьного образования учащимся. Идеологическая компонента в части воспитания молодежи и ее подготовки к участию в форсированном развитии экономики СССР способствовала преодолению возникавших трудностей в реализации школьного обучения. Эти практические стабилизационные меры, предпринятые партийным руководством в 1931-1932 гг., имели главной целью – привести школу в соответствие с потребностями очередного этапа реконструкции народного хозяйства, соединив процесс повышения уровня теоретической подготовки учащихся с задачами политехнического образования, осуществляя педагогическую поддержку обучающихся из числа трудящейся молодежи. Все эти мероприятия приближали разрушение комплексно-проектной системы, политически, организационно и административно подрывали образовательную идеологию 20-х гг., объективно готовили очередное реформирование традиционной модели отечественной школы.

В-третьих, под педагогической платформой советской школы мы понимаем открытую и активную социальную сферу, в которой присутствует социалистическая идеология формирования личности с учетом условий внешней среды (природные, географические, экономические и т.д.), потребностей социальных заказчиков, включая саму личность, реализуя образовательный процесс образовательными организациями, обладающими образовательно-воспитательно-развивающим потенциалом, при этом использование преемственности богатейшего теоретического и практического педагогического наследия прошлого и настоящего, востребованного в новых социально-экономических условиях, позволяло на новом этапе развития общества найти выход из той или иной кризисной ситуации, сложившейся в воспитании и образовании.

В-четвертых, советская школа стояла на педагогической платформе, которая включала в себя значительное число принципов: бесплатного и платного обучения, распределения обязанностей между должностными лицами и подразделениями в школе, предметности в обучении, гласности и открытости, децентрализации обучения, демократичного взаимодействия государства и общества, субъект-субъектных отношений, коллегиальности, марксистской идеологии, совместного обучения и равного поступления количества учащихся в классах мальчиков и девочек, при этом принципы не были статичными, они менялись в зависимости от факторов как внешней, так и внутренней среды, влияя на школу, тем самым укрепляя ее базис.

Список литературы

1. Бахтанова Е.Л. Преодоление авторитаризма и утверждение идей демократизации и гуманизации школьного воспитания в советской педагогике, 20-е годы: 13.00.01: Дисс. ... канд. пед. наук. – Гомель, 1992. – 173 с.
2. Белканов Н.А. Оценка Советской школы и педагогики 1920-х годов в педагогической советологии: 13.00.01: Автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. – Елец, 2003. – 40 с. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15883673>
3. Богуславский М.В. Выдающиеся наставники российского учительства первой половины XX века. – М.: ООО «Научно-издательский центр Инфра-М», 2025. – 234 с.
4. Богуславский М.В. Просветительская деятельность в годы Великой Отечественной войны // Народное образование. – 2025. – №3(1514). – С. 20-30.
5. Богуславский М.В., Милованов К.Ю., Овчинников А.В. Эффективные педагогические практики советской школы: научно-методический и экспертный анализ: Монография. – М.: ФГБНУ «Институт содержания и методов обучения имени В.С. Леднева», 2024. – 95 с.
6. Давыдова Е.В. Реализация принципа связи школы с жизнью в советской педагогике (1917-1991 гг.): 13.00.01: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – Пятигорск, 2012. – 24 с. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30369637>
7. Ершова О.В. Школьное образование в РСФСР в 1917-1941 годах: исторический опыт и уроки (на материалах Чувашии): 07.00.02: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2007. – 23 с. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16111869>
8. Ефимов Л.А. Школьное образование в Чувашии в 1920-2000 гг.: 13.00.01: Автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. – Саранск, 2004. – 44 с. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15801724>
9. Квитко С.В. Развитие общеобразовательной школы в Черноземном регионе в 20-х годах XX века: 07.00.02: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1998. – 24 с.
10. Королев Ф.Ф. Советская школа в период социалистической индустриализации (1926-1930): 13.00.01: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – М., 1950. – 36 с.
11. Нененко Д.С. Развитие народного образования в советской деревне в годы первой сталинской пятилетки (1928-1932 гг.): 13.00.01: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1952. – 20 с.
12. О введении всеобщего обязательного начального обучения: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10.08.1930 // СУ и РП РСФСР. – 1930. – № 39. – Ст. 479.
13. Положение о фондах по оказанию помощи беднейшим учащимся начальных школ: постановление СНК РСФСР от 24.07.1929 // СУ и РП РСФСР. – 1929. – № 59. – Ст. 581.
14. Сазонов М.П. Борьба за осуществление всеобщего и дальнейшее укрепление советской школы в РСФСР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза: 13.00.01: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – М., 1952. – 20 с.
15. СЗ СССР. – 1930. – № 36. – Ст. 462.
16. Третьякова З.И. Общеобразовательные школы Кубани в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства: 13.00.01: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – М., 1953. – 20 с.
17. Умрейко С.А. Очерки по истории советской общеобразовательной школы в Белорусской ССР (1920-1941 гг.): 13.00.01: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – М., 1952. – 24 с.
18. Фрадкин Ф.А. Педагогика: мифы и действительность. – М.: Знание, 1991. – (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Педагогика и психология». № 8). – 80 с.

References

1. **Baxtanova E.L.** Preodolenie avtoritarizma i utverzhdenie idej demokratizacii i gumanizacii shkol'nogo vospitaniya v sovetskoj pedagogike, 20-e gody: 13.00.01: Diss. ... kand. ped. nauk. – Gorn', 1992. – 173 s.
2. **Belkanov N.A.** Ocenka Sovetskoj shkoly i pedagogiki 1920-x godov v pedagogicheskoj sovetologii: 13.00.01: Avtoref. diss. ... d-ra ped. nauk. – Elec, 2003. – 40 s. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15883673>
3. **Boguslavskij M.V.** Vydayushiesya nastavniki rossijskogo uchitel'stva pervoj poloviny XX veka. – M.: OOO «Nauchno-izdatel'skij centr Infra-M», 2025. – 234 s.
4. **Boguslavskij M.V.** Prosvetitel'skaya deyatel'nost' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Narodnoe obrazovanie. – 2025. – №3(1514). – S. 20-30.
5. **Boguslavskij M.V., Milovanov K.Yu., Ovchinnikov A.V.** Effektivnye pedagogicheskie praktiki sovetskoj shkoly: nauchno-metodicheskij i ekspertnyj analiz: Monografiya. – M.: FGBNU «Institut sodержaniya i metodov obucheniya imeni V.S. Ledneva», 2024. – 95 s.
6. **Davydova E.V.** Realizaciya principa svyazi shkoly s zhiznyu v sovetskoj pedagogike (1917-1991 gg.): 13.00.01: Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. – Pyatigorsk, 2012. – 24 s. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30369637>
7. **Ershova O.V.** Shkol'noe obrazovanie v RSFSR v 1917-1941 godax: istoricheskij opyt i uroki (na materialax Chuvashii): 07.00.02: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. – Cheboksary, 2007. – 23 s. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16111869>
8. **Efimov L.A.** Shkol'noe obrazovanie v Chuvashii v 1920-2000 gg.: 13.00.01: Avtoref. diss. ... d-ra ped. nauk. – Saransk, 2004. – 44 s. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15801724>
9. **Kvitko S.V.** Razvitie obshheobrazovatel'noj shkoly v Chernozemnom regione v 20-x godax XX veka: 07.00.02: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. – M., 1998. – 24 s.
10. **Korolev F.F.** Sovetskaya shkola v period socialisticheskoy industrializacii (1926-1930): 13.00.01: Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. – M., 1950. – 36 s.
11. **Nenenko D.S.** Razvitie narodnogo obrazovaniya v sovetskoj derevne v gody pervoj stalinskoj pyatiletki (1928-1932 gg.): 13.00.01: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. – M., 1952. – 20 s.
12. **O vvedenii vseobshhego obyazatel'nogo nachal'nogo obucheniya:** postanovlenie VCIK i SNK RSFSR ot 10.08.1930 // SU i RP RSFSR. – 1930. – № 39. – St. 479.
13. **Polozhenie o fondax po okazaniyu pomoshhi bednejshim uchashhimsya nachal'nyx shkol:** postanovlenie SNK RSFSR ot 24.07.1929 // SU i RP RSFSR. – 1929. – № 59. – St. 581.
14. **Sazonov M.P.** Bor'ba za osushhestvlenie vseobucha i dal'nejshee ukreplenie sovetskoj shkoly v RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuza: 13.00.01: Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. – M., 1952. – 20 s.
15. **SZ SSSR.** – 1930. – № 36. – St. 462.
16. **Tret'yakova Z.I.** Obshheobrazovatel'nye shkoly Kubani v period perexoda na mirnyuyu rabotu po vosstanovleniyu narodnogo khozyajstva: 13.00.01: Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. – M., 1953. – 20 s.
17. **Umrejko S.A.** Ocherki po istorii sovetskoj obshheobrazovatel'noj shkoly v Belorusskoj SSSR (1920-1941 gg.): 13.00.01: Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. – M., 1952. – 24 s.
18. **Fradkin F.A.** Pedologiya: mify i dejstvitel'nost'. – M.: Znanie, 1991. – (Novoe v zhizni, nauke, texnike. Ser. «Pedagogika i psixologiya». № 8). – 80 s.

Информация об авторе

Якушев Вадим Александрович, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры организации огневой и физической подготовки федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5453-265X>, SPIN-код автора: 8128-1320, AuthorID: 694740, yakushev_vadim@mail.ru

Information about the author

Vadim A. Yakushev, Ph.D. (Law), docent, professor at the Chair of Organization of Physical and Fire Training, Order of the Red Banner of Labor Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5453-265X>, SPIN-code: 8128-1320, AuthorID: 694740, yakushev_vadim@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.11.2025

Поступила после рецензирования 25.11.2025

Принята к публикации 10.12.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Received 15.11.2025

Revised 25.11.2025

Accepted 10.12.2025

The author has read and approved the final manuscript

Vadim A. Yakushev

Для цитирования: **Якушев В.А.** Советская школа в период новой экономической политики и форсированного развития экономики в СССР // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2026. – №1 (38). – С. 51-63.

For citation: **Yakushev V.A.** The soviet school during the new era economic policy and accelerated economic development in the USSR // Humanities researches of the Central Russia. – 2026. – №1 (38). – P. 51-63.

DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-51-63

Научная статья

УДК 796.012.2

DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-64-76

Шифр научной специальности 5.8.7.

**РАЗВИТИЕ ДВИГАТЕЛЬНЫХ И КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ДОШКОЛЬНИКОВ
НА ОСНОВЕ ИННОВАЦИОННОЙ МЕТОДИКИ «СМЫШЛЕНЫШ»**

Андрей Александрович Померанцев , Герман Мансурович Щукин¹

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
398020, Российская Федерация, г. Липецк, ул. Ленина, д. 42
✉ ldclipetsk@mail.ru

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке грантовой программы «Стальное дерево» Благотворительного фонда «Милосердие» в рамках реализации проекта «Развитие когнитивных способностей у детей с ограниченными возможностями здоровья на основе инновационного метода нейрогимнастики "Смышлёныш"». Договор о предоставлении гранта №125/17 от 10.06.2025. Сайт проекта: www.fingerfit-neiro.ru.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Аннотация

В статье рассматриваются результаты создания и апробации инновационной методики «Смышлёныш», позволяющей сочетать физические упражнения и цифровые технологии. При создании методики мы опирались на последовательность методических задач по развитию способностей ребенка. Методика была формализована и на её основе создан компьютерный алгоритм и программное приложение с компьютерным зрением. В эксперименте по оценке эффективности предлагаемой методики участвовали 60 детей 5-7 лет. Экспериментальная группа (30 детей) посетила 10 занятий, в ходе которых каждый ребёнок прошёл 80 уровней компьютерной программы. Для анализа было собрано 2400 записей. Разработана методика поэтапного развития двигательных и когнитивных способностей ребёнка. Создано доступное приложение, которое с помощью компьютерного зрения объективно оценивает и развивает двигательные и когнитивные способности в игровой форме. Математико-статистический анализ результатов педагогического эксперимента показал достоверность улучшения индикаторов двигательных и когнитивных способностей детей. Апробация методики «Смышлёныш» показала перспективность её включения в образовательный процесс дошкольников.

Ключевые слова: мелкая моторика, когнитивные способности, двигательные способности, нейрогимнастика, компьютерное зрение, искусственный интеллект, зрительно-моторная реакция

¹ © Померанцев А.А., Щукин Г.М., 2026, Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0

DEVELOPMENT OF MOTOR AND COGNITIVE ABILITIES OF PRESCHOOL CHILDREN BASED ON THE INNOVATIVE METHOD «SMYSHLENYSH»

Andrey A. Pomerantsev , German M. Shchukin

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

42 Lenin St., Lipetsk, 398020, Russian Federation

✉ldclipetsk@mail.ru

Abstract

This article discusses the results of developing and testing the innovative method "Smyshlysh" ("Smart child"), which combines physical exercise and digital technologies. The method was developed using a sequence of methodological tasks for developing children's abilities. The method was formalized, and a computer algorithm and a software application with computer vision were created based on it. Sixty children aged 5-7 years participated in an experiment to evaluate the effectiveness of the proposed method. The experimental group (30 children) attended 10 lessons, during which each child completed 80 levels of the computer program. A total of 2,400 recordings were collected for analysis. A method for the step-by-step development of children's motor and cognitive abilities was developed. An accessible application was created that, using computer vision, objectively assesses and develops motor and cognitive abilities in a playful manner. Mathematical and statistical analysis of the pedagogical experiment results demonstrated a significant improvement in indicators of children's motor and cognitive abilities. Testing of the "Smyshlysh" method demonstrated that it is worth using in preschool education.

Keywords: fine motor skills, cognitive abilities, motor skills, neurogymnastics, computer vision, artificial intelligence, visual-motor response

Многokратно доказано, что когнитивные способности: память, речь, логика, математические способности, концентрация внимания, образное мышление развиваются параллельно с мелкой моторикой [6, с. 71; 9, с. 92]. Наиболее отчетливо взаимосвязь мелкой моторики с другими способностями прослеживается у детей, имеющих отставание в развитии и различные дисфункции [3, с. 248; 11, с. 181; 15, с. 30]. Хорошо развитая мелкая моторика в детстве определяет успех во многих занятиях, профессиях [2, с. 22] и предполагает «структурированное, специально организованное обучение» [7, с. 185].

Физические упражнения в эпоху компьютеризации и искусственного интеллекта проигрывают по эмоциональности цифровым устройствам и развлечениям. Физическая культура и педагогика не должны оставаться консервативными, напротив, чтобы быть конкурентоспособными в современном мире, они должны впитывать в себя все инновационные технологии [8, с. 67]. Традиционные занятия с детьми, основанные на бытовых движениях и творческих заданиях, необходимо дополнять новыми эмоциональными и эффективными методиками, вызывающими у детей интерес [1, с. 208; 10, с. 50; 12, с. 2].

Цель исследования – создание и апробация авторской методики «Смышлениш», включающей одноименное программное приложение для развития двигательных и когнитивных способностей детей 5-6 лет на основе выполнения упражнений для мелкой моторики.

Гипотеза исследования – предлагаемая методика «Смышлениш», совмещающая применение компьютерного зрения и цифровых устройств, является эффективным нейротренажером для развития двигательных и когнитивных способностей детей. Кроме того, предлагаемая фиджитал-форма занятий нейрогимнастикой способна существенно повысить привлекательность физических упражнений в глазах подрастающего поколения, родившихся в эпоху Интернета и искусственного интеллекта.

Задачи исследования:

– на основе литературных данных выявить и систематизировать двигательные и когнитивные способности детей, связанные с проявлением мелкой моторики;

– разработать программное приложение (нейротренажер) для занятий нейрогимнастикой;

– экспериментально апробировать предлагаемую методику.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели нами использовались следующие методы:

- 1) Системный анализ и системный синтез информации по двигательным и когнитивным способностям, связанным с мелкой моторикой.
- 2) Формализация информации и создание компьютерного алгоритма.
- 3) Педагогический эксперимент.
- 4) Математико-статистические методы.

Системный анализ и системный синтез.

Системный подход применялся для исследования способностей, которые связаны с мелкой моторикой. Такие способности определяют проявление мелкой моторики и сами совершенствуются благодаря занятиям мелкомоторными упражнениями. Для структуризации двигательных и когнитивных способностей нами исследовалась отечественная и зарубежная научная литература. Первоначально был выполнен поиск статей, описывающих различные способности. После этого выполнялась группировка способностей и их классификация. Для структурирования способностей мы во многом ориентировались на концепцию морфофункциональных качеств.

На основе полученной структуры способностей была определена методическая последовательность решения педагогических задач.

Формализация и алгоритмизация. Задачи по развитию мелкой моторики были формализованы и представлены в виде алгоритма. Далее, используя языки программирования, мы написали программный код и создали программное приложение «Смышленьш» (fingerfit-neiro.vercel.app/).

Для функциональности приложения были разработаны следующие модули: компьютерного зрения, базы данных пользователей, уровней, модуль контроля и оценки движений.

В качестве обязательных для программного приложения выступали следующие требования: возможность запуска на любых устройствах, в том числе мобильных; понятный и привлекательный для детей интерфейс; логичное построение уровней в соответствии с научными положениями (последовательность, прогрессирующая сложность, стимулирующая трудность); доступность для использования; возможность доступа через Интернет.

Формирующий педагогический эксперимент. Апробация методики длилась в течение 2 месяцев с сентября по октябрь 2025 года. Исследование проходило на базе дошкольного образовательного учреждения №113 города Липецка. В исследовании приняли участие 60 детей возраста 5-7 лет, не имеющих отклонения в физическом и умственном развитии.

По результатам предварительного тестирования были сформированы контрольная и экспериментальная группы. В экспериментальную группу вошли 30 детей, каждый из которых в дальнейшем прошел все 80 уровней в программном приложении «Смышленьш» в течение 10 занятий. После каждого прохождения уровня в базе данных на сервере создавалась запись с результатами занятия. Таким образом, по итогам эксперимента была накоплена база данных для анализа, которая составила 2400 записей. Занятия нейрогимнастикой по методике «Смышленьш» проводились как дополнение к предусмотренным программой занятиям физической культурой.

Остальные 30 детей сформировали контрольную группу. Дети контрольной группы занимались физической культурой по утвержденной программе, но не пользовались предлагаемой методикой.

Математико-статистические методы. Для описания выборок нами применялись инструменты дескриптивного анализа. В частности, находились средние значения времени прохождения уровней и средние значения построения комбинаций жестов.

Для определения достоверности отличия результатов мы использовали параметрический t-критерий Стьюдента для связанных выборок.

Результаты и обсуждение

Систематизация двигательных и когнитивных способностей, связанных с проявлением мелкой моторики. На основе выявленных двигательных и когнитивных способностей была построена структура методических задач (Таблица 1).

В основе данной структуры лежат соматические (телесные) протофакторы, заключающиеся в самой возможности сгибания и разгибания пальцев и выполнения различных мелкомоторных синергий [16, с. 2951]. При отсут-

ствии подвижности и наличии патологических нарушений развитие последующих способностей часто не представляется возможным.

На основе протофакторов целесообразно развивать соматические (кондиционные) способности, такие как сила, выносливость и быстрота мелкой моторики. Эти способности определяются не только телесными (анатомическими и физиологическими) характеристиками, но и индивидуальными особенно-

стями выполнения двигательного акта мелкой моторики. Данные способности можно также назвать способностями исполнения двигательного действия [4, с. 304].

К более сложным способностям относятся психосоматомоторные (координационные) способности, проявляющиеся в эффективном управлении актами мелкой моторики [5, с. 54; 13, с. 177].

Таблица 1 – Последовательность методических задач по развитию ребенка на основе структурирования двигательных и когнитивных способностей

Методическая задача	Способности
Развитие каждой руки по отдельности	Соматические способности (протофакторы): подвижность, прочность и строение аппарата кисти и пальцев
	Соматомоторные способности (кондиционные): сила, выносливость и быстрота мелкомоторных движений
	Психосоматомоторные (координационные) способности: способность к ритму, к дифференцированию параметров движения, к точным движениям в пространстве
Согласование работы обеих рук: в поочередных / симметричных / параллельных движениях, отличающихся синергиями и другими параметрами	Психосоматомоторные (координационные) способности: способность к согласованию движений
Распознавание паттерна движения и предвидение дальнейших комбинаций жестов	Психомоторные (когнитивные) способности: концентрация внимания, восприятие, память, логическое мышление, аналитические способности, эйдетичность, речь, скорость и качество обработки информации и минимальная двигательная энтропия, функциональная и двигательная симметрия / асимметрия, скорость сложной зрительно-моторной реакции

Наивысшее положение в структуре занимают когнитивные способности, которые проявляются в актах мелкой моторики при поиске наиболее эффективных способов решения двигательной задачи.

Исходя из построенной иерархии способностей была определена цепочка методических задач.

Разработка мобильного приложения. Нами было разработано приложение для заня-

тий нейрогимнастикой, которое мы назвали «Смышлениш». Приложение доступно по ссылке: fingerfit-neiro.vercel.app/.

В программном приложении был реализован блок компьютерного зрения, благодаря чему компьютер или мобильное устройство объективно определяют жесты рук с использованием обычной веб-камеры (Рисунок 1).

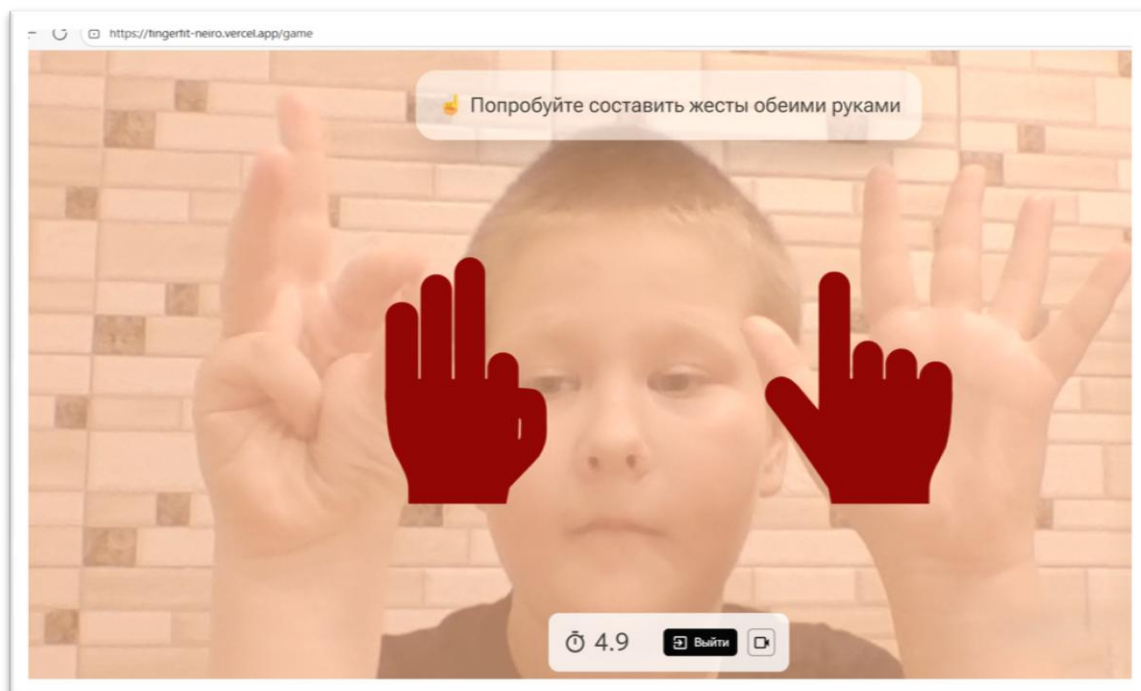

Рисунок 1 – Интерфейс программного приложения «Смышлениш» во время прохождения уровня

Принцип работы приложения заключается в том, чтобы повторить точно такие жесты, которые появляются на экране. Ребёнку необходимо правильно воспринять жесты, согласовать работу рук и безошибочно показать жесты обеими руками. Чем лучше развиты

когнитивные способности (восприятие, память, логическое мышление), тем быстрее будет двигательный ответ.

После завершения уровня пользователь получает результаты прохождения заданий в виде инфографики (Рисунок 2).

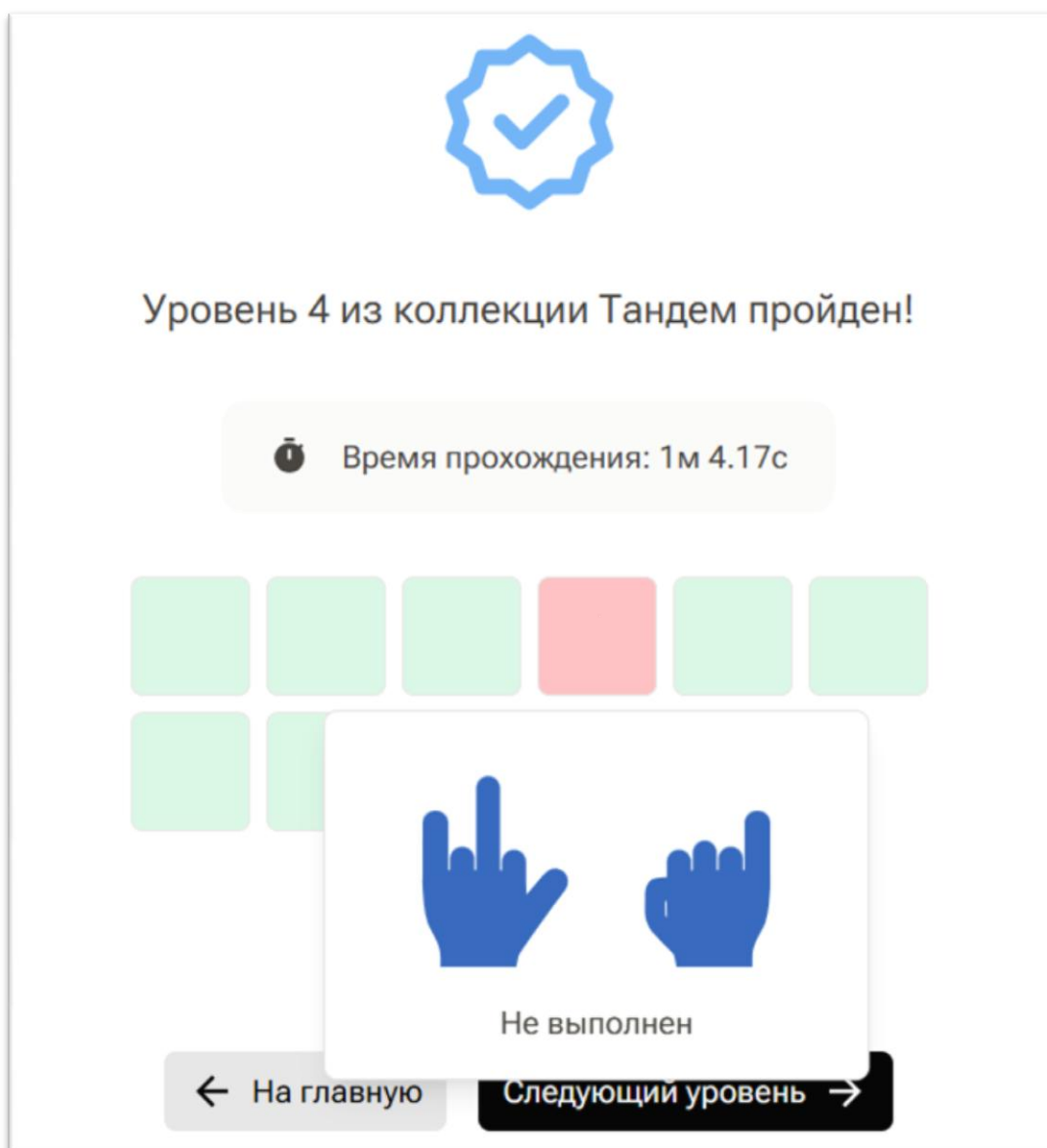

Рисунок 2 – Интерфейс программного приложения «Смышленьш» после завершения уровня

В основе программного приложения лежит принцип усложнения заданий с целью придания им стимулирующей трудности. Уровни выстроены в соответствии с последовательностью решаемых методических задач. Кроме

того, каждая коллекция уровней содержит внутреннюю логику, поняв которую, ребёнок может предвидеть следующую комбинацию жестов (Таблица 2).

Таблица 2 – Коллекции уровней программного приложения «Смышленьш»

Название коллекции	Описание коллекции уровней
Разминка	Удержание жеста одной рукой, в то время как другая выполняет задание
Гармония	Симметричное выполнение движений обеими руками
Жонглер	Поочередное выполнение заданий левой и правой рукой
Плюс один	Одновременное выполнение жестов, отличающихся 1 пальцем
Тандем	Одновременное выполнение жестов, отличающихся 2 пальцами
Антагонист	Одновременное выполнение жестов, отличающихся 3 пальцами
Светофор	Одновременное выполнение жестов, отличающихся 4 пальцами
Фингерфит	Поочередное выполнение комплементарных жестов
Рулетка	Выполнение жестов, переходящих с одной руки на другую
Фристайл	Комбинации случайных сочетаний в определенных последовательностях

При соблюдении последовательности методических задач были разработаны 10 коллекций заданий, каждая из которых включает 8 уровней. Итого в приложении получилось 80 уровней, включающих от 8 до 22 различных комбинаций жестов.

Используя положения комбинаторики, можно найти, что за счет сгибания-разгибания пальцев на одной руке можно получить 32 (2^5) жеста, а на двух руках – 1024 комбинации жестов (2^{10}). С целью наполнения уровнями была создана и систематизирована база

данных всех 1024 комбинаций. В настоящее время приложение суммарно включает 916 комбинаций жестов из 1024 возможных, однако позволяет дополнять нейротренажер новыми коллекциями уровней.

Апробация методики на практике. В течение 2 месяцев 30 детей экспериментальной группы возрастом 5-6 лет прошли 80 уровней в приложении «Смышленьш». Занятия проходили на планшетах, которые устанавливались на подставке, чтобы освободить обе руки для выполнения жестов (Рисунок 3).

Рисунок 3 – Занятия детей нейрогимнастикой на планшетах с использованием авторского мобильного приложения «Смышленьш»

Анализируя базу данных из 2400 записей, которые были созданы при прохождении 30 детьми 80 уровней, были рассчитаны средние значения времени прохождения.

Представленные в таблице 3 результаты прохождения уровней могут служить рефе-

ренсными значениями. Как видно из таблицы, дети затрачивают различное время на прохождение уровней. Это связано как с различным количеством комбинаций жестов в каждом уровне, так и с их различной сложностью.

Таблица 3 – Среднее время прохождения каждого уровня программы «Смышленьш» в секундах

Коллекция	Уровни							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Разминка	54,7	176,5	122,1	90,7	198,7	41,2	92,3	199,8
Гармония	58,1	112,9	151,2	182,8	63,0	109,5	146,2	143,1
Жонглер	33,2	150,8	159,1	271,4	158,5	324,5	324,4	329,9
Плюс один	78,2	77,2	74,8	77,3	93,6	141,2	71,2	148,9
Тандем	108,8	75,8	107,7	120,3	105,3	181,5	114,6	69,0
Антагонист	85,8	107,3	76,9	78,4	112,5	112,9	94,4	106,0
Светофор	64,0	77,2	60,9	71,0	110,6	105,8	109,8	99,7
Фингерфит	45,4	103,0	130,8	154,2	62,4	68,7	82,6	76,0
Рулетка	48,9	89,4	149,8	148,9	51,6	86,8	134,8	134,2
Фристайл	197,3	203,8	215,4	202,8	204,2	202,1	207,8	169,4

С целью нивелирования количества жестов в каждом уровне были рассчитаны средние значения времени построения каждой комбинации жестов для каждого уровня. Эти значения в перспективе позволят усовершенствовать методику и программное приложение за счёт того, что ребёнок будет получать оперативную информацию на экран путём срав-

нения его показателей со средними значениями (Таблица 4).

Существующая база записей позволила построить профиль прохождения всех уровней для каждого ребёнка. Визуальное сравнение профилей позволяет сравнивать способности различных детей и отслеживать динамику прохождения уровней.

Таблица 4 – Среднее время выполнения одной комбинации в различных уровнях, секунды

Коллекции	Уровни							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Разминка	6,7	6,9	6,4	7,6	14,2	3,2	6,6	14,3
Гармония	6,5	14,1	18,4	22,3	6,5	13,7	18,3	17,9
Жонглер	2,8	8,4	8,8	13,6	7,9	16,2	16,2	16,5
Плюс один	7,8	7,7	7,5	7,7	9,4	14,1	7,1	14,9
Тандем	10,9	7,6	10,8	12,0	10,5	18,1	11,5	6,9
Антагонист	8,6	10,7	7,7	7,8	11,3	11,3	8,7	10,6
Светофор	6,4	7,1	6,1	7,1	11,1	10,6	11,0	10,0
Фингерфит	5,7	12,9	15,4	19,3	5,7	6,2	9,2	8,4
Рулетка	6,1	11,2	16,6	18,6	6,5	10,8	15,0	14,9
Фристайл	12,33	12,74	13,46	12,68	12,77	12,63	12,99	10,6

Несмотря на возрастающую с каждым уровнем сложность у некоторых детей отмечается положительная динамика прохождения,

что визуально видно из аппроксимирующей прямой, имеющей наклон вправо (Рисунок 4).

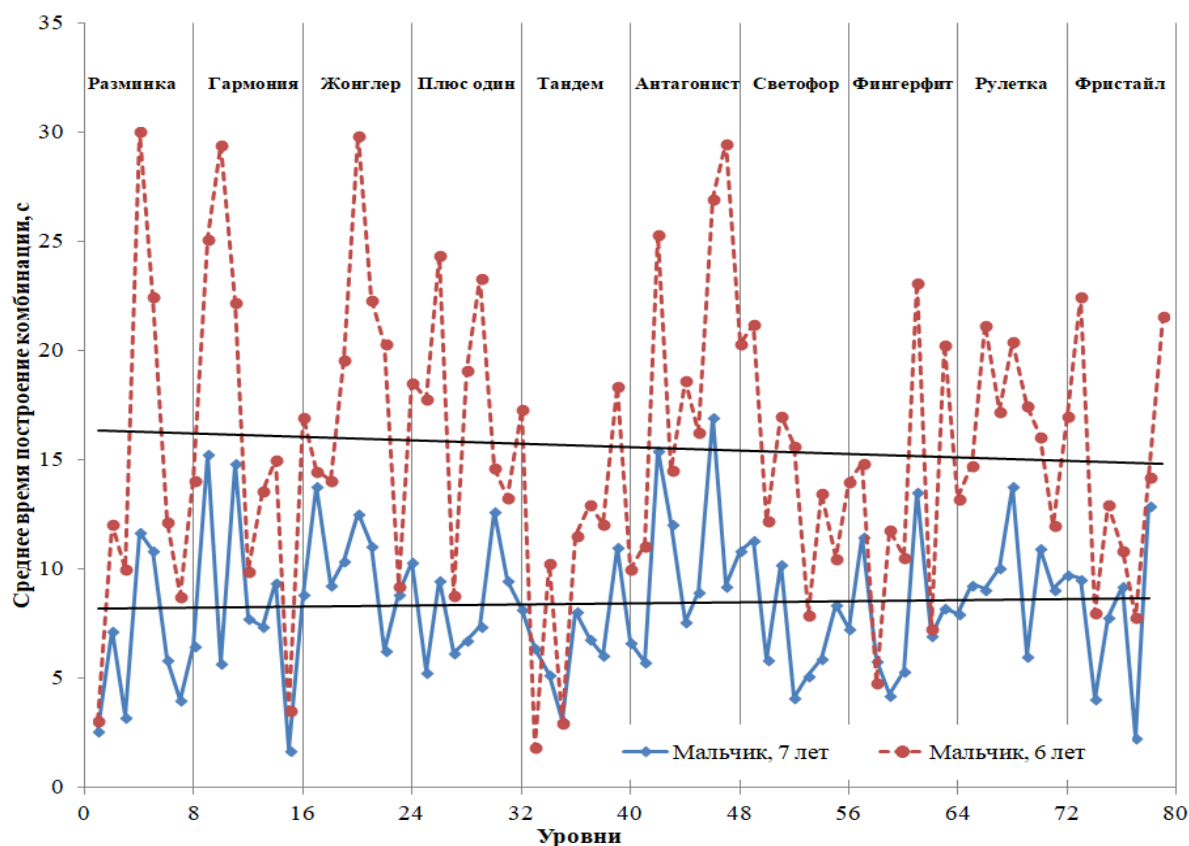

Рисунок 4 – Сравнение профилей прохождения уровней в приложении «Смышлениш» мальчиков 6 и 7 лет, иллюстративный пример

Результаты педагогического эксперимента. Для контроля мелкой моторики и когнитивных способностей в начале и конце эксперимента применялось программное приложение «Смышленьш-тест». В отличие от базового нейротренажера «Смышленьш» данное приложение имеет возможность контроля и фиксации ряда показателей, характери-

зующих уровень развития мелкой моторики и когнитивных способностей (Таблица 5). Приложение «Смышленьш-тест» способно объективно оценивать индикаторы двигательных и когнитивных способностей, поэтому является предпочтительней, чем другие известные тесты [14, с. 87].

Таблица 5 – Измеряемые показатели и индикаторы в приложении «Смышленьш-тест»

Индикатор	Показатель
Общее количество двигательных ошибок	Концентрация внимания
Отношение ошибок, сделанных левой и правой рукой	Функциональная и двигательная асимметрия
Приоритет руки в выполнении двигательного задания	
Двигательная энтропия	Качество работы с информацией
Время прохождения теста	Зрительно-моторная реакция
Скорость обработки информации за единицу времени	Восприятие
Количество случаев антиципации	Аналитические способности

Общее количество двигательных ошибок оценивалось суммированием всех ошибочно сделанных пользователем жестов как левой, так и правой рукой.

Отношение ошибок, сделанных левой и правой рукой, характеризует функциональную и двигательную асимметрию. Наиболее развитая – ведущая рука, делает меньшее количество двигательных ошибок.

Случай амбидекстрии подразумевает равноценное по скорости и количеству ошибок построение жестов обеими руками. Однако пользователь часто решает двигательную задачу последовательно, выполнением жеста сначала на одной руке, а затем на другой. Программа фиксирует, какая из рук первой правильно выполнит двигательное задание, и таким образом оценивает приоритет руки в выполнении двигательного задания.

Двигательная энтропия рассчитывалась на основе формулы Шеннона. Программа находила информационную стоимость каждой комбинации жестов в битах, а также стоимость каждой двигательной ошибки. Чем значительнее отличался выполненный ребенком жест от жеста, показанного компьютером, тем грубее была двигательная ошибка, и тем большая потеря информации фиксировалась.

Время прохождения теста определялось суммированием длительности построения всех жестов и рассматривалось как интегральный показатель.

Зная информационную стоимость каждого жеста в битах, программа рассчитывала объём информации, которую обрабатывает человек, на единицу времени. Таким образом, оценивалась средняя скорость обработки информации.

Каждое тестовое задание содержало последовательность комбинаций, основанную на определенной закономерности. Если ребёнок в процессе выполнения задания начинал понимать эту закономерность, он был способен предвосхищать последующую комбинацию. В случае, если ответная комбинация жестов была дана за время, которое явно недостаточно для восприятия и анализа информации, компьютер определял это как антиципацию.

Педагогический эксперимент, длившийся 2 месяца, показал, что дети, прошедшие все 80 уровней в программе «Смышленьш», достоверно улучшили свои когнитивные показатели (табл. 6).

В экспериментальной группе общее количество двигательных ошибок снизилось на

44%, что говорит об улучшении концентрации внимания.

Также снизились показатели функциональной асимметрии: уровень владения отстающей руки приблизился к показателям ведущей руки. В частности, асимметрия по ошибкам снизилась на 67%, а асимметрия по приоритету руки уменьшилась на 65 %.

После двух месяцев занятий в экспериментальной группе существенно снизилась двигательная энтропия на 47%, что говорит о возросшем уровне обработки информации.

На 31% снизился интегральный показатель – время прохождения тестирования, что в целом свидетельствует об улучшении сложной зрительно-моторной реакции.

Таблица 6 – Сравнение результаты экспериментальной и контрольной групп

Индикатор	Экспериментальная группа (n=30)			Контрольная группа (n=30)		
	до	после	p	до	после	p
Двигательные ошибки	25,3	14,1	<0,05	26,0	24,8	>0,05
Асимметрия по ошибкам, %	15,4	5,1	<0,05	12,7	13,3	>0,05
Асимметрия по приоритету руки, %	12,1	4,2	<0,05	22,6	20,4	>0,05
Двигательная энтропия, бит	246,8	130,1	<0,05	248,9	231,6	>0,05
Время прохождения теста, с	60,3	41,4	<0,05	60,8	58,8	>0,05
Скорость обработки информации, бит/с	3,6	6,3	<0,05	3,4	3,3	>0,05
Антиципации	0	4,3	<0,05	0	0	>0,05

Скорость обработки информации возросла с 3,6 бит/с до 6,3 бит/с.

Положительная динамика выявлена в аналитических способностях. После проведения эксперимента большинство детей смогли распознать паттерн двигательных заданий и предвидеть следующие комбинации жестов. Если до проведения эксперимента таких случаев не было зарегистрировано, то после эксперимента среднее число антиципаций достигло 4,3 на одно тестирование.

Обсуждение результатов

Разработанная методика «Смышлениш» представляет собой научно обоснованный подход последовательного развития способностей ребенка – от двигательных способностей к когнитивным.

Целесообразность включения методики «Смышлениш» в образовательный процесс является оправданным и связано с рядом преимуществ. Ядром методики является программное приложение – нейротренажер, которое позволяет заниматься нейрогимнастикой без покупки дорогостоящего оборудования. Нейротренажер прост и понятен в использовании, что способствует организации самостоятельных занятий детей. Программное приложение запускается на всех устройствах, не собирает и не отправляет персональные данные.

Нейротренажер является инновационным по своей сути, так как контроль правильности двигательных заданий осуществляется с помощью искусственного интеллекта. Компьютерное зрение отслеживает каждое движение рук, позволяя детально оценить степень согласованности руки и количество двигательных ошибок. Игровая форма и возрастающая сложность уровней способствуют высокой эмоциональности занятий и привлекают интерес детей. Дилемма выбора между физическими упражнениями и времяпрепровождение за мобильными устройствами является решенной. Дети благодаря представленной методике могут заниматься физической культурой прямо перед экраном смартфона.

Нейротренажер можно использовать как полезную форму семейного досуга для проведения соревнований, параллельно развивая мелкую моторику и связанные с ней способности. Программное приложение «Смышлениш» является авторским и создано на основе многолетних исследований мелкой моторики и когнитивных способностей детей. Несмотря на то что приложение защищено патентами и авторскими свидетельствами, оно относится к свободно распространяемому программному обеспечению и доступно для

скачивания в сети Интернет (fingerfit-neiro.vercel.app/).

Итак, изучение научной литературы позволило выстроить последовательность методических задач, которой необходимо придерживаться для развития двигательных и когнитивных способностей ребенка. На основе структуры методических задач была разработана методика, включающая программное приложение «Смышлениш». Приложение в игровой форме с использованием компьютера или мо-

бильного устройства позволяет развивать двигательные и когнитивные способности ребенка. Педагогический эксперимент подтвердил перспективность использования методики «Смышлениш» для развития мелкомоторной координации и когнитивных способностей детей дошкольного возраста. У детей, которые в течение 2 месяцев занимались по предложенной методике, наблюдалось достоверное улучшение всех оцениваемых индикаторов.

Список литературы

1. Березина Н.О., Степанова М.И. Физическое развитие современных дошкольников: результаты динамических наблюдений // Педиатрия. Журнал им. Г.Н. Сперанского. – 2019. – Т. 98. – № 5. – С. 208-212. DOI: 10.24110/0031-403X-2019-98-5-208-212, <https://elibrary.ru/igbrln>
2. Бородкина М.В., Кох Е.Е. Пальчиковые игры как способ развития мелкой моторики рук у дошкольников // Педагогика & психология. Теория и практика. – 2020. – № 3 (29). – С. 22–24. <https://elibrary.ru/wtlllw>
3. Веера А.М., Петельгузова Т.Г., Конова О.М. Стимуляция мелкой моторики рук как средство реабилитации детей с задержкой речевого развития // Российский педиатрический журнал. – 2021. – Т. 24. – № 4. – С. 248. <https://elibrary.ru/sragwo>
4. Волошина Л.Н., Панасенко К.Е. Готовность старших дошкольников с задержкой психического развития к освоению игр с мячом // Перспективы науки и образования. – 2022. – № 6(60). – С. 304-318. DOI: 10.32744/pse.2022.6.17, <https://elibrary.ru/zsucst>
5. Егоров А.В., Казьмин А.М. Индивидуально-социальные компетенции, факторы личности и когнитивные способности дошкольников // Клиническая и специальная психология. – 2015. – Т. 4. – № 2. – С. 54-66. <https://elibrary.ru/txkrvt>
6. Маркувинас И.В. Мелкая моторика как средство развития речи // Наука и реальность. – 2021. – № 2 (6). – С. 71–72. <https://elibrary.ru/cphlhw>
7. Наумов М.М., Покрина О.В. Теоретические аспекты абилитации детей с расстройствами аутистического спектра средствами адаптивной физической культуры // Успехи гуманитарных наук. – 2025. – № 7. – С. 184-188. <https://elibrary.ru/ctgmcy>
8. Николенко Ю.Ф., Шибяева А.А., Овчинникова Е.И., Иванова Е.Ф. Интеграция двигательной и речевой деятельности в физическом воспитании дошкольников // Теория и практика физической культуры. – 2019. – № 12. – С. 67-69. <https://elibrary.ru/idhuuc>
9. Ольхина Е.А., Медведева Е.Ю. Использование аппарата Hand Tutor в логопедической работе с детьми с дизартрией // Перспективы науки и образования. – 2017. – № 6(30). – С. 92-96. <https://elibrary.ru/zxkwlw>
10. Османова А.Н. Пальчиковые игры как средство развития мелкой моторики у детей дошкольного возраста // Путь в педагогическую науку: проблемы и решения. – 2022. – № 8(12). – С. 50-57. <https://elibrary.ru/mmzbnz>
11. Самылова О.А. Особенности развития мелкой моторики у детей старшего дошкольного возраста с ЗПР // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – № 84 (4). – С. 181–183. <https://elibrary.ru/argsvn>
12. Bondi D., Robazza C., Lange-Küttner C., Pietrangeli T. Fine motor skills and motor control networking in developmental age // American Journal of Human Biology. – 2022. – Vol. 34. – No. 8. – P. 1–15. DOI: 10.1002/ajhb.23758, <https://elibrary.ru/cfmmvx>
13. Cohen E. J., Bravi R., Bagni M. A., Minciacci D. Precision in drawing and tracing tasks: Different measures for different aspects of fine motor control // Human Movement Science. – 2018. – Vol. 61. – P. 177–188.
14. Deitz J. C., Kartin D., Kopp K. Review of the Bruininks-Oseretsky Test of Motor Proficiency. – Second Edition (BOT-2) // Physical & Occupational Therapy in Pediatrics. – 2007. – Vol. 27. – No. 4. – P. 87–102.
15. Krisciunas A. J., Lendraitiene E. V., Petruseviciene D. P. et al. Fine motor and self-development assessment of preschool children with epilepsy // S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry. – 2014. – Vol. 114. – No. 4-2. – P. 30–34. <https://elibrary.ru/sdijzv>
16. Latash M. L. One more time about motor (and non-motor) synergies // Experimental Brain Research. – 2021. – Vol. 239. – No. 10. – P. 2951–2967. DOI: 10.1007/s00221-021-06188-4. DOI: 10.1007/s00221-021-06188-4, <https://elibrary.ru/bfcvdr>

References

1. Berezina N.O., Stepanova M.I. Fizicheskoe razvitiye sovremenny'x doshkol'nikov: rezul'taty` dinamicheskix nablyudenij // Peditriya. Zhurnal im. G.N. Speranskogo. – 2019. – T. 98. – № 5. – S. 208-212. DOI: 10.24110/0031-403X-2019-98-5-208-212, <https://elibrary.ru/igbrln>
2. Borodkina M.V., Koh E.E. Pal'chikovye igr'y` kak sposob razvitiya melkoj motoriki ruk u doshkol'nikov // Pedagogika & psixologiya. Teoriya i praktika. – 2020. – № 3 (29). – S. 22–24. <https://elibrary.ru/wtlllw>
3. Veera A.M., Petel'guzova T.G., Konova O.M. Stimulyaciya melkoj motoriki ruk kak sredstvo rehabilitacii detej s zaderzhkoj rechevogo razvitiya // Rossijskij peditricheskij zhurnal. – 2021. – T. 24. – № 4. – S. 248. <https://elibrary.ru/sragwo>
4. Voloshina L.N., Panasenko K.E. Gotovnost' starshix doshkol'nikov s zaderzhkoj psixicheskogo razvitiya k osvoeniyu igr s myachom // Perspektivy` nauki i obrazovaniya. – 2022. – № 6(60). – S. 304-318. DOI: 10.32744/pse.2022.6.17, <https://elibrary.ru/zsucst>
5. Egorov A.V., Kaz'min A.M. Individual'no-social'ny'e kompetencii, faktory` lichnosti i kognitivny'e sposobnosti doshkol'nikov // Klinicheskaya i special'naya psixologiya. – 2015. – T. 4. – № 2. – S. 54-66. <https://elibrary.ru/txkrvt>
6. Markuvinas I.V. Melkaya motorika kak sredstvo razvitiya rechi // Nauka i real'nost'. – 2021. – № 2 (6). – S. 71–72. <https://elibrary.ru/cphlhw>
7. Naumov M.M., Pokrina O.V. Teoreticheskie aspekty` abilitacii detej s rasstrojstvami autisticheskogo spektra sredstvami adaptivnoj fizicheskoj kul'tury` // Uspexi gumanitarny'x nauk. – 2025. – № 7. – S. 184-188. <https://elibrary.ru/ctgmcy>
8. Nikolenko Yu.F., Shibaeva A.A., Ovchinnikova E.I., Ivanova E.F. Integraciya dvigatel'noj i rechevoj deyatel'nosti v fizicheskom vospitanii doshkol'nikov // Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury`. – 2019. – № 12. – S. 67-69. <https://elibrary.ru/idhuuc>
9. Ol'xina E.A., Medvedeva E.Yu. Ispol'zovanie apparata Hand Tutor v logopedicheskoy rabote s det'mi s dizartriej // Perspektivy` nauki i obrazovaniya. – 2017. – № 6(30). – S. 92-96. <https://elibrary.ru/zxkwlw>

10. **Osmanova A.N.** Pal'chikovy'e igry` kak sredstvo razvitiya melkoj motoriki u detej doshkol'nogo vozrasta // Put` v pedagogicheskuyu nauku: problemy` i resheniya. – 2022. – № 8(12). – С. 50-57. <https://elibrary.ru/mmzbne>
11. **Samy`lova O.A.** Osobennosti razvitiya melkoj motoriki u detej starshego doshkol'nogo vozrasta s ZPR // Problemy` sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2024. – № 84 (4). – С. 181–183. <https://elibrary.ru/argsyn>
12. **Bondi D., Robazza C., Lange-Küttner C., Pietrangelo T.** Fine motor skills and motor control networking in developmental age // American Journal of Human Biology. – 2022. – Vol. 34. – No. 8. – P. 1–15. DOI: 10.1002/ajhb.23758, <https://elibrary.ru/cfmmvx>
13. **Cohen E. J., Bravi R., Bagni M. A., Minciocchi D.** Precision in drawing and tracing tasks: Different measures for different aspects of fine motor control // Human Movement Science. – 2018. – Vol. 61. – P. 177–188.
14. **Deitz J. C., Kartin D., Kopp K.** Review of the Bruininks-Oseretsky Test of Motor Proficiency. – Second Edition (BOT-2) // Physical & Occupational Therapy in Pediatrics. – 2007. – Vol. 27. – No. 4. – P. 87–102.
15. **Krisciunas A. J., Lendraitiene E. V., Petruševiciene D. P.** et al. Fine motor and self-development assessment of preschool children with epilepsy // S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry. – 2014. – Vol. 114. – No. 4-2. – P. 30–34. <https://elibrary.ru/sdijzv>
16. **Latash M. L.** One more time about motor (and non-motor) synergies // Experimental Brain Research. – 2021. – Vol. 239. – No. 10. – P. 2951–2967. DOI: 10.1007/s00221-021-06188-4. DOI: 10.1007/s00221-021-06188-4. <https://elibrary.ru/bfcvdr>

Информация об авторах

Померанцев Андрей Александрович, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физической культуры, физиологии и медико-биологических дисциплин федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», Липецк, Российская Федерация, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4197-2183>, Researcher ID: G-8140-2018, Scopus ID: 56225460100, SPIN-код: 1300-2590, Author ID: 545315, ldclipetsk@mail.ru

Щукин Герман Мансурович, магистрант кафедры физической культуры, физиологии и медико-биологических дисциплин федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Российская Федерация, Schukin.german12022001@yandex.ru

Information about the authors

Andrey A. Pomerantsev, Ph.D. (Pedagogy), docent, docent at the Chair of Physical Culture, Physiology and Medical-Biological Disciplines, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk, Russian Federation, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4197-2183>, Researcher ID: G-8140-2018, Scopus ID: 56225460100, SPIN- code: 1300-2590, Author ID: 545315, ldclipetsk@mail.ru

German M. Shchukin, master's student at the Chair of Physical Culture, Physiology and Medical-Biological Disciplines, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk, Russian Federation, Schukin.german12022001@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.12.2025

Поступила после рецензирования 23.12.2025

Принята к публикации 28.12.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Received 20.12.2025

Revised 23.12.2025

Accepted 28.12.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

Для цитирования: **Померанцев А.А., Щукин Г.М.** Развитие двигательных и когнитивных способностей дошкольников на основе инновационной методики «Смышленыш» // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2026. – №1 (38). – С. 64-76.

For citation: **Pomerantsev A.A., Shchukin G.M.** Development of motor and cognitive abilities of preschool children based on the innovative method «Smyshlenysh» // Humanities researches of the Central Russia. – 2026. – №1 (38). – P. 64-76.

DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-64-76

Научная статья

УДК 37.08

DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-77-83

Шифр научной специальности 5.8.7.

МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Ekaterina Ильинична Приходченко , Ekaterina Алексеевна Маркова ¹

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Донецкий национальный технический университет»

283001, г. Донецк, ДНР, ул. Артема, д. 58

88rapoport88@mail.ru

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Аннотация

Статья ставит цель представить процесс управления развитием кадрового потенциала в вузе. Моделирование системы управления развитием кадрового потенциала в высшем профессиональном образовательном учреждении является необходимым инструментом для обеспечения высокого качества образования и подготовки компетентных специалистов. Реализация данной модели требует комплексного подхода, включающего как анализ текущего состояния, так и активное внедрение инновационных решений. В итоге, успешное управление кадровым потенциалом в вузе влияет на уровень профессионализма преподавателей и конкурентоспособность выпускников, что становится залогом устойчивого развития учебного заведения в условиях динамичного рынка образования. В данном исследовании проводится теоретическое обоснование преимуществ моделирования единой управленческой системы, где все составляющие взаимосвязаны и взаимообусловлены и влияют друг на друга. Также в ходе исследования была разработана структурно-функциональную модель системы управления развитием кадрового потенциала в высшем профессиональном образовательном заведении.

Ключевые слова: кадровый потенциал, процессное моделирование, система управления подготовкой кадров, непрерывное развитие

MODEL OF HUMAN RESOURCES DEVELOPMENT MANAGEMENT SYSTEM IN HIGHER EDUCATION

Ekaterina I. Prichodchenko , Ekaterina A. Markova

Donetsk national technical university

58 Artyom str., Donetsk, DPR, 283001

88rapoport88@mail.ru

Abstract

The article aims to present the process of managing the development of human resources at the university. Modeling of the human resource development management system in a higher professional educational establishment is a necessary tool for ensuring high-quality education and training of competent specialists. The implementation of this model requires an integrated approach, including both an analysis of the current state and the active implementation of innovative solutions. Ultimately, successful human resource management at a university affects the level of professionalism of teachers and the competitiveness of graduates, which becomes the key to the sustainable development of an educational institution in a dynamic education market. This study

¹ ©Приходченко Е.И., Маркова Е.А., Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0

provides a theoretical justification for the advantages of modeling a unified management system, where all components are interconnected and interdependent and influence each other. Also, during the research, a structural and functional model of the human resource development management system in a higher professional educational institution was developed.

Keywords: *human resources, process modeling, personnel training management system, and continuous development*

Кадровый потенциал в системе высшего образования является предметом научного анализа многих исследователей, которые рассматривают его с различных сторон, уделяя внимание как теоретическим, так и практическим аспектам.

Ученые анализируют проблемы управления кадровым потенциалом, подчеркивая важность его оценки и развития для успешного функционирования образовательных учреждений. Они акцентируют внимание на необходимости формирования адекватной стратегии управления персоналом, которая бы учитывала изменения в образовательной среде и требования общества к подготовке квалифицированных специалистов. В их работах выделяются факторы, способствующие укреплению кадровой базы вузов, такие как социальные изменения, глобализация и технический прогресс.

Исходя из вышеизложенного, необходима разработка эффективной модели системы управления развитием кадрового потенциала. Такое моделирование должно учитывать как внутренние, так и внешние факторы, влияющие на подготовку высококвалифицированных кадров.

Научные исследования проблемы. Проблема моделирования интересовала многих учёных. Она была в центре внимания М.А. Абрамовой, В.М. Ананишева, В.А. Болотова, А.Н. Дахина, О.В. Гасовой, Е.А. Лодатко, С.М. Окулова, В.И. Писаренко, И.С. Скляренко, Е.А. Солодовой, Ю.В. Фролова, В.А. Ясвина и других [1-13].

Усилия ученых направлялись на изучение процесса моделирования, рассмотрение его как метода, который лежит в основе какого-то исследования [1, 2, 4, 5, 6], на изучение компетентностной стороны процесса создания модели организации обучения [6, 7, 8, 11], среднего компонента в проектировании модели [13], поэтапного наставничества [12, с. 308].

В.И. Писаренко даёт характеристику типам моделей [8, с. 60-62]. Учёный останавливается на пошаговом описании деятельностного под-

хода в структурном построении модели, её алгоритмическом синтезе и анализе, подчеркивает те моменты, которые существенно разнятся. В.А. Ясвин обосновывает свои взгляды в таком ключе: правильно смоделированная среда, в которой проходит педагогический эксперимент, может быть спроектирована на дальнейшую деятельность, не охваченную в настоящее время исследованием [13, с. 217]. Поскольку моделирование в данном случае касается образовательного процесса, то, конечно, в нём, по убеждению Е.А. Лодатко, важен культурологический подход как этико-эстетическая ценность [6, с. 24-25]. Учёные единогласно придерживаются точки зрения на процесс образования как созидающий, где готовятся профессиональные кадры. Будущие специалисты, приобретающие теоретические знания, направят на практическое их воплощение качественно подготовленный кадровый потенциал того или иного учебного заведения. А выпускники становятся более востребованными на рынке труда. Умелое управление процессом подготовки обучающихся в грамотно смоделированной учебной среде даёт свои положительные плоды: высокую результативность совместной работы профессорско-преподавательского состава и студенческих групп. Выделяются лидеры, которые в большинстве своём станут ближайшими помощниками педагогам, будут вести за собой тех, кто нуждается в поддержке, а в будущем, уже в организации, возглавят те или иные подразделения.

Именно моделирование развитием кадрового потенциала мы и будем рассматривать.

Основное содержание статьи. Моделирование системы управления развитием кадрового потенциала в высшем профессиональном учебном заведении является ключевым элементом, направленным на улучшение качества образования и повышения конкурентоспособности выпускников на рынке труда. Эффективная система управления кадровым потенциалом способствует формированию высококвалифицированных специалистов, способных к постоянному обучению и адаптации к быстро

меняющимся условиям профессии [9, с. 15-18]. Преимущества моделирования системы управления развитием кадрового потенциала в высшем профессиональном учебном заведении состоят в следующем:

- моделирование позволяет рассматривать развитие кадрового потенциала как единую систему, где все элементы взаимосвязаны и влияют друг на друга;

- имеет место адаптивность модели в зависимости от изменений внешней среды и потребностей рынка труда;

- обеспечивается непрерывное развитие и повышение квалификации кадров на основе современных трендов в образовании и технологии;

- сформированная система способствует не только улучшению качества образования, но и повышению эффективности работы всего учебного заведения;

- служит условием создания обратной связи между работодателями и учебным заведением, что позволяет своевременно корректировать программы и процесс обучения в соответствии с актуальными требованиями;

- увеличивает уровень вовлеченности студентов в учебный процесс за счет интерактивных методов преподавания и практических проектов, что формирует у них необходимые компетенции и навыки для успешной карьеры;

- закладываются основы прочной базы для научной и исследовательской деятельности, что, в свою очередь, повышает престиж учебного заведения и привлекает талантливых студентов и преподавателей;

- формирует культуру непрерывного развития, поддерживающую инициативы по самообучению и профессиональному развитию как среди студентов, так и среди преподавательского состава, что создает позитивный эффект в учебном заведении.

Результаты анализа научно-педагогической литературы, управления развитием кадрового потенциала в высшем профессиональном учебном заведении позволили разработать структурно-функциональную модель системы управления развитием кадрового потенциала в высшем профессиональном образовательном заведении.

Основными составляющими модели являются целевой, методологический, содержательный, результативные блоки.

Целевой блок модели описывает цель и задачи. Целью системы управления развитием кадрового потенциала в высшем профессиональном образовательном заведении является формирование кадрового потенциала в высшем профессиональном образовательном учреждении.

Цель достигается путем выполнения ряда задач, включающих в себя:

- формирование системы знаний, умений и практических навыков;

- внедрение механизмов мотивации к профессиональному росту как базис формирования кадрового потенциала.

Методологический блок модели содержит методологические подходы и дидактические принципы.

К основным методологическим подходам относятся:

- системный подход образовательного процесса как совокупности взаимосвязанных компонентов;

- компетентностный подход развития компетенций в разных направлениях профессиональной деятельности.

Указанная методология системы управления развитием кадрового потенциала в высшем профессиональном образовательном заведении реализуется при соблюдении определенных дидактических принципов:

- мобильности – гибкости и быстрого преобразования методических систем;

- научности – использования в обучении актуальных научных данных;

- системности – соблюдения систематизации в подаче учебного материала;

- активности – побуждения мотивации и интереса к непрерывному обучению.

В **содержательном блоке** модели описываются компоненты формирования кадрового потенциала высшего профессионального образовательного учреждения:

- когнитивный компонент, который базируется на реализации учебного плана по направлению подготовки 44.04.01 «Педагогическое образование (МП: Управление учебным заведением)». При этом формами осу-

ществления реализации учебного плана по направлению подготовки 44.04.01 «Педагогическое образование (МП: Управление учебным заведением)» являются лекции, семинары, практические работы;

- мотивационный компонент, подразумевающий внедрение эффективного договора как стимулирования к профессиональному совершенствованию;

- практико-ориентированный компонент, направленный на формирование практических умений и навыков, который обеспечивается практиками (учебной ознакомительной, технологической), производственной (технологической, педагогической) и теоретическо-практическими знаниями, которые обновляются при помощи повышения квалификации.

Результативный блок предполагает оценку и анализ результативности в развитии кадрового потенциала высшего профессионального образовательного учреждения. К основным критериям результативного блока относятся:

- формирование готовности к осуществлению профессиональной деятельности;

- повышение уровня мотивации к качественному выполнению должностных обязанностей;

- сформированность практических умений и навыков в дальнейшей профессиональной деятельности.

Вышеуказанные критерии определяют уровни сформированности готовности к профессии: низкий, средний, высокий. Модель системы управления развитием кадрового потенциала в высшем профессиональном образовательном учреждении можно увидеть на рисунке 1.

Разработанная модель системы управления развитием кадрового потенциала в высшем профессиональном образовательном учреждении состоит из четырех блоков: целевого, методологического, содержательного, результативного) и показывает, как технологически обеспечить развитие кадрового потенциала в системе высшего профессионального образовательного учреждения. Содержательный блок включает три основных компонента (когнитивный, мотивационный, практико-ориентированный), которые являются основными критериями управления кадро-

вым потенциалом в системе высшего профессионального образовательного учреждения:

когнитивный компонент находит отражение в знаниевом критерии и определяет уровень сформированности системы у будущих управленцев (предполагает наличие знаний по дисциплинам профессионального блока, формирующих соответственно профессиональные компетенции);

мотивационный компонент – опирается на мотивационно-целевой критерий;

практико-ориентированный – направлен на формирование практических умений и навыков, которые описывает деятельностный критерий. Также определяет уровень готовности реализации эффективного договора.

Исходя из обозначенных критериев, мы определили показатели и уровни эффективности управления кадровым потенциалом в системе высшего профессионального образовательного учреждения. Более детально опишем выделенные критерии.

Знаниевый критерий определяет уровень овладения знаниями фундаментальных учебных дисциплин, направленных на формирование профессиональных компетенций будущих руководителей.

Мотивационно-целевой критерий характеризует уровень мотивации сотрудников на достижение целей в профессиональном управлении системой образования, стремление применять управленческие решения, находить выход из конфликтных ситуаций, применять гибкость и вариативность управленческих решений. Мотивационно-целевой критерий предусматривает уровень вовлеченности сотрудников в профессию, желание развиваться в ней, строить планы саморазвития и самореализации;

Деятельностный критерий (практико-ориентированный) определяется уровнем выполнения эффективного контракта (практическое выполнение основных практико-ориентированных задач, отображающих практическую деятельность руководителя и эффективность работы его коллектива).

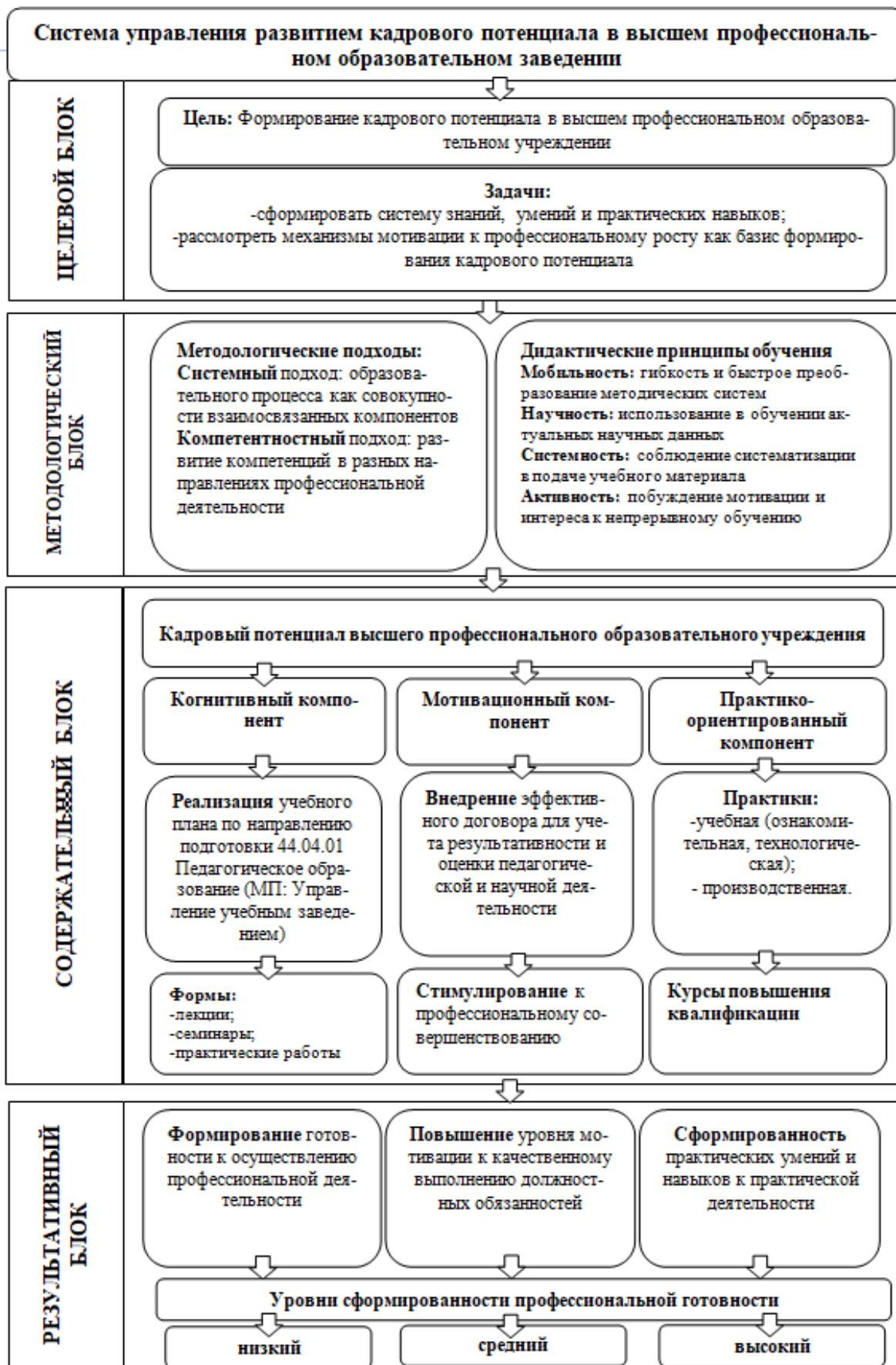

Рисунок 1 – Модель системы управления развитием кадрового потенциала в высшем профессиональном образовательном учреждении

Выводы и рекомендации. Важным фактором в любой организации, в частности в высшей школе, является максимально эффективное использование кадрового потенциала. Качественный состав кадров, без сомнения, будет более эффективно осуществлять подготовку студентов как будущих специалистов.

Основной задачей образовательных стратегий является усиление мотивационных механизмов, способствующих повышению эффективности образовательной системы. Такой акцент объясняется тем, что многие стратегические инициативы реализуются медленно из-за недостаточного осознания исполнителями сути задач и критериев оценки ожидаемых результатов. Это приводит к возникающему сопротивлению изменениям и, как следствие, замедляет прогресс в их решении.

Стратегия управления персоналом должна охватывать не только развитие кадрового потенциала, но и его формирование. Мотивируя студентов на качественную подготовку к овладению будущей профессией, развиваем в них стремление к самосовершенствованию, постоянному повышению самообразователь-

ного уровня в овладении будущими профессиональными компетенциями.

Перспективы дальнейших исследований. При рассмотрении вопроса управления развитием кадрового потенциала в высшем профессиональном образовании важен и такой его аспект, как жизненное проектирование, составляющее сущность компетентностного движения, изменения, формирования. Волевая активная направленность и позиция личности на жизненном пути являются преобразующим потенциалом, направляющей силой в формировании жизненной установки. Проект жизни можно охарактеризовать как план на будущее через призму желаний и ожиданий, целей и мыслей. В нем сочетаются тактика, техника и методы решения жизненных задач, осуществление поставленных целей.

В этом качестве жизненный проект обучаемого как будущего профессионала есть программа, план действий, выступающие как инструменты саморегуляции личностью своей жизни, профессиональной карьеры, направляя их в определенное русло.

Список литературы

1. **Абрамова М.А.** Моделирование как метод исследования // Меридиан. – 2017. – №4(7). – С. 148-150.
2. **Ананишнев В.М.** Моделирование в системе образования // Системная психология и социология. – 2010. – Т. 1. – №2. – С. 79-87.
3. **Болотов В.А.** Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. – 2003. – №10. – С. 8-14. <https://elibrary.ru/skchxt>
4. **Гасова О.В.** Алгоритм построения педагогических моделей // Диверсификация педагогического образования в условиях развития информационного общества: Материалы II Междунар. науч.-практ. конференции, Минск, 16 ноября 2023 г. / БГУ, каф. педагогики и проблем развития образования; редкол.: Г. В. Пальчик (гл. ред.) и др. – Минск: БГУ, 2023. – С. 116-119. <https://elibrary.ru/esfyai>
5. **Дахин А.Н.** Педагогическое моделирование: сущность, эффективность и...неопределенность // Педагогика. – 2003. – №4. – С. 21-26. <https://elibrary.ru/uqwcni>
6. **Лодатко Е.А.** Моделирование образовательных систем в контексте ценностной ориентации и социокультурного пространства // Научно-культурологический журнал. – 2008. – №1(164). – С. 23-28.
7. **Окулов С.М., Сизихина О.В.** О моделях в педагогических исследованиях // Вестник ВятГУ. – 2009. – №4(154). – С. 135-138. <https://elibrary.ru/mgvlqx>
8. **Писаренко В.И.** Педагогические модели: типология и особенности // Проблемы современного образования. – 2024. – №1. – С. 58-76. DOI: 10.31862/2218-8711-2024-1-58-76, <https://elibrary.ru/ugtxft>
9. **Скляренко И.С.** Моделирование в педагогическом процессе // Педагогика и психология: академический журнал. – 2024. – №1(4). – С. 14-21. <https://elibrary.ru/owmbvz>
10. **Солодова Е.А.** Математическое моделирование педагогических систем // Математика. Компьютер. Образование: Сборник XII Международной конференции / под общ. ред. Г.Ю. Ризниченко. – Ижевск, 2005. – Т. 4. – С. 113-121.
11. **Фролов Ю.В.** Компетентностная модель как основа оценки качества подготовки специалиста // Высшее образование сегодня. – 2004. – №8. – С. 34-41. <https://elibrary.ru/xadgny>
12. **Хижная А.В., Строганов Д.А., Валяева К.И.** Отношение студентов к наставничеству в вузе // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – №86-4. – С. 307-311. <https://elibrary.ru/biymlx>
13. **Ясвин В.А.** Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М.: Смысл, 2001. – 365 с. <https://elibrary.ru/ofjkfi>

References

1. **Abramova M.A.** Modelirovanie kak metod issledovaniya // Meridian. – 2017. – №4(7). – S. 148-150.
2. **Ananishnev V.M.** Modelirovanie v sisteme obrazovaniya // Sistemnaya psixologiya i sociologiya. – 2010. – T. 1. – №2. – S. 79-87.
3. **Bolotov V.A.** Kompetentnostnaya model': ot idei k obrazovatel'noj programme // Pedagogika. – 2003. – №10. – S. 8-14. <https://elibrary.ru/skchxt>
4. **Gasova O.V.** Algoritm postroeniya pedagogicheskix modelej // Diversifikaciya pedagogicheskogo obrazovaniya v usloviyax razvitiya informacionnogo obshhestva: Materialy` II Mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii, Minsk, 16 noyabrya 2023 g. / BGU, Kaf. pedagogiki i problem razvitiya obrazovaniya; redkol.: G. V. Pal`chik (gl. red.) i dr. – Minsk: BGU, 2023. – S. 116-119. <https://elibrary.ru/esfyai>
5. **Daxin A.N.** Pedagogicheskoe modelirovanie: sushhnost', e'fektivnost' i...neopredelennost' // Pedagogika. – 2003. – №4. – S. 21-26. <https://elibrary.ru/uqwcni>

6. **Lodatko E.A.** Modelirovanie obrazovatel'ny'x sistem v kontekste cennostnoj orientacii i sociokul'turnogo prostranstva // Nauchno-kul'turologicheskij zhurnal. – 2008. – №1(164). – S. 23-28.
7. **Okulov S.M., Sizixina O.V.** O modelyax v pedagogicheskix issledovaniyax // Vestnik VyatGU. – 2009. – №4(154). – S. 135-138. <https://elibrary.ru/mgvlqx>
8. **Pisarenko V.I.** Pedagogicheskie modeli: tipologiya i osobennosti // Problemy` sovremennoogo obrazovaniya. – 2024. – №1. – S. 58-76. DOI: 10.31862/2218-8711-2024-1-58-76, <https://elibrary.ru/ugtxft>
9. **Sklyarenko I.S.** Modelirovanie v pedagogicheskom processe // Pedagogika i psixologiya: akademicheskij zhurnal. – 2024. – № 1 (4). – S. 14-21. <https://elibrary.ru/owmbvz>
10. **Solodova E.A.** Matematicheskoe modelirovanie pedagogicheskix sistem // Matematika. Komp'yuter. Obrazovanie: Sbornik XII Mezhdunarodnoj konferencii / pod obshh. red. G.Yu. Riznichenko. – Izhevsk, 2005. – T. 4. – S. 113-121.
11. **Frolov Yu.V.** Kompetentnostnaya model' kak osnova ocenki kachestva podgotovki specialista // Vy'sshee obrazovanie segodnya. – 2004. – №8. – S. 34-41. <https://elibrary.ru/xadgny>
12. **Xizhnaya A.V., Stroganov D.A., Valyaeva K.I.** Otnoshenie studentov k nastavnichestvu v vuze // Problemy` sovremennoogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2025. – №86-4. – S. 307-311. <https://elibrary.ru/biymlx>
13. **Yasvin V.A.** Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu. – M.: Smy'sl, 2001. – 365 s. <https://elibrary.ru/ofikfi>

Информация об авторах

Приходченко Екатерина Ильинична, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель Украины, Академик Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры «Инженерная педагогика и лингвистика» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, ДНР, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7721-4355>, SPIN-код: 1752-7510, AuthorID: 856557, prihodchenko_ek@mail.ru

Маркова Екатерина Алексеевна, старший преподаватель кафедры дошкольного и начального педагогического образования федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет», г. Донецк, ДНР, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6708-4243>, SPIN-код: 5339-1583, AuthorID: 1012025, 88rapoport88@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.11.2025

Поступила после рецензирования 19.11.2025

Принята к публикации 15.01.2026

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Received 09.11.2025

Revised 19.11.2025

Accepted 15.01.2026

The authors have read and approved the final manuscript.

Для цитирования: **Приходченко Е.И., Маркова Е.А.** Модель системы управления развитием кадрового потенциала в высшей школе // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2026. – №1 (38). – С. 77-83.

For citation: **Prihodchenko E.I., Markova E.A.** Model of human resources development management system in higher education // Humanities researches of the Central Russia. – 2026. – №1 (38). – P. 77-83.

DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-77-83

Научная статья

УДК 378.1

DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-84-94

Шифр научной специальности 5.8.7.

ГОТОВНОСТЬ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ К ФОРМИРОВАНИЮ РОССИЙСКОЙ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

Алена Николаевна Кулашкина, Галина Ивановна Егорова ¹

Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный педагогический университет»
628000, Российская Федерация, ХМАО-Югра, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2
✉ egorovagi@list.ru

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Аннотация

В статье обосновывается необходимость целенаправленной системной подготовки будущего учителя к формированию российской поликультурной идентичности школьников как ответ на вызовы социально-культурной реальности. Рассматривается проблема готовности будущего учителя к формированию российской поликультурной идентичности школьников как ключевой составляющей гражданского воспитания в условиях культурного многообразия. Раскрыта сущность понятия «российская поликультурная идентичность» – как интегративное чувство принадлежности к многонациональному народу Российской Федерации, сочетающее общероссийскую гражданскую солидарность с уважением и знанием культурных особенностей народов России. На основе теоретического анализа и методологии компетентностного подхода разработана структурно-содержательная модель готовности будущего учителя к формированию российской поликультурной идентичности, которая включает когнитивный, операционально-деятельностный, личностно-ценностный и рефлексивный компоненты. Выявлены дефициты в современной системе педагогического образования и предложены пути их преодоления через интеграцию поликультурного компонента в учебные дисциплины, усиление практической подготовки в полиэтничной среде и развитие личностной позиции будущего педагога. Описаны конкретные педагогические условия, технологии и критерии оценки эффективности предложенной системы в рамках вузовского образования. Статья имеет практическую значимость для разработки модулей и программ подготовки будущего учителя в педагогических вузах.

Ключевые слова: идентичность, российская поликультурная идентичность, будущий учитель, профессиональная подготовка, междисциплинарность

¹ © Кулашкина А.Н., Егорова Г.И., 2026, Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0

FUTURE TEACHER'S READINESS TO DEVELOP RUSSIAN MULTICULTURAL IDENTITY IN SCHOOLCHILDREN

Alena N. Kulashkina, Galina I. Egorova

Surgut State Pedagogical University

10/2 50 let VLKSM St., Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra, Surgut, 628000, Russian Federation

✉ egorovagi@list.ru

Abstract

This article substantiates the need for targeted, systematic training of future teachers in shaping the Russian multicultural identity of schoolchildren as a response to the challenges of socio-cultural reality. It examines the readiness of future teachers to shape the Russian multicultural identity of schoolchildren as a key component of civic education in the context of cultural diversity. The concept of "Russian multicultural identity" is defined as an integrative sense of belonging to the multinational people of the Russian Federation, combining all-Russian civic solidarity with respect and knowledge of the cultural characteristics of the peoples of Russia. Based on the theoretical analysis and methodology of the competence approach, a structural and meaningful model of the future teacher's readiness for the formation of a Russian multicultural identity has been developed, which includes cognitive, operational-activity, personal-value and reflexive components. Deficiencies in the current system of pedagogical education are identified, and ways to overcome them are proposed through the integration of the multicultural component into academic disciplines, enhanced practical training in a multiethnic environment, and the development of the personal position of future teachers. The article describes the specific pedagogical conditions, technologies, and criteria for evaluating the effectiveness of the proposed system within university education. The article has practical implications for the development of modules and programs for training future teachers at pedagogical universities.

Keywords: *identity, Russian multicultural identity, future teacher, professional training, interdisciplinarity*

В настоящее время проблема формирования российской идентичности – как ценностной установки Российской цивилизации (в её исторической ретроспективе: от Древней Руси до Российской империи, от Империи до Советского государства, от Советского Союза до Российской Федерации) – приобрела особую значимость. Выделяют принципиальные черты моделей общественного устройства, каждая из которых базируется на собственной системе ценностей. Ценностный выбор российской цивилизации с позиции О.А. Евреевой, М.В. Афонина обуславливает идентичность, которая трактуется не просто как социальный конструкт, но как фундаментальная ценность, определяющая векторы развития личности и общества в целом [8].

В условиях глобальной геополитической неопределенности наблюдается возрастание роли цивилизационной идентичности, которая, как отмечает Н.Н. Алексеев, выступает неотъемлемым элементом системы идентичностей индивида и сообщества, приобретает особую значимость в современном социокультурном контексте [1]. Приобретает актуальность культурная идентичность в системе

регуляторов семейно-правовых отношений в современной России [2].

Стратегия социокультурной модернизации образования находится на пути к преодолению кризиса идентичности современного человека, что особенно важно для современной российской школы, которая функционирует в условиях значительного культурного, этнического и конфессионального разнообразия.

Исходя из ценностных ориентиров методологии социокультурного конструирования образования, А.Г. Асмолов говорит о том, что «перед нами ставится задача формирования гражданской, этнокультурной и общечеловеческой идентичности». Решение этой задачи предполагает разработку трёх типов примерных образовательных программ, соответствующих каждой из ипостасей идентичности: программы формирования гражданской идентичности, нацеленные на становление гражданина, воспитание патриотизма и любви к Родине; программы формирования этнокультурной и региональной идентичности, направленные на развитие солидарности с «малой родиной»; программы формирования общечеловеческой идентичности, ориентированные на

осознание личностью своей принадлежности к глобальному сообществу [5, с. 79].

Социокультурные детерминанты, с одной стороны, являются богатством и ресурсом развития, с другой – вызовом, требующим целенаправленной педагогической работы по укреплению общероссийского гражданского единства. В данном контексте ключевой задачей системы образования становится формирование российской поликультурной идентичности подрастающего поколения – чувства принадлежности к единому многонациональному народу России при сохранении уважения к уникальности культур своих народов.

Решающая роль в решении этой задачи принадлежит учителю, семье.

Однако, как показывают исследования и практика, значительная часть педагогов и студентов педагогических направлений не обладает необходимой системой знаний, умений и личностных качеств для эффективной работы в поликультурной среде [17]. Будущие учителя, как отмечает Е.В. Кузнецова в монографической работе, как правило, неполно представляют себе сильные и слабые стороны своей личности, не всегда знают и используют потенциальные возможности ее развития. Чаще всего процесс самосовершенствования у них направлен на приобретение знаний, а не на развитие качеств, необходимых для практической деятельности в многонациональной школе, для решения повседневных педагогических задач и конфликтных ситуаций [10, с. 4].

Возникает проблемное противоречие между высокой социальной значимостью формирования российской поликультурной идентичности и недостаточным уровнем готовности будущих учителей к этой деятельности. Цель статьи – теоретически обосновать структуру и содержание готовности будущего учителя к формированию российской поликультурной идентичности школьников и наметить пути ее развития в системе высшего педагогического образования.

Анализ нормативной базы показывает, что вопросы формирования российской поликультурной идентичности регулируются комплексом документов, образующих стройную систему (Конституция РФ, указы Президента, федеральные законы, государственные про-

граммы). Назовем некоторые из них. Федеральный закон от 20.10.2022 №402-ФЗ создаёт правовые и организационные основы для обеспечения культурной самобытности всех народов, этнических общностей Российской Федерации, сохранения этнокультурного и языкового многообразия. Регулирует отношения в области выявления, изучения, использования, актуализации, сохранения и популяризации объектов нематериального этнокультурного достояния РФ [20]. Основы законодательства РФ о культуре закрепляют право народов и иных этнических общностей на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение исконной культурно-исторической среды обитания [16].

Существенные изменения в рассматриваемой сфере происходят с учетом указов Президента РФ, формирующих государственную политику. Указом Президента РФ от 25.01.2023 № 808 внесены изменения в *Основы государственной культурной политики*. Введено принципиально новое понятие: «культурный суверенитет» – совокупность факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать культурной зависимости от внешнего влияния и защищать традиционные ценности [19].

Подчеркивая актуальность рассматриваемой проблемы, отметим полиэтничный и поликонфессиональный характер российского общества. Процессы глобализации и информационной открытости ставят перед школой задачу формирования интегративной идентичности, сочетающей чувство общероссийской гражданственности с уважением к культурной специфике. Учитель выступает ключевым агентом данного процесса. В существующих программах педагогического образования отсутствует целостная система подготовки будущего педагога к формированию российской поликультурной идентичности школьников, что определило цель исследования: теоретически обосновать и разработать модель системы подготовки будущего учителя к формированию российской поликультурной идентичности школьников. Данная проблема становится актуальной в условиях развивающегося поликультурного образования.

Ценности поликультурного образования становятся все более актуальными в глобализованном мире. В России тема поликультурного образования часто переплетается с исследованиями этнопедагогики и межнациональных отношений. В исследованиях О.В. Гукаленко [6, с. 25], Л.М. Дробижевой [7, с. 110-115] раскрыта роль поликультурного образования в практике современного учителя. При этом ученые раскрывают особенности формирования полиэтнической культуры с учетом различных средств многонациональной среды региона как основы социализации подрастающего поколения. Авторы считают, что результатом процесса формирования полиэтнической культуры является высокий уровень сформированности полиэтнических знаний, умений, ценностных убеждений как особых категорий полиэтнической универсальности, с которой человек воздействует на окружающее пространство. Полиэтническая культура – многомерное, целостное явление и трехмерное пространство, ориентированное по трем взаимосвязанным направлениям (культурологическому, деятельностному, ценностному). Здесь очевидна интегративная взаимосвязь понятий. Российская поликультурная идентичность и полиэтническая культура соотносятся как интегративный результат и процессуальная основа. Полиэтническая культура, формируя у личности систему знаний о культурном многообразии, навыки межэтнического взаимодействия и ценностное отношение к представителям разных национальностей, создаёт предпосылки для становления российской поликультурной идентичности, понимаемой как осознанное принятие индивидом общероссийской гражданской общности при уважении её этнокультурного многообразия. Сегодня профессиональная подготовка будущего специалиста строится в параметрах принципа интеллектуализации как ведущего ориентира разумного (рационального) подхода к поликультурному образованию. Интеллектуализация поликультурного образования – это стратегический процесс, при котором главной целью становится развитие «гуманно мыслящего» человека, способного самостоятельно опираться на знания и «критический разум, понимать логику

культурного разнообразия», видеть стоящие за ним структурные компоненты (историю, политику, экономику) и «конструктивно действовать в поликультурной среде». Формирование полиэтнической культуры правомерно рассматривать как процесс интеллектуализации межэтнического взаимодействия. Это проявляется в том, что знания о культурах приобретают системный, а не фрагментарный характер; межэтнические стереотипы уступают место аналитическому восприятию; эмоциональные реакции на культурные различия опосредуются рефлексией и пониманием. Можно утверждать, что интеллектуализация выступает механизмом перевода спонтанного опыта межкультурного общения в осознанную компетенцию [9]. Рациональный анализ и уважение к фактам могут стать общей платформой для поликультурного диалога людей разных взглядов, в то время как призывы к толерантности могут ими отвергаться как «навязанная политкорректность». То обстоятельство, что отдельные аспекты интеллектуализации оказываются включёнными в подготовку будущих бакалавров различных направлений, подтверждает актуальность данного феномена не только для общего, но и для высшего образования.

Системный анализ понятий «поликультурность» и «поликультурная идентичность» проводит ряд авторов. Базовое определение «поликультурность» предложено В.И. Матисом [15]; поликультурное образование раскрыто авторским коллективом (З.А. Малькова, В.В. Макаев, Л.Л. Супрунова [14, с. 14]. Системный категориальный анализ поликультурности как особого свойства образовательной среды проведен группой авторов [12, с. 25], средства, формы, методы поликультурного образования уточнены С.И. Макуловым [13, с. 32].

Контент-анализ научных статей, монографий позволяет уточнить сущность понятия «идентичность». Э. Эриксон ввёл понятие «идентичность» в широкий научный оборот, рассматривал его как результат кризиса идентичности в юношеском возрасте, итог синтеза детских идентификаций в новое целое, что стало основой зарождения теории идентичности. Подчёркивая рефлексивный и проект-

ный характер идентичности в современном мире, Э. Эриксон отмечает, что понятие определяет некое повествование о себе, которое человек создаёт и поддерживает [21, с. 28-54]. В работах Л.М. Дробижевой глубоко исследована структура и динамика этнической и гражданской идентичности в российском поликультурном контексте [7, с. 112].

С позиции Н.Н. Ананьевой идентичность понимается как «сложный конструкт, интегрирующий процессы самопознания, ценностно-смыслового самоопределения и социальной категоризации индивида. Социокультурная идентичность формируется как целостный образ «Я», обладающий временной динамикой и изменяющийся под воздействием социокультурных факторов, образования и жизненного опыта. Она выступает механизмом поддержания субъективного ощущения тождественности личности самой себе, основанном на рефлексивном анализе собственных убеждений, ролей и групповых принадлежностей» [3, с. 9-17].

Культурологический аспект понятия «гражданская идентичность» доказывают П.В. Ломанов, А.В. Бардаков [11, с. 85-99]. Авторы соотносят понятия «гражданской» и «национальной идентичности», последняя из которых в ряде европейских и англоязычных стран обозначает совокупность форм «социальной идентичности», определяющих инди-

вида как гражданина в национальном государстве. Сегодня определены современные методологические подходы к определению сущности понятия «гражданская идентичность». С позиции Г.А. Артамонова и В.В. Маландина задается ценностный базис идентичности – приоритет духовного над материальным, историческая память, межнациональный мир, что особенно актуально с учётом вхождения в состав России новых субъектов [4].

Сущность понятия строится в рамках теории саморегуляции, где идентичность – высший уровень иерархии системы устойчивых смысловых образований, определяющих жизненную позицию человека [7, с. 114]. Учитывая авторские точки зрения, раскрываем понятие «идентичность» как многомерную структуру и содержательные характеристики ее видов. Само понятие «идентичность» рассматриваем как устойчивое представление человека о себе, своей принадлежности к социальным, культурным, этническим или профессиональным группам, а также осознание своего места в обществе. Это динамический процесс, формирующийся под влиянием внутренних (личностных) и внешних (социальных) факторов. В работе проведена сравнительная характеристика видов понятия «идентичность» (сущность, ключевые ценности, примеры проявления) (см. табл. 1.).

Таблица 1 – Сравнение понятий по ключевым позициям (основа идентичности, ценности, роль культурного разнообразия, примеры проявления)

Понятие	Основа идентичности	Ключевые ценности	Роль культурного разнообразия	Примеры проявления
Гражданская идентичность	Принадлежность к государству и его институтам	Патриотизм, верховенство закона, обобщающая история	Нейтральна: акцент на единстве, а не различиях	Участие в выборах, знание гимна, уважение Конституции
Российская идентичность	Принадлежность к России как стране и нации	Любовь к Родине, русский язык, общенациональные символы	Может игнорировать: часто доминирует центричность	Гордость за достижения России, использование русского языка как основного
Поликультурная идентичность	Признание ценности множества культур	Толерантность, диалог, уважение к различиям	Центральная: разнообразие как ресурс	Участие в межэтнических фестивалях, изучение языков народов
Российская поликультурная идентичность	Синтез гражданской, национальной и этнокультурной идентичностей	Единство в многообразии, сочетание «российскости» и культурного плюрализма	Интегрирует: разнообразие культур, укрепляет общее пространство	Гордость за многонациональность России, знание истории народов

Российская поликультурная идентичность (РПИ) в нашей трактовке универсальна, при этом само понятие конкретизируем в рамках

исследования с учетом простой формульной зависимости для понимания содержания.

Формула:

гражданская идентичность (я – гражданин РФ) + культурное многообразие
(я уважаю традиции народов России) = Российская поликультурная идентичность (РПИ)

Для формирования российской поликультурной идентичности школьников в нашей практике используем межпредметные содержательные модули, включенные в про-

граммы, предметное содержание разных дисциплин при подготовке будущего учителя (см. табл. 2).

Таблица 2 – Содержательные модули формирования РПИ

Модуль	Содержание модуля
Культурологический	Изучение культурных кодов, традиций и символов народов России
Этнопедагогический	Методы воспитания в разных этнических группах, народные педагогические традиции
Социально-психологический	Техники развития эмпатии, преодоления стереотипов, медиации конфликтов
Законодательный/ Правоведение	Законодательство РФ о правах национальных меньшинств, антидискриминационные нормы
Педагогический	Создание интерактивных ресурсов (виртуальные музеи, квизы по культурам)
Исторический	Анализ поликультурного прошлого страны, роли межэтнического диалога в развитии РФ

Раскрывая сущность концепта «российская поликультурная идентичность школьников», отмечаем, что это многоуровневый интегративный сплав личностных смыслов, в котором каждый уровень (базовый, этнический (поликультурный), общечеловеческий) не просто сосуществует, а взаимно обогащает другой, образуя уникальную гармоничную целостность. Первый уровень – базовый уровень (ценностное ядро) связываем с особым чувством принадлежности к российской гражданской нации (россияне), осознанием себя гражданином РФ, разделением её конституционных ценностей (суверенитет, единство, патриотизм), исторической судьбы, государственных символов, прав и обязанностей. Второй уровень – этнокультурный (поликультурный) связываем с признанием, уважением и позитивным отношением к своей родной этнической культуре (русской, татарской, башкирской, якутской и т.д.), а также к культурам других народов России. Данный уровень раскрывает важную позицию – «единство в многообразии». При этом поликультурность подразумевает: знание о культурах – принятие их равной ценности, навык диалога и взаимо-

действия; региональный, локальный уровни (чувство малой родины) – привязанность к своему краю, городу, селу, их традициям и сообществу. Третий уровень – общечеловеческий, который строится с осознанием принадлежности к человечеству в целом, разделению общечеловеческих ценностей (мир, права человека, экология). Многоуровневые основы РПИ обоснованы концептуальными разработками российских исследователей: ценности толерантности и гражданской идентичности в поликультурном обществе (Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова) [17, с. 120]; концепция «российской нации» как гражданской политической общности и важность этнической (общегражданской) идентичности (В.А. Тишков) [18, с. 8-12]; исследования баланса гражданской и этнической идентичностей в России (Л.М. Дробижева) [7]; ценности поликультурного образования как инструмента формирования РПИ; ценности полиэтнической культуры для формирования РПИ; психолого-педагогические ценности РПИ.

Российская поликультурная идентичность включает ряд значимых показателей: осознание гражданской принадлежности к Россий-

ской Федерации как к общей Родине; принятие базовых общероссийских ценностей, закрепленных в Конституции (суверенитет, права человека, историческая память, патриотизм); гордость за общероссийскую культуру, историю и достижения, понимаемую как синтез вкладов всех народов страны; уважение к культурному многообразию России, знание и позитивные отношения к традициям, языкам, истории народов-соседей; способность к межкультурному диалогу и конструктивному взаимодействию с носителями иных культурных моделей в рамках правового поля и единого социокультурного пространства.

Формирование российской поликультурной идентичности рассматриваем как целенаправленный процесс, организуемый в вузе, делая акцент на диалоге и интеграции. Нами предложена структурно-содержательная модель готовности будущего учителя, апробированная в среде вуза, и выявлены дефициты профессиональной подготовки учителя. Готовность будущего педагога к формированию поликультурной идентичности рассматриваем как интегративное профессионально-личностное образование, включающее четыре взаимосвязанных компонента (см. табл. 3.).

Таблица 3 – Компоненты структурно-содержательной модели готовности будущего учителя к формированию РПИ школьников и выявленные дефициты подготовки

Компонент	Содержание компонента	Дефициты в подготовке
Когнитивный	Знание концептуальных основ государственной национальной политики, Конституции РФ, стратегий воспитания. Понимание социокультурного контекста России (география народов, религии, исторические модели взаимодействия). Владение основами этнопсихологии и педагогики межнационального общения. Знание дидактических принципов поликультурного образования (диалог культур, отсутствие иерархии, акцент на общности)	Фрагментарность знаний; акцент на «проблематике» (конфликты) вместо системного позитивного знания о культурах
Операционально-деятельностный	Умение отбирать и адаптировать учебный материал (на уроках истории, литературы, обществознания, географии, искусства) с целью раскрытия вклада разных народов в общую культуру. Владение технологиями организации диалога культур в классе: проекты, праздники, исследовательские работы на тему культурного многообразия. Навык профилактики и решения межкультурных недоразумений в детском коллективе. Умение взаимодействовать с родителями разных культурных идентичностей	Преобладание теоретического обучения; отсутствие практики в реальной полиэтничной среде; страх перед сложными вопросами межнациональных отношений

Компонент	Содержание компонента	Дефициты в подготовке
Личностно-ценностный	Сформированность собственной позитивной российской идентичности у будущего учителя. Принятие ценностей поликультурализма, толерантности, уважения к достоинству каждого человека независимо от его культурной принадлежности. Эмпатия и открытость к межкультурному общению, отсутствие стереотипов и предубеждений. Гражданская позиция и личная ответственность за гармонизацию межнациональных отношений	Формальное отношение к вопросам идентичности; неотрефлексированность собственных стереотипов; «информационный» подход без личностного вовлечения
Рефлексивный	Способность анализировать педагогические ситуации с поликультурным контекстом. Готовность критически оценивать собственные установки и педагогические действия на предмет их соответствия целям поликультурного воспитания. Стремление к профессиональному росту в этой сфере	Рефлексия в данной области не является системным элементом подготовки; отсутствуют соответствующие контрольно-оценочные средства

Преодоление выявленных дефицитов потребовало в подготовке будущего учителя системных изменений, которые связываем с рядом направлений. Разработан *поликультурный модуль* формирования РПИ, интегрированный в содержание основных дисциплин, укажем некоторые из них: *история России* (акцент на истории взаимодействия и сотрудничества народов, общей судьбе, вкладе разных культур в становление государства); *педагогика и методика преподавания* (включение разделов по поликультурному образованию, методике преподавания в полиэтничных классах, дидактике диалога культур); *психология* (углубленное изучение этнопсихологии, психологии межгрупповых отношений, кросс-культурной коммуникации). Предложены *приемы и методы активизации* практико-ориентированной подготовки: организация педагогической практики в школах с многонациональным составом учащихся; использование активных методов: разбор кейсов с ситуациями межкультурного взаимодействия в школе; деловые игры, социально-педагогические проекты, связанные с культурным наследием региона. Организация встреч с носителями различных культур (в

формате мастер-классов, лекций, круглых столов).

В работе используем приемы и технологии для формирования личностной позиции и рефлексии: тренинги личностного роста, направленные на осознание собственной идентичности; выявление и преодоление стереотипов; ведение рефлексивных дневников в ходе педагогической, научно-исследовательской, воспитательной практики; обсуждение сложных этических дилемм. Важной особенностью нашей работы стало создание воспитывающей поликультурной среды внутри педагогического вуза (фестивали культур, студенческие инициативы, этнические и поликультурные встречи, праздники, поликультурные диалоги, мастер-классы ситуации успеха, диспуты). Проведенный эксперимент по реализации системы подготовки будущего учителя к формированию РПИ школьников показал закономерную динамику прироста по всем компонентам РПИ в экспериментальных группах: когнитивному (34%), операционально-деятельностному (28%); личностно-ценностному (42%); рефлексивному (29%), что доказывает решение поставленных в исследовании задач.

Таким образом, раскрыта сущность понятий «идентичность», «российская поликультурная идентичность». На основе теоретического анализа и методологии компетентного подхода разработана структурно-содержательная модель готовности к формированию РПИ, включающая когнитивный, операционально-деятельностный, личностно-ценностный и рефлексивный компоненты. Выявлены дефициты в современной системе педагогического образования, предложены пути их преодоления через интеграцию поликультурного компонента в учебные дисциплины, усиление практической подготовки, развитие личностной позиции будущего педагога в среде вуза.

Итак, формирование российской поликультурной идентичности – стратегическая задача школы, требующая специальной системной подготовки будущего учителя. Предложенная система переводит проблему из сферы общих деклараций в плоскость технологического решения, интегрируя ценностные, когнитивные, содержательные и деятельностные аспекты. Ключевым условием реализации системы подготовки будущего

учителя становится переход от *информирования* о культурах к *формированию личной позиции учителя* – готовности формирования РПИ. Готовность будущего учителя к формированию российской поликультурной идентичности школьников – это сложный, многокомпонентный феномен, требующий целенаправленного конструирования в образовательном процессе педагогического вуза. Готовность не сводится к усвоению суммы знаний о культурах, а предполагает развитие профессиональной компетентности, подкрепленной зрелой личностно-гражданской позицией. Ключевым условием успеха является системная и систематическая подготовка будущего учителя, обладающего высокой готовностью к организации процесса формирования РПИ школьников для воспитания гражданина, который чувствует себя дома в многообразной России и гордится ее единством.

Перспективы исследования связаны с разработкой концепции формирования РПИ, а также созданием, апробацией элективных курсов и методических комплексов для педагогических вузов.

Список литературы

1. **Алексеев Н.Н.** Советский компонент цивилизационной идентичности России // *Via in tempore. История. Политология.* – 2025. – № 1. – С. 202-211. DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-202-211, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82370308>
2. **Алехина Е.С., Паламарчук Е.А.** Культурная идентичность как один из регуляторов правовых отношений в современной российской семье [Электронный ресурс] // *Правовой порядок и правовые ценности.* – 2024. – № 4. – С. 17-23. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-identich> (дата обращения: 09.01.2026). <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-4-17-23>
3. **Ананьева Н.Н.** Кризис социокультурной идентичности как причина внутрилличностного конфликта // *Вестник славянских культур.* – 2024. – № 73. – С. 9–17. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-9-17>, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75095533>
4. **Артамонов Г.А. Маландин В.В.** Современные методологические подходы к определению сущности понятия «гражданская идентичность» // *Преподаватель XXI век.* – 2024. – № 1–2. – С. 377-385. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-377-385, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=65632976>
5. **Асмолов А.Г.** Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // *Вопросы образования.* – 2008. – № 1. – С. 65–86. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11731971&ysclid=mmi66v66sv894252006>
6. **Гукаленко О.В.** Поликультурное образование: теория и практика: монография. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный педагогический университет, 2003. – 512 с. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19917122>
7. **Дробижина Л.М.** Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // *Полис.* – 2018. – №5. – С. 110-115. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.09, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35653591>
8. **Евреева О.А., Афонин М.В.** Ценностный выбор российской цивилизации // *Социальная политика и социология.* – 2024. – Т. 23. – № 1 (150). – С. 126–131. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-1-126-131, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67317700>
9. **Егорова Г.И., Егоров А.Н.** Интеллектуализация профессиональной подготовки бакалавров техники и технологии в условиях реализации ФГОС // *Современные наукоемкие технологии.* – 2015. – № 10. – С. 86-89. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24332428>
10. **Кузнецова Е.В.** Этнопедагогическая подготовка будущих учителей к работе в полиэтничном регионе: монография. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2020. – 118 с. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43002156>
11. **Ломанов П.В., Бардаков А.В.** Культурологический аспект понятия «гражданская идентичность» // *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования.* – 2024. – Т. 10. – № 3. – С. 85–99. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-7, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=72475814>
12. **Макажанова Ж.М., Маврина И.А., Батаева Ф.А.** Поликультурность как свойство образовательной среды колледжа // *Научный результат. Педагогика и психология образования.* – 2019. – Т. 5. – №3. – С. С. 49-58. DOI: 10.18413/2313-8971-2019-5-3-0-4, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41041440>

13. **Макулов С.И.** Поликультурное образование как дефиниция педагогических исследований [Электронный ресурс] // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2014. – № 2. – С. 32-32. – URL: <https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=291> (дата обращения: 09.01.2026).
14. **Малькова З.А., Макаев В. В., Супрунова Л.Л.** Концепция поликультурного образования в современной общеобразовательной школе России. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1999. –14 с.
15. **Матис В.И.** Роль гражданского общества в создании многообразно-единого поликультурного общества // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2020. – Т. 1. – № 9. – С. 24-30. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43066912>
16. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) (ред. от 24.06.2025) (вступ. в силу с 01.09.2025) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/3402ba0b912d23e5a7c8dd42ea4e2930919682b7 (дата обращения: 09.01.2026).
17. **Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А.** Психология межэтнической напряжённости. – Москва: Смысл, 1998. – 389 с.
18. **Тишков В.А.** Российский народ: История и смысл национального самосознания. – 2021. – 631 с. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21339232>
19. **Указ Президента РФ от 25.11.2025 №858** «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413034563> (дата обращения: 09.01.2026).
20. **Федеральный закон от 20.10.2022 №402-ФЗ** [Электронный ресурс]. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=434204> (дата обращения: 09.01.2026).
21. **Эриксон Э.** Идентичность: юность и кризис : пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – 2-е изд. – Москва: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. – 341 с.

References

1. **Alekseev N.N.** Sovetskij komponent civilizacionnoj identichnosti Rossii // Via in tempore. Istoriya. Politologiya. – 2025. – № 1. – S. 202-211. DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-202-211, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82370308>
2. **Alexina E.S., Palamarchuk E.A.** Kul'turnaya identichnost' kak odin iz regulyatorov pravovy'x otnoshenij v sovremennoj rossijskoj sem'e [E'lektronny'j resurs] // Pravovoj poryadok i pravovy'e cennosti. – 2024. – № 4. – S. 17-23. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-identich> (data obrashheniya: 09.01.2026). <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-4-17-23>
3. **Anan'eva N.N.** Krizis sociokul'turnoj identichnosti kak prichina vnutrilichnostnogo konflikta // Vestnik slavyanskix kul'tur. – 2024. – № 73. – S. 9–17. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-9-17>, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75095533>
4. **Artamonov G.A., Malandin V.V.** Sovremennye metodologicheskie podxody' k opredeleniyu sushhnosti ponyatiya «grazhdanskaya identichnost'» // Prepodavatel' XXI vek. – 2024. – № 1–2. – S. 377-385. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-377-385, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=65632976>
5. **Asmolov A.G.** Strategiya sociokul'turnoj modernizacii obrazovaniya: na puti k preodoleniyu krizisa identichnosti i postroeniyu grazhdanskogo obshhestva // Voprosy' obrazovaniya. – 2008. – № 1. – S. 65–86. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11731971&ysclid=mmi66v66sv894252006>
6. **Gukalenko O.V.** Polikul'turnoe obrazovanie: teoriya i praktika: monografiya. – Rostov-na-Donu: Rostovskij gosudarstvenny'j pedagogicheskij universitet, 2003. – 512 s. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19917122>
7. **Drobizheva L.M.** Rossijskaya identichnost': diskussii v politicheskom prostranstve i dinamika massovogo soznaniya // Polis. – 2018. – №5. – S. 110-115. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.09, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35653591>
8. **Evreeva O.A., Afonin M.V.** Cennostny'j vy'bor rossijskoj civilizacii // Social'naya politika i sociologiya. – 2024. – Т. 23. – № 1 (150). – S. 126–131. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-1-126-131, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67317700>
9. **Egorova G.I., Egorov A.N.** Intel'ktualizaciya professional'noj podgotovki bakalavrov texniki i texnologii v usloviyax realizacii FGOS // Sovremennye naukoemkie texnologii. – 2015. – № 10. – S. 86-89. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24332428>
10. **Kuznecova E.V.** E'tnopedagogicheskaya podgotovka budushix uchitelej k rabote v polie'tnicheskom regione: monografiya. – Astraxan': Izdatel': Sorokin Roman Vasil'evich, 2020. – 118 s. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43002156>
11. **Lomanov P.V., Bardakov A.V.** Kul'turologicheskij aspekt ponyatiya «grazhdanskaya identichnost'» // Nauchny'j rezul'tat. Social'ny'e i gumanitarnye issledovaniya. – 2024. – Т. 10. – № 3. – S. 85–99. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-7, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=72475814>
12. **Makazhanova Zh.M., Mavrina I.A., Bataeva F.A.** Polikul'turnost' kak svojstvo obrazovatel'noj sredy' kolledzha // Nauchny'j rezul'tat. Pedagogika i psixologiya obrazovaniya. – 2019. – Т. 5. – №3. – S. 49-58. DOI: 10.18413/2313-8971-2019-5-3-0-4, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41041440>
13. **Makulov S.I.** Polikul'turnoe obrazovanie kak definiyia pedagogicheskix issledovanij [E'lektronny'j resurs] // Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki. – 2014. – № 2. – S. 32-32. – URL: <https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=291> (data obrashheniya: 09.01.2026).
14. **Mal'kova Z.A., Makaev V. V., Suprunova L.L.** Konceptiya polikul'turnogo obrazovaniya v sovremennoj obsheobrazovatel'noj shkole Rossii. – Pyatigorsk: Izd-vo PGLU, 1999. –14 s.
15. **Matis V.I.** Rol' grazhdanskogo obshhestva v sozdanii mnogoobrazno-edinogo polikul'turnogo obshhestva // Social'naya integraciya i razvitie e'tnokul'tur v evrazijskom prostranstve. – 2020. – Т. 1. – № 9. – S. 24-30. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43066912>
16. **Osnovy' zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o kul'ture** (utv. VS RF 09.10.1992 N 3612-1) (red. ot 24.06.2025) (vstup. v silu s 01.09.2025) [E'lektronny'j resurs]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/3402ba0b912d23e5a7c8dd42ea4e2930919682b7 (data obrashheniya: 09.01.2026).
17. **Soldatova G.U., Shajgerova L.A.** Psixologiya mezhe'tnicheskoj napryazhyonnosti. – Moskva: Smy'sl, 1998. – 389 s.
18. **Tishkov V.A.** Rossijskij narod: Istoriya i smy'sl nacional'nogo samosoznaniya. – 2021. – 631 s. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21339232>
19. **Ukaz Prezidenta RF ot 25.11.2025 №858** «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» [E'lektronny'j resurs]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413034563> (data obrashheniya: 09.01.2026).

20. Federal'nyj zakon ot 20.10.2022 №402-FZ [E'lektronnyj resurs]. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=434204> (data obrashheniya: 09.01.2026).

21. E'rikson E'. Identichnost': yunost' i krizis : per. s angl.; obshh. red. i predisl. A.V. Tolsty'x. – 2-e izd. – Moskva: Flinta: MPSI: Progress, 2006. – 341 s.

Информация об авторах

Кулашкина Алена Николаевна, учитель начальных классов Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения лицей имени генерал-майора Хисматулина Василия Ивановича, аспирант кафедры педагогического и специального образования бюджетного учреждения высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный педагогический университет», г. Сургут, Российская Федерация, alena.kulashkina@yandex.ru

Егорова Галина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогического и специального образования бюджетного учреждения высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный педагогический университет», член-корреспондент РАЕ, г. Сургут, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1013-9161>, SPIN-код: 6116-6720, AuthorID: 250423, egorovagi@list.ru

Information about the authors

Alena N. Kulashkina, a primary school teacher at the Lyceum named after Major General Vasily Ivanovich Khismatulin, a postgraduate student at Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation, alena.kulashkina@yandex.ru

Galina I. Yegorova, Dr. Sci (Pedagogy), professor, professor Chair of Pedagogical and Special Education, Surgut State Pedagogical University, corresponding member of Russian Academy of natural Sciences, Surgut, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1013-9161>, SPIN-code: 6116-6720, AuthorID: 250423, egorovagi@list.ru

Статья поступила в редакцию 18.01.2026

Поступила после рецензирования 21.01.2026

Принята к публикации 02.02.2026

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Received 18.01.2026

Revised 21.01.2026

Accepted 02.02.2026

The authors have read and approved the final manuscript.

Для цитирования: **Кулашкина А.Н., Егорова Г.И.** Готовность будущего учителя к формированию российской поликультурной идентичности школьников // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2026. – №1 (38). – С. 84-94.

For citation: **Kulashkina A.N., Yegorova G.I.** Future teacher's readiness to develop russian multicultural identity in schoolchildren // Humanities researches of the Central Russia. – 2026. – №1 (38). – P. 84-94.

DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-84-94

Гуманитарные исследования Центральной России»
«Humanities researches of the Central Russia», ISSN 2541-9056
<https://hum-research.com/ru/>

Научная статья

УДК 316.77

DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-95-101

Шифр научной специальности 5.4.4.

**ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ КАК РЕСУРС СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖИ
(НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Анастасия Андреевна Бессмертна , Дмитрий Викторович Трофимов ¹

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
400066, Российская Федерация, г. Волгоград, площадь Павших Борцов, зд. 1
 dtro34@yandex.ru

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Аннотация

Авторы рассматривают культурное добровольчество как значимый ресурс социокультурной социализации молодёжи в условиях институционализации добровольческого движения в Российской Федерации. Социальную значимость темы и её актуальность определяет высокая потребность духовного, нравственного и патриотического воспитания граждан в условиях нарастающего геополитического напряжения. Теоретико-методологическую основу исследования составляют положения социологии культуры, теории социальных практик, концепции социального и культурного капитала, а также положения Стратегии развития Всероссийского общественного движения добровольцев в сфере культуры «Волонтёры культуры» до 2030 года. Проанализирован региональный опыт Волгоградской области, раскрыты институциональные механизмы развития движения, формы культурных практик и их влияние на ценностные ориентиры молодёжи. Делается вывод о том, что культурное добровольчество выступает устойчивым механизмом трансляции культурных норм, формирования гражданской идентичности и накопления социального капитала.

Ключевые слова: социология культуры, культурное добровольчество, социокультурная социализация, молодёжь, ценностные ориентиры, культурная политика, региональное развитие

¹ ©Бессмертна А.А., Трофимов Д.В., 2026, Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0

**VOLUNTEERISM IN THE FIELD OF CULTURE AS A RESOURCE
OF SOCIO-CULTURAL SOCIALIZATION OF YOUTH
(ON THE EXAMPLE OF THE VOLGOGRAD REGION)**

Anastasia A. Bessmertnova , **Dmitry V. Trofimov**

Volgograd State Medical University of the Russian

1 building, Fallen Fighters Square, Volgograd, 400066, Russian Federation

Abstract

The authors examine cultural volunteerism as a significant resource for the sociocultural socialization of youth in the context of the institutionalization of the volunteer movement in the Russian Federation. The social significance and relevance of the topic stem from the pressing need for spiritual, moral, and patriotic education of citizens amidst growing geopolitical tension. The theoretical and methodological basis of the study is based on principles of the sociology of culture, the theory of social practices, the concept of social and cultural capital, and the provisions of the Development Strategy of the All-Russian Public Volunteer Movement in the Sphere of Culture "Volunteers of Culture" until 2030. The regional experience of the Volgograd Region is analyzed, revealing the institutional mechanisms for the movement's development, forms of cultural practices, and their impact on youth value orientations. It is concluded that cultural volunteering serves as a sustainable mechanism for transmitting cultural norms, shaping civic identity, and accumulating social capital.

Keywords: sociology of culture, cultural volunteerism, socio-cultural socialization, youth, value orientations, cultural policy, regional development

Социокультурная динамика развития современного общества актуализирует проблему формирования ценностных ориентиров молодёжи. Наряду с традиционными институтами социализации всё более значимая роль стала отводиться общественным инициативам, прежде всего добровольческим. Особое место среди них занимает добровольчество в сфере культуры, сочетающее общественную активность, участие в сохранении историко-культурного наследия и формирование гражданской ответственности.

Институциональное развитие данного направления формализуется в деятельности Всероссийского общественного движения добровольцев в сфере культуры «Волонтёры культуры», стратегические ориентиры которого определены в Российской Федерации до 2030 года. Документ подчеркивает необходимость формирования устойчивого сообщества добровольцев, расширения участия молодёжи в культурных проектах, развития образовательной инфраструктуры и межведомственного взаимодействия [10].

Цель работы – определить потенциал культурного добровольчества в сфере культуры как ресурса социокультурной социализации молодёжи на примере Волгоградской области.

Теоретико-методологическую основу исследования составили положения социологии культуры, теории социальных практик, концепции социального и культурного капитала, а также положения Стратегии развития Всероссийского общественного движения добровольцев в сфере культуры «Волонтёры культуры» до 2030 года. Проанализирован региональный опыт Волгоградской области, раскрыты институциональные механизмы развития движения, формы культурных практик и их влияние на ценностные ориентиры молодёжи. Выполнен анализ современных литературных источников открытого доступа по проблеме потенциала культурного добровольчества в сфере культуры как ресурса социокультурной социализации молодёжи. Эмпирическую базу составили материалы социологического исследования. В анкетировании приняли участие 1448 респондентов из числа студентов федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации. Математическая обработка данных проводилась методами вариационной статистики.

В рамках проблемного поля социологии культуры социализация понимается как процесс усвоения индивидом системы ценно-

стей, норм и моделей поведения, характерных для определённой культурной среды. Согласно теории социальных практик, устойчивые формы деятельности способствуют воспроизводству культурных структур и формированию идентичности [4, с. 573]. А культурное добровольчество в этом контексте может быть интерпретировано и как форма культурного участия, механизм накопления социального и культурного капитала, и как инструмент гражданского воспитания, а также как институциональный элемент культурной политики [6, с. 58].

Стратегия развития движения «Волонтёры культуры» до 2030 года определяет приоритеты развития кадрового потенциала, образовательных программ, участия добровольцев в сохранении наследия и формировании позитивного имиджа добровольчества [10]. Таким образом, добровольчество в сфере культуры приобретает институционально закреплённый характер и становится частью национальной культурной политики страны.

Развитие движения в Волгоградской области осуществляется в рамках государственной программы «Развитие культуры и туризма в Волгоградской области» (Постановление от 08.05.2015 № 217-п). Одним из целевых показателей программы является вовлечение добровольцев в сферу культуры. Волгоградское региональное отделение движения «Волонтёры культуры» создано в 2021 году [9]. Инфраструктурной основой стал учебно-методический центр «Волонтёры культуры», в задачи которого входит повышение квалификации специалистов, координация взаимодействия с образовательными и культурными учреждениями, набор добровольцев для участия в федеральных и региональных проектах. В образовательные программы вузов включена дисциплина «Организация добровольческой деятельности».

По состоянию на 2026 год на платформе «Добро.ру» в качестве волонтёров культуры региона зарегистрировано более 14 400 человек. Только за 2025 год реализовано свыше 120 мероприятий, охвачено более 7000 благополучателей. Волгоградская область входит в ТОП-10 регионов по развитию культурного добровольчества [1]. В рамках деятельности

движения в регионе были определены основные направления социальных практик.

Одним из важнейших направлений деятельности «Волонтёров культуры» стало сохранение культурного наследия. Добровольцы региона принимают участие в федеральных проектах Министерства культуры РФ, таких как «Волонтёры наследия», а также в археологических работах на объекте ЮНЕСКО – Херсонес Таврический. Подобная деятельность способствует формированию исторического сознания и ценностного отношения к культурному наследию.

Важным направлением работы стало участие в общественно значимых мероприятиях. Это направление можно обозначить как «событийное добровольчество в сфере культуры» [8, с. 43]. Добровольцы обеспечивают организационную поддержку мероприятий к Дню Победы на историко-мемориальном комплексе «Мамаев курган» в Волгограде. Также принимали участие в открытии собора Александра Невского, федеральных конкурсах и форумах. Данная практика усиливает гражданскую идентичность и чувство сопричастности к национальной истории.

Одним из ключевых направлений является участие волонтеров в организации социально ориентированных культурных проектов. Проекты «Лаборатория успеха», «Я – ДоброТворец», «Рисунки на здоровье», «Сохраняем наследие вместе» реализовывались в медицинских и социальных учреждениях, таких как ГУЗ «Городская клиническая больница скорой медицинской помощи №25» и других. Одним из направлений деятельности движения является интеграция в общегражданские инициативы. Участие в работе регионального штаба #МыВместе расширяет сферу общественной ответственности добровольцев, соединяя культурное и социальное направления. Эти инициативы формируют эмпатию, солидарность и навыки социального взаимодействия [2, с. 61].

Анализ регионального опыта показывает, что добровольчество в сфере культуры оказывает многомерное воздействие на процесс социализации его непосредственных участников и позволяет выделить следующие ключевые направления влияния культурного доб-

ровольчества: формирование гражданской идентичности, развитие культурного капитала, расширение социального капитала, укрепление профессиональных ценностей, формирование гуманистических установок и социальной ответственности. Культурное добровольчество выступает пространством усвоения ценностей исторической памяти, солидарности и общественного служения.

Добровольчество является устойчивым механизмом социокультурной социализации молодёжи, что крайне важно. Институциональная поддержка, образовательная интеграция и участие в значимых проектах формируют ценностную основу активной гражданской личности [5, с. 284].

На примере Волгоградской области добровольчество в сфере культуры следует рассматривать как структурированный институт воспроизводства культурных норм и эффективный инструмент реализации региональной культурной политики.

Проведенное анкетирование студентов федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, в котором приняли участие 1438 респондентов, показало, что 94,1% готовы реализоваться не только с пользой для себя, но и для общества; 78,2% – получают в этом поддержку со стороны сотрудников университета; 66,2% проявляют желание участвовать в организации мероприятий, что указывает на высокий потенциал развития инициативности в молодежной

среде. Кроме того, волонтерская деятельность вошла в ТОП-5 студенческой активностей [7, с. 45-65].

В части социализирующего потенциала культурного добровольчества можно выявить взаимосвязанные направления. Регулярное участие в культурных проектах способствует закреплению ценностей общественного служения, солидарности, исторической памяти и социальной ответственности. Вовлеченность в мероприятия, посвященные значимым историческим датам, работа по сохранению объектов культурного наследия и взаимодействие с различными социальными группами формируют устойчивую ориентацию на общественное благо, что развивает нормативно ценностную структуру личности (см. табл. 1). Добровольчество выполняет функцию вторичной социализации, корректируя и углубляя ценностные установки, полученные в семье и образовательных учреждениях [3, с. 142]. Участие в федеральных и региональных проектах, а также взаимодействие с органами государственной власти и учреждениями культуры усиливают чувство причастности к общественным процессам. Добровольцы воспринимают себя как субъект культурной и общественной жизни, что способствует формированию активной гражданской позиции и развивает гражданскую идентичность. Особую роль в этом процессе играет деятельность Всероссийского общественного движения добровольцев в сфере культуры «Волонтеры культуры», институционально закрепляющая участие молодёжи в культурной политике государства.

Таблица 1 – Социокультурные механизмы влияния на социализацию молодежи

Направление воздействия / Аспект	Механизм / Проявление	Результат / Функция
Ценностно-нормативный	Регулярное участие в проектах, посвященных истории, работа с наследием	Закрепление ценностей общественного служения, солидарности, исторической памяти и социальной ответственности
Личностный	Взаимодействие с различными социальными группами, погружение в деятельность	Формирование устойчивой ориентации на общественное благо (нормативно-ценностная структура личности)
Социализирующий	Корректировка и углубление первичных установок, полученных в семье и школе	Выполнение функции вторичной социализации

Результат проведенного исследования показывает, что добровольческая деятельность расширяет сеть социальных связей его участников. Взаимодействие с представителями учреждений культуры, образовательных организаций, органов власти, общественных объединений формирует горизонтальные и вертикальные коммуникационные связи, что способствует накоплению социального капитала и дальнейшей профессиональной интеграции в профессиональные сообщества. Происходит развитие коммуникативных и организационных компетенций – участие в организации культурных мероприятий, координация проектов, взаимодействие с благополучателями развивают навыки публичной коммуникации, командной работы, управления временем и ответственности за результат.

В рамках деятельности движения добровольцы проходят обучение, что усиливает профессионализацию волонтерской деятельности и формирует у участников понимание организационных и нормативных аспектов сферы культуры. В этой связи особое значение имеют проекты, направленные на помощь социально незащищенным категориям населения, медицинским и реабилитационным уч-

реждениям, детям и пожилым людям. Взаимодействие с благополучателями формирует эмоциональную зрелость, способность к сопереживанию и устойчивые установки на просоциальное поведение. В этом контексте культурное добровольчество выступает к Дню Победы пространством практического усвоения норм гуманизма и солидарности.

Для студентов участие в культурных проектах является частью профессионального становления. Добровольчество позволяет приобрести опыт работы в культурной среде, познакомиться с организационными механизмами функционирования учреждений культуры, а также интегрироваться в профессиональное сообщество.

На основе анализа можно выделить следующую модель социализирующего воздействия культурного добровольчества: социальная практика; ценностное усвоение; формирование идентичности; накопление социального капитала; социальная интеграция. Таким образом, добровольчество в сфере культуры выступает не только ресурсом внешней социокультурной среды, но и механизмом личностной трансформации участников движения.

Список литературы

1. Ассоциация волонтерских центров (Добро.рф). Инфраструктура поддержки добровольчества в Российской Федерации: аналитический отчет [Электронный ресурс]. – URL: [https://dobro.ru] (дата обращения: 02.02.2026).
2. Волчанский М.Е., Ковалева М.Д. Социальное конструирование культурных норм как предмет социологического исследования // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2023. – № 6. – С. 58-63. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=56993177>
3. Гречушкина Н.В., Бабажанова А.М. Формы лидерства в подростковой социальной среде // Перспективы науки. – 2022. – № 12(159). – С. 141-144. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50378409>

4. **Доника А.Д.** Патриотизм: социальные фреймы как динамика роста // Роль социальных практик в формировании мировоззрения: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Курск, 10–11 июня 2025 года. – Курск: Курский государственный медицинский университет, 2025. – С. 571-574. <https://elibrary.ru/vyirzc>
5. **Кравченко С.А.** Социология: парадигмы и темы. – М.: Юрайт, 2018. – 384 с.
6. **Маслянка Ю.В.** Основной вопрос философии и социальная практика: о роли фундаментальной философской теории в преодолении социальных кризисов // Новые идеи в философии. – 2020. – № 7(28). – С. 52-62. <https://elibrary.ru/xljihog>
7. **Мониторинг развития** культурного добровольчества в субъектах Российской Федерации. – М.: РОСКУЛЬТПРОЕКТ, 2023. – 78 с.
8. **Певная М.В., Дроздова А.А.** Культурное волонтерство студентов вузов: оценка опыта участия и потенциал развития // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31. – № 8-9. – С. 41-57. DOI 10.31992/0869-3617-2022-31-8-9-41-57, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49537511&ysclid=mmrikso7x1383565197>
9. **Развитие культуры и туризма** в Волгоградской области: государственная программа Волгоградской области: утв. постановлением Администрации Волгоградской области от 08.05.2015 № 217-п [Электронный ресурс]. – URL: https://culture.volgograd.ru/upload/iblock/5a8/GP-VO-Razvitie-kultury-i-turizma-v-Volgogradskoy-oblasti-2015_2020.pdf?ysclid=mma9n2nm7271179132. (дата обращения: 02.02.2026).
10. **Стратегия развития Всероссийского общественного движения** добровольцев в сфере культуры «Волонтеры культуры» до 2030 года [Электронный ресурс]. – URL: локальный файл (дата обращения: 02.02.2026).

References

1. **Associaciya volontyorskix centrov (Dobro.rf).** Infrastruktura podderzhki dobrovol'chestva v Rossijskoj Federacii: analiticheskij otchyt [E'lektronny'j resurs]. – URL: [<https://dobro.ru>] (<https://dobro.ru>) (data obrashheniya: 02.02.2026).
2. **Volchanskij M.E., Kovaleva M.D.** Social'noe konstruirovaniye kul'turny'x norm kak predmet sociologicheskogo issledovaniya // E'konomicheskie i gumanitarny'e issledovaniya regionov. – 2023. – № 6. – С. 58-63. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=56993177>
3. **Grechushkina N.V., Babazhanova A.M.** Formy' liderstva v podrostkovoj social'noj srede // Perspektivy' nauki. – 2022. – № 12(159). – С. 141-144. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50378409>
4. **Donika A.D.** Patriotizm: social'ny'e frejmy' kak dinamika rosta // Rol' social'ny'x praktik v formirovanii mirovozzreniya : Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Kursk, 10–11 iyunya 2025 goda. – Kursk: Kurskij gosudarstvenny'j medicinskij universitet, 2025. – С. 571-574. <https://elibrary.ru/vyirzc>
5. **Kravchenko S.A.** Sociologiya: paradigmy' i temy'. – М.: Yurajt, 2018. – 384 с.
6. **Maslyanka Yu.V.** Osnovnoj vopros filosofii i social'naya praktika: o roli fundamental'noj filosofskoj teorii v preodolenii social'ny'x krizisov // Novy'e idei v filosofii. – 2020. – № 7(28). – С. 52-62. <https://elibrary.ru/vyirzc>
7. **Monitoring razvitiya** kul'turnogo dobrovol'chestva v sub`ektax Rossijskoj Federacii. – М.: ROSKUL'ТПРОЕКТ, 2023. – 78 с.
8. **Pevnaya M.V., Drozdova A.A.** Kul'turnoe volontyorstvo studentov vuzov: ocenka opy'ta uchastiya i potencial razvitiya // Vy'sshee obrazovanie v Rossii. – 2022. – Т. 31. – № 8-9. – С. 41-57. DOI 10.31992/0869-3617-2022-31-8-9-41-57, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49537511&ysclid=mmrikso7x1383565197>
9. **Razvitie kul'tury' i turizma** v Volgogradskoj oblasti: gosudarstvennaya programma Volgogradskoj oblasti: utv. postanovleniem Administracii Volgogradskoj oblasti ot 08.05.2015 № 217-p [E'lektronny'j resurs]. – URL: https://culture.volgograd.ru/upload/iblock/5a8/GP-VO-Razvitie-kultury-i-turizma-v-Volgogradskoy-oblasti-2015_2020.pdf?ysclid=mma9n2nm7271179132. (data obrashheniya: 02.02.2026).
10. **Strategiya razvitiya Vserossijskogo obshhestvennogo dvizheniya** dobrovol'cev v sfere kul'tury' «Volontory' kul'tury'» do 2030 goda [E'lektronny'j resurs]. – URL: lokal'ny'j fajl. (data obrashheniya: 02.02.2026).

Информация об авторах

Бессмертнова Анастасия Андреевна, старший преподаватель кафедры истории и культурологии Института общественного здоровья им. Н.П. Григоренко федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7347-1317>, SPIN-код: 3078-8010, AuthorID: 864273, bembyone@mail.ru

Information about the authors

Anastasia A. Bessmertnova, senior teacher at the Chair of History and Cultural Studies of the N.P. Grigorenko Institute of Public Health Volgograd State Medical University of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7347-1317>, SPIN-code: 3078-8010, AuthorID: 864273, bembyone@mail.ru

Anastasia A. Bessmertnova, Dmitry V. Trofimov

Трофимов Дмитрий Викторович, ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Института непрерывного медицинского и фармацевтического образования (НМФО) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2192-8898>, SPIN-код: 7469-9069, AuthorID: 984201, dtro34@yandex.ru

Dmitry V. Trofimov, assistant assistant at the Chair of Public Health and Healthcare, the Institute of [Continuing Medical and Pharmacological Education](#) (NMFU) Volgograd State Medical University of the Russian, Volgograd, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2192-8898>, SPIN-code: 7469-9069, AuthorID: 984201, dtro34@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 05.02.2026

Поступила после рецензирования 10.02.2026

Принята к публикации 16.02.2026

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Received 05.02.2026

Revised 10.02.2026

Accepted 16.02.2026

The authors have read and approved the final manuscript.

Для цитирования: **Бессмертнова А.А., Трофимов Д.В.** Добровольчество в сфере культуры как ресурс социокультурной социализации молодёжи (на примере Волгоградской области) // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2026. – №1 (38). – С. 95-101.

For citation: **Bessmertnova A.A., Trofimov D.V.** Volunteerism in the field of culture as a resource of socio-cultural socialization of youth (on the example of the Volgograd region) // Humanities researches of the Central Russia. – 2026. – №1 (38). – P. 95-101.

DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-95-101

1. Редакция принимает материалы, соответствующие тематике журнала, отвечающие требованиям самостоятельного научного исследования (актуальность, научная новизна, достоверность сведений). Предоставляемые материалы не должны быть опубликованы ранее в других изданиях.

2. Статьи для рассмотрения возможности их публикации в журнале присылаются на адрес электронной почты: gicr-lspru@yandex.ru Редакция обязательно подтверждает получение рукописи в течение трех дней. Присылаемый материал регистрируется в редакции с указанием даты поступления, Ф.И.О. автора или авторов, места работы, контактов, названия материала.

3. К рассмотрению принимаются тексты объемом от 0,5 авторского листа (20 000 знаков с пробелами), оформленные в соответствии с предъявляемыми редакцией требованиями.

4. Автор/авторы направляют в редакцию следующие файлы:

- Файл со статьей. Название: Иванов_статья.
- Информация об авторе/авторах (**на русском и английском языках**). Название: Иванов_справка.

Информация об авторах включает в себя: ФИО, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, сфера научных интересов, контакты (телефон, адрес электронной почты, почтовый адрес с указанием индекса, название статьи).

• Аспиранты и соискатели направляют в редакцию отсканированный отзыв научного руководителя с заверенной подписью. Название: Иванов_отзыв.

В отзыве обязательно наличие фразы о том, что статья рекомендована к публикации.

5. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана автором. **Материалы, не соответствующие выдвигаемым реакцией критериям, редакционной коллегией не рассматриваются.**

6. **Технические параметры:** текст набирается в программе Word: размер шрифта – 14, гарнитура – Times New Roman, межстрочный интервал – 1,5, поля – 2 см со всех сторон. Объем статьи – от 0,5 а.л. (20 000 знаков с пробелами). Абзацный отступ – 1 см.

7. **УДК** – выравнивание по левому краю.

8. **Заглавие статьи** – на русском и английском языках, выравнивание по центру, заглавные буквы, полужирный шрифт. Названия работ должны быть информативными, краткими и отражать суть тематического содержания материала.

9. **Инициалы и фамилия автора** – на русском и английском языках, выравнивание по центру, строчные буквы, полужирный шрифт.

10. **Аннотация** – на русском и английском языках, курсив, объем – от 20 строк. В тексте аннотации раскрывается не научная проблема, а содержание статьи – актуальность, предмет, объект, методы, научная новизна.

11. **Ключевые слова** – на русском и английском языках, 5-7 слов и словосочетаний.

12. **Список литературы** оформляется в алфавитном порядке. Каждый пункт должен включать в себя: фамилию и инициалы автора/авторов, заглавие работы, место издания, издательство, год издания, количество страниц для книг, диапазон страниц – для статей в журналах и сборниках. **Список литературы в обязательном порядке приводится также в соответствии с правилами транслитерации.**

13. **Ссылка** в тексте статьи включает в себя указание в квадратных скобках на номер цитируемой работы из списка литературы, а также через запятую – страницы. Пример: [5, с. 321], [1, с. 12; 8, с. 12-14].

14. **Таблицы** в тексте имеют сквозную нумеруются и заголовков, в тексте на таблицу дается ссылка, например: (см. табл. 5).

15. **Иллюстрации** следует представлять отдельным файлом и сопровождать подписями. В тексте должны присутствовать ссылки на иллюстрации, например: (см.: рис. 2).

16. **Формулы** должны быть набраны в редакторе формул программы Word. Перенос формул допускаются на знаках «плюс» и «минус», реже – на знаке «умножение». Эти знаки повторяются в начале и в конце переноса. Формулы следует нумеровать (нумерация сквозная по всей работе арабскими цифрами). Номер формулы заключают в круглые скобки у правого края страницы.

Information for the Contributors/ Authors

1. The Editorial Board accepts the submissions that correspond to the subject matter of the journal and which consist of original work (having topicality, scientific novelty of the original research and credibility of information) that has not been previously published and is not under consideration for publication elsewhere.

2. The Contributors are kindly asked to send their papers at gicr-lspu@yandex.ru where they are first reviewed and selected. The Editorial Board confirms the receipt of the manuscript within 3 days and it also registers the date of the receipt of the submissions, the name(s), place of work and contacts of the author(s) as well as the names of the materials sent.

3. The papers submitted which fully confirm to the requirements of the Editorial Board should more than 0,5 of the author's sheet in length (minimum 20,000 characters, including spaces).

4. The Contributors are asked to send the following materials to the Editorial Board:

- Manuscript in MS Word file entitled like in this example: Ivanov_article.
- Information about the author(s) (**in Russian and English**) which includes surname, name and patronymic, place of work, occupation, academic degree, academic title, the scope of scientific interests and contacts (telephone number, e-mail address, postal address, zip, the title of the article). This file should be entitled like in this example: Ivanov_information.

- Postgraduate students and external PhD students are to submit to the Editorial Board scanned evaluation reference from their research advisor whose signature must be duly certified. This file should be entitled like in this example: Ivanov_evaluation reference. Such evaluation reference must necessarily contain the phrase that the manuscript is recommended for publication.

5. **Papers sent must be thoroughly revised by the author(s) and fully comply with the requirements listed below. Otherwise, the paper is normally rejected.**

6. **Technical parameters:** the text is an MS Word file, font size – Times New Roman font, 14 pt throughout, single-and-a-half-spaced, 2-cm margins on all sides, 1-cm paragraph indentation. The volume of the article – more than 0,5 printed sheet (20 000 characters with spaces). Paragraph Indentation – 1cm.

7. **UDC** should be set at the left margin.

8. **The heading of the article** in Russian and English should be centred, in capital letters, bold emphasis. The headings are expected to be short and informative, thus reflecting the thematic approach of the research conducted.

9. **Author's initials and surname** in Russian and English should be centred, in lower-case letters, bold emphasis.

10. The relevant line length of the **Abstract** printed in italics in Russian and English is up from 20 lines. The information given in the Abstract should cover the contents of the article (topicality, subject, object, methods and scientific novelty) rather than scientific problem.

11. **Key words** in Russian and English are normally 5-7 words and word combinations.

12. **References** are to be listed in alphabetical order. Authors should ensure that every item in the References at the end of the article includes the initials and the surname of the author/co-authors, the heading of the article, the place and the year of publication, publishing house, the number of the pages, and the page-number spans are to be provided for the articles taken from journals and collections of articles. **References should also necessarily be given in accordance with the rules of transliteration.**

13. **Footnotes** in square brackets should be numbered in accordance with the References at the end of the article which are cited in text and include the number of the page which is preceded by a comma. E.g. [5, p.321], [1,p.12; 8, p. 12-14].

14. **Tables** should have continuous page numbering and title and be referred to in the text of the article. E.g. (see Table 1).

15. **Figures** must be presented in a separate file and have captions. They should be referred to in the text of the article. E.g. (see Fig. 1).

16. **Formulae** are to be presented in MS Word Equation Editor and be separated only at the signs of "plus" and "minus" and sometimes "multiplication". These signs are repeated at the beginning and at the end of a separated formula. The formulae should have continuous page numbering in Arabic numerals. The number of each formula goes in parentheses at the right margin of the page.

Главный редактор М.В. Богуславский

Редактор-корректор В.И. Буланова

Художественное и графическое редактирование,
компьютерная верстка О.Е. Булхова

Перевод Е.Г. Трунова

Территория распространения – Российская Федерация

**Данный выпуск журнала можно приобрести по подписке через объединенный каталог
«ПОЧТА РОССИИ». Подписной индекс ПН173
по договору с АО «ПОЧТА РОССИИ» №3217/2022-УЦ от 13 августа 2021 г.**

Подписано в печать 02.03.2026 г.

Дата выхода в свет 31.03.2026 г.

Формат 60 × 84 1/8.

8 п. л.

Тираж 500 экз.

Заказ № 2250.

Каталожная цена с НДС 587,4 рубля за 1 экземпляр

Редакция журнала «Гуманитарные исследования Центральной России».
398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, 42
<http://hum-research.com>

Отпечатано в отделе редакционно-печатной деятельности федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, 42

Editor in chief M.V. Boguslavskiy

Editor-corrector V.I. Bulanova

Art and graphical editing, desktop publishing O.Ye. Bulkhova

Translation E.G. Trunova

Distributed in Russian Federation

**This issue can be obtained by subscription through union catalogue "RUSSIAN POST".
The subscription index is ПН 173 under the agreement with corporation "RUSSIAN POST"
No. 3217/2022- УЦ dated August 13, 2021.**

Signed to print 02.03.2026 г.

Date of publishing 31.03.2026 г.

Sheet size 60 × 84 1/8.

8 printed sheets.

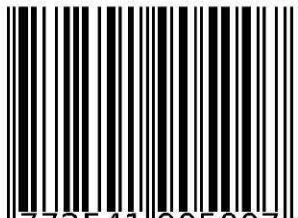
Number of copies 500.

Order no. № 2250.

The catalog price with VAT is 587,4 rubles per 1 copy

Editorial office: 42, Lenina St., 398020, Lipetsk, Lipetsk region, Russia
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University Printshop: 42, Lenina St.
398020, Lipetsk, Lipetsk region, Russia

ISSN 2541-9056

9 772541 905007 >